Цѣна 1 руб. 25 коп.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“
С.-Петербургъ, Забалканскій просп., соб. домъ № 75

Иванъ Янжулъ

Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы

Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ

Съ предисловіемъ **М. М. Ковалевскаго**

Второе изданіе

С.-Петербургъ
Типо-литографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75

Иванъ Янжулъ.

Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы.

Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ.

Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго.

Второе изданіе.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Типо-литографія Т-ва „Просвѣщеніе“, Спб., Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Предисловіе ко второму изданію.

Многимъ, вѣроятно, еще памятны препирательства, возникшія между главою правительства и членами второй Думы по вопросу о правѣ послѣдней призывать въ свои комиссіи экспертовъ, другими словами — о правѣ искать совѣта и указаній у людей знанія и житейскаго опыта. Можно было думать, что въ нашемъ „обновленномъ строѣ“, порвавшемъ съ тайной бюрократическихъ канцелярій, съ полнымъ сочувствіемъ встрѣчено будетъ намѣреніе народныхъ представителей приступать къ рѣшенію вопросовъ законодательства вполнѣ освѣдомленными. Но, какъ всѣмъ извѣстно, на выраженное ими желаніе послѣдовалъ чиновный запретъ.

Вопреки поговорки, гласящей, „что было, то былью поросло“, т. е. больше не повторится, я думаю, что и въ будущемъ, при всякой возможности разномыслія, кабинетъ на запросъ народныхъ ставленниковъ о разностороннемъ освѣщеніи предлагаемыхъ имъ мѣропріятій отвѣтитъ тѣмъ же „non possumus“. За этими словами скрывается отсутствіе доброй воли, старая приказная волокита, нажитая привычка рѣшать государево дѣло „самъ третей у постели“.

Русскому обществу предстоитъ или и впредь оставаться, какъ это было въ прошломъ году, недоумѣвающимъ зрителемъ дуэли между ищущими свѣта и отказывающими въ немъ, или принять на себя починъ въ созданіи такого постояннаго очага, изъ котораго бы, при добромъ ли или дурномъ нравѣ начальства, лучи

свѣта постоянно и равномѣрно лились бы на всѣ вопросы государственной жизни и прежде всего на тѣ, которые связаны съ народнымъ хозяйствомъ.

Всюду на Западѣ, гдѣ законодательная власть находится въ рукахъ избираемыхъ палатъ, каждому открывается возможность изустной, писанной или печатной проповѣдью воздѣйствовать на ходъ ихъ работъ и подготовлять принимаемыя ими рѣшенія. Если бы Рикардо и не былъ членомъ Палаты Общинъ, съ его мнѣніемъ все равно бы пришлось считаться ея депутатамъ, какъ считались они съ ученіями Адама Смита, никогда не имѣвшаго чести состоять въ ихъ средѣ. Необходимо для этого только одно, чтобы одинокій голосъ человѣка, хорошо освѣдомленнаго, но лишеннаго власти, дошелъ до тѣхъ, кто этой властью располагаетъ, кто можетъ поэтому открытую кѣмъ-либо истину обратить на благо всѣхъ гражданъ, давъ ей внѣшнее воплощеніе, построивъ въ согласіи съ нею ту общеобязательную норму, которая должна впредь служить правиломъ поведенія одинаково для властвующихъ и подвластныхъ.

Есть не мало путей и средствъ къ тому, чтобы сдѣлать общимъ достояніемъ лучъ истины, способный, очевидно, зародиться только въ частномъ мозгу. Свобода слова и свобода печати прежде всего приходитъ на умъ.

Но рядомъ съ ними не малое значеніе имѣютъ и сообщества, ставящія себѣ цѣлью всестороннее изученіе выдвинутыхъ жизнью государственныхъ проблемъ, въ томъ числѣ и прежде всего проблемъ экономическихъ, финансовыхъ, соціальныхъ.

Такія сообщества издавна стали возникать въ той изъ странъ міра, которая одна сумѣла сохранить отъ среднихъ вѣковъ общій имъ типъ ограниченной сословіями монархіи и самостоятельно переработать его въ монархію представительную и парламентарную. Еще недавно объ одномъ изъ возникшихъ въ Англіи сооб-

ществъ, о „Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ“, вспоминалъ нашъ извѣстный экономистъ Исаевъ, какъ о предметѣ, достойномъ подражанія. И, дѣйствительно, какъ бы полно ни понимали партійныя организаціи и клубы свою задачу подготовки законопроектовъ при содѣйствіи ученыхъ спеціалистовъ, какъ бы широко ни открывали они имъ двери своихъ комиссій, въ самомъ подборѣ тѣхъ, у кого они ищутъ совѣта и руководительства, неизбѣжно должна будетъ сказаться извѣстная односторонность. При всемъ желаніи, каждый изъ насъ несомнѣнно склоненъ цѣнить только мнѣнія, подтверждающія его собственныя. Другое дѣло, если надъ партіями поставлено будетъ общество, призывающее къ совмѣстной работѣ всѣхъ, кто имѣетъ что сказать по поставленнымъ на очередь вопросамъ, общество, подвергающее сообщеніе каждаго изъ своихъ сочленовъ перекрестному огню состязательныхъ дебатовъ, общество, достаточно объективное и искреннее, чтобы не считать споръ законченнымъ каждый разъ, когда въ пользу того или другого рѣшенія выскажется большинство, а потому готовое дать выраженіе въ своихъ трудахъ, въ издаваемыхъ имъ книгахъ, брошюрахъ и летучихъ листкахъ, противорѣчивымъ взглядамъ.

Такое общество дѣйствительно можетъ стать родникомъ не только живого, но и животворящаго потока, свѣточемъ многосторонней истины, очагомъ знанія и практическаго опыта. Этимъ была и доселѣ остается Ливерпульская ассоціація, подражать которой еще недавно призывалъ насъ нашъ собратъ по наукѣ. Ея исторія написана и къ тому же только на русскомъ языкѣ. Академикъ Янжулъ, дѣятельность котораго, какъ ученаго, профессора и государственнаго дѣятеля, давно оцѣнена должнымъ образомъ, кому мы обязаны одинаково и критикой нашей устарѣлой системы налоговъ и поднятіемъ на подобающую высоту дѣятельности фабричнаго инспектора — этого третейскаго посредника между трудомъ и капиталомъ, посвятилъ цѣлую

монографію изображенію историческихъ судебъ этого единственнаго въ своемъ родѣ учрежденія. Онъ сдѣлалъ это на основаніи частью печатнаго матеріала, далеко не всѣмъ доступнаго, частью на основаніи устныхъ сообщеній, сдѣланныхъ ему г. Мэккуиномъ, долгое время состоявшимъ дѣятельнымъ членомъ и секретаремъ Ливерпульской ассоціаціи.

Едва поэтому возникъ вопросъ о желательности создать въ нашей средѣ общество, сходное съ Ливерпульской ассоціацией, какъ явился новый запросъ на книгу, уже выдержавшую два изданія, сперва въ популярномъ журналѣ „Отечеств. Зап.“, а затѣмъ отдѣльной монографіей. Нашъ старый другъ и товарищъ по преподаванію въ московскомъ университетѣ, жалѣя, что недостатокъ времени не позволяетъ ему продолжить исторіи ассоціаціи до нашихъ дней, обязательно далъ свое согласіе на новую отпечатку его труда. Онъ пожелалъ также сохранить въ своей книгѣ и то посвященіе, съ которымъ она впервые вышла въ свѣтъ. Сочиненіе академика Янжула появляется съ нѣсколько измѣненнымъ только заглавіемъ, позволяющимъ сразу замѣтить его всѣмъ тѣмъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелямъ, которыхъ интересуетъ критика государственныхъ расходовъ, т. е. ближайшая задача, какую ставила и ставитъ себѣ Ливерпульская ассоціація.

Максимъ Ковалевскій.

Петербургъ.
1 января 1908 г.

Предисловіе къ первому изданію.

Настоящій финансово-критическій очеркъ знакомъ русской публикѣ по ряду статей подъ тѣмъ же почти заглавіемъ, напечатанныхъ давно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ [1]. Соединивши ихъ въ одну книгу и выпуская въ свѣтъ въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ, авторъ считаетъ нужнымъ оговориться о тѣхъ мотивахъ, которыми онъ при этомъ руководился. Первая причина, побудившая его къ изданію книги, заключается въ той важности, которую онъ приписываетъ дѣятельности Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ, какъ прямой наслѣдницѣ принциповъ и цѣлей знаменитой лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Едва ли найдется образованный человѣкъ, который бы не былъ знакомъ, хотя по наслышкѣ, съ общимъ характеромъ этой лиги и ея великой борьбы за свободную торговлю, составляющей одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ новѣйшей исторіи Великобританіи, оставшейся также не безъ вліянія, какъ извѣстно, и на экономическую политику континентальной Европы. Но, между тѣмъ, какъ лига послужила предметомъ многихъ спеціальныхъ изслѣдованій (Прентиса, Ришло, Эшуорта и другихъ) и массы журнальныхъ очерковъ и статей на всѣхъ европейскихъ языкахъ, Ливерпульская ассоціація, несмотря на ея немаловажное значеніе для

[1] „Отечественныя Записки" 1879 года, іюль, августъ, сентябрь и ноябрь.

развитія идей свободной торговли и преобразованія англійскихъ финансовъ, до сихъ поръ не имѣетъ, на сколько извѣстно автору, хотя бы легкаго очерка своей исторіи и должной оцѣнки ея дѣятельности ни въ англійской, ни въ другой европейской литературѣ. Пополнить нѣсколько этотъ странный пробѣлъ и обратить на него вниманіе историковъ и экономистовъ составляетъ первую задачу настоящей книги. Имѣя возможность, не безъ значительныхъ затрудненій, собрать довольно полную коллекцію всѣхъ изданій этого интереснаго общества за его многолѣтнее существованіе, а также получить изъ первыхъ рукъ, отъ нынѣ уже умершаго м-ра Мэккуина (Macqueen) въ Ливерпулѣ, нѣсколько письменныхъ свѣдѣній, нигдѣ не напечатанныхъ, авторъ этой книги желалъ свой посильный трудъ сдѣлать болѣе гласнымъ и привлечь къ изученію того же вопроса другихъ болѣе опытныхъ изслѣдователей.

Кромѣ того, изъ всей обширной тридцатилѣтней дѣятельности Ливерпульской ассоціаціи, авторъ не безъ намѣренія также выбралъ на первый разъ лишь небольшой уголокъ ея — критику государственныхъ расходовъ — и притомъ ограничился преимущественно первыми десятью годами существованія ассоціаціи. Постоянный ростъ въ настоящее время государственныхъ расходовъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, въ особенности на военныя и морскія сооруженія, причемъ одна страна соперничаетъ съ другой и стремится ее превзойти размѣрами своихъ тратъ для этой цѣли, обращаетъ невольно общее серьезное вниманіе какъ литературы, такъ и самихъ правительствъ и государственныхъ людей, старающихся придумать мѣры къ возможному сокращенію этихъ расходовъ. Такимъ образомъ эта сторона дѣятельности ливерпульскаго общества выбрана авторомъ въ виду того, что вопросъ о расходахъ имѣетъ наибольшій современный интересъ; періодъ же времени (1848—1858 гг.) взятъ

потому, что принадлежалъ къ весьма знаменательнымъ въ исторіи расходовъ эпохамъ и отдаленъ отъ насъ настолько, что уже дѣлаетъ возможнымъ вполнѣ безпристрастное къ себѣ отношеніе [1].

Сознавая всю важность затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, авторъ почтетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за свой трудъ, если возбудитъ, слѣдуя англійскому образцу, желаніе заняться критическимъ изслѣдованіемъ какой-либо отрасли государственныхъ расходовъ и въ другой странѣ Европы [2].

Москва.

Февраля 10 дня, 1880 года.

---

[1] Авторъ ограничился разсмотрѣніемъ лишь нѣкоторыхъ государственныхъ расходовъ по причинамъ, объясненіе которыхъ читатель найдетъ въ концѣ книги.

[2] Настоящее 2-е изданіе книги, почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ 1-го изд., представляетъ собой точную перепечатку ея содержанія, какъ оно первоначально появилось когда-то на страницахъ „Отечеств. Записокъ“ временъ Салтыкова, лишь съ немногими подстрочными примѣчаніями и почти безъ всякихъ иныхъ перемѣнъ. *И. Я.*

С.-Петербургъ.

22 декабря, 1907 г.

Посвящается

другу моему

М. М. Ковалевскому.

Оглавленіе.

Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы.

Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ.

Глава I.

Введеніе.

Причины успѣха финансовыхъ реформъ въ Англіи. — Политическія общества и ихъ значеніе. — Лига противъ законовъ объ охотѣ. — Общество для дарованія женщинамъ избирательныхъ правъ. — Лига противъ хлѣбныхъ законовъ. — Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ; причины основанія и ея издательская дѣятельность.

„Without sound finance no sound government is possible; without sound government no sound finance is possible“ [1].

James Wilson.

Едва ли какая-либо другая страна въ Западной Европѣ пережила за послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ такія многочисленныя и важныя измѣненія въ общемъ строѣ своего законодательства, какія пришлось перенести Англіи. Главный источникъ ея колоссальнаго богатства составляетъ мануфактурная промышленность, и поэтому фабричное законодательство подверглось наибольшимъ измѣненіямъ почти во всѣхъ частяхъ. Такъ, въ началѣ прошлаго столѣтія всякіе союзы между рабочими были запрещены, забастовки съ цѣлью возвышенія заработной платы преслѣдовались закономъ, и взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ отличались чрезвычайной неопредѣленностью и произволомъ со стороны первыхъ. Съ тѣхъ поръ произошли весьма значительныя перемѣны: забастовки и союзы

[1] „Безъ хорошихъ финансовъ невозможно хорошее правительство; безъ хорошаго правительства невозможны хорошіе финансы“.

Джемсъ Вильсонъ.

были дозволены, и послѣдніе выросли въ стройную организацію, которая обнимаетъ милліоны населенія и обусловливаетъ взаимную помощь и единодушіе дѣйствія; наконецъ, количество времени труда относительно женщинъ и дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, правила гигіенической обстановки фабрикъ и отвѣтственность предпринимателей за нарушеніе этихъ правилъ — все это за тотъ же періодъ времени точно опредѣлено и установлено существующимъ закономъ. Будущее, очевидно, приведетъ къ большему упроченію и расширенію этого государственнаго вмѣшательства въ частную экономическую дѣятельность. Въ то же время почти одинаково крупныя перемѣны произошли и въ финансовомъ устройствѣ этой страны. Восемьдесятъ лѣтъ назадъ система англійскихъ государственныхъ доходовъ отличалась большой сложностью, запутанностью и служила важной помѣхой для производительности народнаго труда. Существовала разнообразная масса косвенныхъ налоговъ, падавшихъ на множество предметовъ потребленія и иныхъ продуктовъ человѣческаго труда: однихъ акцизовъ, или налоговъ, падавшихъ на предметы внутренняго производства, насчитывалось до двадцати. Таможенная система отличалась не только охранительнымъ, но даже запретительнымъ характеромъ, и число привозныхъ продуктовъ, обложенныхъ пошлинами, считалось чуть не тысячами. Однимъ словомъ, чуть ли не каждый предметъ цѣнности и чуть ли не каждое дѣйствіе человѣка служили предлогомъ для взиманія государственнаго налога. Одинъ современникъ (лордъ Брумъ) такъ остроумно характеризовалъ это ненормальное финансовое положеніе Англіи въ дореформенный періодъ. „Налоги существуютъ у насъ, — говорилъ онъ, — для всякаго предмета, который попадаетъ въ ротъ, покрываетъ тѣло или лежитъ подъ ногами; налоги существуютъ на все, что пріятно видѣть, слышать, чувствовать, нюхать или вкушать; налоги — на все въ землѣ, въ водѣ и подъ землею; на все, что получается изъ-за границы или растетъ дома; налоги — на сырые матеріалы и на все, что получается трудомъ и искусствомъ человѣка; налоги — на всякій кусокъ хлѣба, который съѣдаетъ здоровый человѣкъ, и на лѣкарство, которое принимаетъ больной; налоги — на горностая, который укра-

шаетъ судью, и на веревку, на которой вѣшается преступникъ; налоги — на прихоти богача и на насущную хлѣбъ-соль бѣдняка; налоги — на ленты, украшающія невѣсту, и на бронзовые гвозди гроба; короче — мы должны платить за все, начиная со стола и постели. Школьникъ платитъ за кубарь, который онъ пускаетъ; безбородый юноша гарцуетъ на конѣ, оплаченномъ налогомъ, сидя на обложенномъ также сѣдлѣ и съ обложенной уздой и хлыстомъ въ рукахъ; умирающій англичанинъ наливаетъ лѣкарство, обложенное налогомъ въ 7%, въ ложку, которая оплачивается 15%, и ложится въ постель, стоимость которой оплачена налогомъ въ 22%; онъ дѣлаетъ, наконецъ, завѣщаніе, за которое уплачиваетъ 8 фун. стерлинговъ гербовой пошлины, испускаетъ духъ на рукахъ врача, который платитъ 100 ф. с. за привилегію довести его до могилы. Вся оставшаяся послѣ смерти его собственность оплачивается налогомъ отъ 2 до 10% при утвержденіи и провѣркѣ завѣщанія, и, сверхъ того, большія деньги еще требуются для погребенія его при церкви. Его добродѣтели возвѣщаются потомству на обложенномъ налогомъ мраморѣ, а главное — онъ самъ отправляется ad patres для того, чтобы уже не платить болѣе налоговъ..."

Таково было финансовое положеніе Англіи въ первой четверти прошлаго столѣтія: великій періодъ реформъ, начиная главнымъ образомъ съ сороковыхъ годовъ, рѣзко и рѣшительно измѣнилъ весь этотъ ненормальный финансовый строй, тяжело давившій англійскій народъ. Масса налоговъ была уничтожена, и въ настоящее время англійскій бюджетъ отличается такой простотой и несложностью, которая не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ финансовыхъ системахъ другихъ европейскихъ государствъ. Число акцизовъ въ ней теперь не превосходитъ трехъ (спиртные напитки, солодъ и цикорій), а таможенный тарифъ заключаетъ въ себѣ всего лишь 13 статей (не считая нѣкоторыхъ мелочей), чего не представляетъ финансовая исторія никакого иного народа. Замѣчательно притомъ, что это небольшое количество оставшихся налоговъ даетъ въ общей суммѣ бо́льшій доходъ казначейству, чѣмъ всѣ прежніе многочисленные сборы, изъ которыхъ большая часть уплачивалась

неимущей массой народа. Въ расходахъ произошла также соотвѣтствующая перемѣна къ лучшему. Главную роль въ бюджетѣ играетъ въ Англіи, какъ и вездѣ въ Европѣ, расходъ на войско и флотъ; но въ то же самое время, когда, напримѣръ, за тридцать лѣтъ (съ 1848 до 1878) этотъ расходъ выросъ менѣе, нежели вдвое, расходы на цѣли производительныя возростали несравненно быстрѣе: такъ, на народное образованіе за то же время (съ 1848 до 1878 г.) расходъ увеличился въ двѣнадцать разъ; наоборотъ, въ расходахъ на высшее управленіе и администрацію увеличеніе замѣчается большею частію незначительное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти расходы за весь означенный періодъ даже уменьшились, напримѣръ, издержки на финансовое управленіе, министерство иностранныхъ дѣлъ и т. д.

Этотъ блестящій успѣхъ финансовыхъ реформъ въ англійскомъ государственномъ хозяйствѣ представляетъ собой крайне поучительный образецъ для всякаго, кто интересуется и дорожитъ экономическимъ благомъ народа. Всякая копейка, извлекаемая правительствомъ изъ народнаго кармана и употребляемая на цѣли непроизводительныя, конечно, прибавляетъ лишь минусъ къ благосостоянію народа, и—напротивъ, та же копейка, затраченная производительно, можетъ принести народу двойную или тройную пользу. Весь вопросъ заключается въ томъ, какимъ образомъ можетъ быть наилучше организована финансовая система, и при какихъ условіяхъ какія издержки должны быть признаны производительными и какія нѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Англія прежде всего обязана процвѣтаніемъ своихъ финансовъ характеру своей политической огранизаціи, которая обусловливаетъ доступъ къ законодательству бо̀льшей части существующихъ интересовъ и партій. Борьба этихъ интересовъ создаетъ и выдвигаетъ на историческую сцену такихъ великихъ финансовыхъ реформаторовъ, какъ Вилльямъ Питтъ, Робертъ Пиль, Гладстонъ и др., людей, столько же талантливыхъ, сколько и разносторонне образованныхъ; изъ болѣе видныхъ государственныхъ людей Англіи, особенно за послѣднее время, нельзя почти указать ни на одного, который бы не имѣлъ извѣстности въ качествѣ литератора (Дизраэли) или ученаго

(Дерби, Норткотъ, Гладстонъ). Такимъ образомъ, общественное мнѣнiе какъ бы намѣчаетъ заранѣе тѣхъ людей, которымъ желаетъ довѣрить руководство и управленiе страной, почему нигдѣ въ мiрѣ печать не имѣетъ такой силы и такого значенiя, какъ въ этой странѣ. „Тотъ, кто изслѣдуетъ государственное устройство Великобританiи, — справедливо говоритъ Каннингъ, — тотъ не долженъ упускать изъ разсчета могущественное влiянiе тамъ общественнаго мнѣнiя, воплощеннаго въ свободной прессѣ, которая все контролируетъ, повсюду проникаетъ и, можетъ быть, въ концѣ концовъ управляетъ всѣмъ. Наблюдатель, который бы оставилъ эту сторону безъ вниманiя, получилъ бы крайне несовершенное понятiе о правительствѣ Англiи".

Этой широкой свободѣ, нѣтъ сомнѣнiя, Англiя обязана легкостью выполненiя и серьезностью тѣхъ законодательныхъ реформъ, которыя совершены въ ней въ послѣднее время и о которыхъ мы частiю уже упоминали. Такiя перемѣны, которыя затрагиваютъ массу частныхъ интересовъ и на континентѣ Европы совершаются лишь скачками, вызывая болѣзненныя потрясенiя, происходятъ въ Великобританiи постепенно, вполнѣ легальнымъ путемъ, и отличаются своею прочностью и цѣлесообразностью. Англичанинъ поэтому — врагъ всякихъ насильственныхъ и рѣзкихъ измѣненiй своей общественной или государственной жизни и до послѣдней степени готовъ переносить неудобство существующаго порядка. Лишь когда сознанiе непригодности этого порядка достаточно созрѣло и посредствомъ прессы и многолюдныхъ митинговъ распространилось въ народѣ, оно доходитъ до парламента и вызываетъ на свѣтъ необходимую реформу. Важность настоящей политической организацiи Англiи именно заключается въ томъ, что она даетъ полный просторъ развиться этому сознанiю и возможность взвѣсить и обсудить каждый данный вопросъ со всѣхъ сторонъ гораздо раньше, нежели онъ поступилъ въ вѣдѣнiе законодательной власти. Обыкновенно это дѣлается такимъ образомъ: если одно или нѣсколько лицъ пришли къ убѣжденiю въ необходимости измѣнить извѣстное законодательное постановленiе или ввести его тамъ, гдѣ его не было, то для этой цѣли организуется немедленно кружокъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу, который и беретъ

на себя задачу, всѣми легальными способами содѣйствовать этой желаемой цѣли. Такимъ путемъ образовалось въ Англіи множество такъ называемыхъ политическихъ обществъ, имѣющихъ вполнѣ законный характеръ и преслѣдующихъ самыя разнообразныя задачи, прямо или косвенно ведущія къ измѣненію какой-либо спеціальной стороны общественной жизни. Для примѣра можно указать на два подобныя общества, въ основаніи одного изъ которыхъ дѣятельное участіе принималъ покойный Джонъ Стюартъ Милль, столь извѣстный русской публикѣ. Первое изъ этихъ обществъ носило названіе „Лиги противъ законовъ объ охотѣ“ (Anti-Game-Law-League) и, какъ указываетъ уже самое названіе, имѣло своей цѣлью борьбу противъ этихъ законовъ, т.-е. измѣненіе или совершенное уничтоженіе существовавшихъ законодательныхъ нормъ, охранявшихъ право собственника земли на всю дичь, которая водится на его землѣ, хотя бы и отдаваемой въ аренду. Средствами борьбы данная „Лига“, какъ и всякое англійское политическое общество, употребляла слово, изустное и печатное, которымъ и надѣялась расширить кругъ сторонниковъ своей задачи и привлечь общественное мнѣніе. „Лига“ устраивала въ различныхъ пунктахъ королевства митинги, народныя собранія, на которыхъ ораторы изъ членовъ общества говорили рѣчи и дебатировали противъ отжившаго и вреднаго законодательства о правѣ охоты. Кромѣ того, „Лига“ издавала ежемѣсячный органъ „Anti-Game-Law-Circular“, спеціально посвященный распространенію въ обществѣ убѣжденія во вредѣ существованія законовъ объ охотѣ. Журналъ этотъ велся весьма дѣльно и толково: освѣщая данный вопросъ съ разныхъ точекъ, онъ наглядно, рядомъ собственныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей страны и многочисленными выдержками изъ другихъ органовъ, подходящими къ цѣли, доказываетъ читателямъ всю несостоятельность англійскихъ законовъ объ охотѣ и необходимость ихъ коренного измѣненія. Во главѣ каждаго номера этого изданія стоитъ въ восьми пунктахъ краткое обозначеніе тѣхъ мотивовъ, которые вызвали на свѣтъ существованіе „Лиги“ и побуждаютъ ее стремиться къ отмѣнѣ законовъ объ охотѣ. Все остальное содержаніе журнала, такъ

сказать, приноравливается къ этимъ основнымъ положеніямъ дѣятельности „Лиги“, служитъ для нихъ иллюстраціей. Мотивы къ уничтоженію законовъ объ охотѣ, выраженные такимъ образомъ, являются въ глазахъ всякаго непредубѣжденнаго читателя весьма вѣскими и важными и невольно возбуждаютъ сочувствіе къ задачѣ этого общества. Изъ восьми помянутыхъ пунктовъ особенно важными можно считать слѣдующіе три: законы объ охотѣ должны быть уничтожены, 1) потому, что уменьшаютъ пространство земли, находящейся въ обработкѣ; 2) потому, что размножаютъ дикихъ животныхъ, потребляющихъ и разрушающихъ огромное количество пищи; 3) потому, что, служа исключительно интересамъ однихъ богатыхъ классовъ, способствуютъ частымъ правонарушеніямъ и создаютъ ежегодно тысячи преступниковъ. Достаточно взять любой номеръ изданія „Лиги“, чтобы найти въ немъ практическія подтвержденія этихъ трехъ главнѣйшихъ обвинительныхъ пунктовъ: такъ, напримѣръ, въ № 35 (Vol. II), который беремъ на выдержку, безъ выбора, какъ бы въ отвѣтъ на первый пунктъ, помѣщено извѣстіе, перепечатанное изъ одной шотландской газеты, о томъ, что герцогъ Аргайль пожелалъ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ завести новый паркъ для оленей, величиной примѣрно въ пять квадратныхъ миль, и что съ этой цѣлью уже извѣстилъ фермеровъ на этомъ обширномъ участкѣ земли объ окончаніи аренды къ ближайшему сроку, причемъ ихъ жилища и иныя постройки частью должны быть снесены, частью превращены въ псарни и квартиры для егерей и т. п. Въ томъ же № 35 помѣщено нѣсколько корреспонденцій, прямо отвѣчающихъ на второй и третій пункты: письмо, напримѣръ, одного фермера о важныхъ убыткахъ, которые онъ понесъ этотъ годъ отъ порчи своихъ хлѣбовъ кроликами, съ разсчетомъ этихъ невозвратныхъ убытковъ въ подробности до послѣдняго шиллинга; нѣсколько возмутительно-строгихъ судебныхъ процессовъ за нарушеніе законовъ объ охотѣ (напримѣръ, двухмѣсячное тюремное заключеніе за попытку одного подгулявшаго работника поймать кролика руками); отчеты о показаніяхъ передъ парламентской коммиссіей, изслѣдующей въ странѣ примѣненіе этихъ законовъ, и пр. и пр. Однимъ словомъ, вся дѣятельность этого общества, какъ на ми-

тингахъ, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ, неуклонно сводится къ одной и той же цѣли, одному и тому же лозунгу, ради котораго основана „Лига“ — уничтоженію законовъ объ охотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что проводимая съ настойчивостью и умомъ ея задача завоюетъ себѣ, наконецъ, прочныя симпатіи большинства народа, и „Лига“ покончитъ свое существованіе лишь съ достиженіемъ желаемаго.

Той же энергіей и, вообще, тѣмъ же характеромъ отличается дѣятельность многихъ подобныхъ политическихъ обществъ Англіи, возникающихъ ежегодно для разныхъ спеціальныхъ, болѣе или менѣе важныхъ общественныхъ цѣлей. Такъ, по инипіативѣ Д. С. Милля, было основано, напр., „Общество для дарованія женщинамъ избирательныхъ правъ“ (Society for Women's Suffrage), имѣющее свой органъ, довольно распространенный „Women's Suffrage Journal“, энергично отстаивающій права женщинъ на представительство въ парламентѣ и участіе въ законодательствѣ страны. Имѣя уже на своей сторонѣ нѣсколькихъ членовъ парламента, это общество ежегодно вноситъ туда билль о дарованіи женщинамъ означенныхъ правъ, и хотя постоянно терпитъ неудачу, но почти каждый годъ пріобрѣтаетъ для своего дѣла по нѣскольку лишнихъ голосовъ и сторонниковъ. Уже нѣсколько отдѣленій этого общества или его вѣтвей открыты въ разныхъ городахъ Англіи (напримѣръ, въ Манчестерѣ, Бристолѣ, Іоркѣ и пр.) и дѣйствуютъ болѣе или менѣе успѣшно для данной цѣли, собирая матеріальныя средства, необходимыя для агитаціи, и увеличивая число приверженцевъ женскаго парламентскаго представительства между мужской половиною населенія. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что если оно продолжитъ свою дѣятельность съ той же энергіей, то ранѣе или позднѣе достигнетъ желаемой цѣли.

Но несравненно болѣе громкій, классическій примѣръ, извѣстный всему міру, изъ категоріи описываемыхъ политическихъ обществъ, представляетъ собой знаменитая лига противъ хлѣбныхъ законовъ, существовавшая въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Ея внѣшняя цѣль заключалась въ уничтоженіи „хлѣбныхъ законовъ“, т. е. таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ, существовавшихъ въ странѣ, благодаря политическому могуще-

ству поземельной аристократіи, желавшей этой мѣрой искусственно поддерживать цѣну на хлѣбъ и высокую земельную ренту. Выросшее, усиленное политически избирательной реформой 1832 года, среднее сословіе стремилось уничтожить эту несправедливую прерогативу одного класса, вредную для всего народа во многихъ отношеніяхъ. Между прочимъ, „хлѣбные законы“ служили главной основой и самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу покровительственной системы торговли, приверженцы которой въ это время въ большинствѣ принадлежали къ классу землевладѣльцевъ. Напротивъ, купцы и промышленники стремились къ свободной торговлѣ, желая съ помощью ея расширить рынки для англійской торговли, и отрицательно поэтому относились ко всякой государственной опекѣ, такъ какъ спокойное и свободное развитіе торговли нарушалось существованіемъ высокихъ ввозныхъ и даже вывозныхъ пошлинъ почти на всевозможные продукты. Кромѣ того „хлѣбные законы“, по мнѣнію многихъ представителей этого послѣдняго класса, въ томъ числѣ даже и нѣкоторыхъ ученыхъ (Рикардо), увеличивая цѣну туземнаго хлѣба, тѣмъ самымъ поднимали и заработную плату, что, конечно, противорѣчило интересамъ нанимателей труда, составлявшихъ весь этотъ классъ.

Лига противъ хлѣбныхъ законовъ была основана въ концѣ тридцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія небольшимъ обществомъ единомыслящихъ людей. Число ихъ было первоначально незначительно (не болѣе 7-ми человѣкъ), и матеріальныя средства для общаго дѣла ничтожны. Для своихъ собраній общество было въ состояніи нанять лишь одну небольшую, узкую комнату, въ которой по вечерамъ бывало такъ холодно, что, по словамъ одного изъ участниковъ, члены новаго общества спасались отъ холода во время засѣданія лишь съ помощью шерстяныхъ одѣялъ. Тѣмъ не менѣе, дѣятельность общества не прекратилась, число приверженцевъ лиги увеличивалось, и съ нимъ возростало количество матеріальныхъ средствъ и вниманіе публики. Черезъ три-четыре года, благодаря энергіи участниковъ, картина совершенно измѣнилась: средства общества, составленныя въ складчину, считались десятками и даже сотнями тысячъ фунтовъ стерлинговъ; въ одинъ, напримѣръ, изъ

митинговъ общества въ теченіе какихъ-нибудь полутора часа было собрано добровольныхъ пожертвованій на сумму въ 60 тысячъ ф. с. (около 500 тысячъ нашихъ бумажныхъ рублей); число приверженцевъ росло тысячами, и рядомъ съ центральной лигой въ Лондонѣ открылось множество ея мѣстныхъ отдѣленій во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ страны. Администрація лиги приняла скоро видъ большого министерства съ самой разнообразной и живой дѣятельностью: существовалъ комитетъ выборовъ, комитетъ корреспонденціи, комитетъ торговли и комитетъ финансовъ. У нихъ были свои раздѣленія, подкомитеты — дамскій и рабочій для пропаганды идей лиги въ рабочемъ классѣ и вообще во всемъ народѣ. Кромѣ множества митинговъ, собираемыхъ для этой цѣли въ различныхъ городахъ Англіи, существовалъ особый журналъ „Anti-Bread-Tax Circular“, который расходился по 20,000 экземпляровъ въ мѣсяцъ и болѣе, и издавалось множество листковъ и брошюръ: число послѣднихъ лишь въ первые четыре года дѣятельности составляло до девяти милліоновъ экземпляровъ, вѣсомъ свыше 100 тоннъ (6,000 пудовъ). Вмѣсто прежней каморки, самые большіе театры Лондона — Ковентгарденъ и Дрюриленъ — были наняты этимъ обществомъ для своихъ публичныхъ собраній, но и они часто не могли вмѣстить тысячи лицъ, желавшихъ въ нихъ попасть. Знаменитая газета „Times“, которая всегда стоитъ лишь на сторонѣ успѣха и силы, и та принуждена была, наконецъ, признать существованіе „лиги“ за важный общественный фактъ. „Новая сила,—объявляетъ „Times“,— выросла въ странѣ“... Какъ извѣстно, эта рѣшительная борьба кончилась полной побѣдой дѣла лиги, т. е. уничтоженіемъ (въ 1846 году) хлѣбныхъ законовъ и политическимъ торжествомъ средняго сословія надъ поземельной аристократіей [1].

Все, что мы до сихъ поръ говорили о различныхъ политическихъ обществахъ Англіи, должно показать читателю значеніе и важность ихъ для правильнаго развитія и совершенства законодательства этой страны. Почти ни одна

[1] См. подробности, напр., въ книгѣ Эшуорта: „Recollections of Richard Cobden, by Henry Ashworth“, 1877.

серьезная реформа въ государственной жизни не совершилась безъ инициативы или содѣйствiя какого-либо подобнаго общества. Многiе десятки лѣтъ проходятъ, пока иное общество добьется своей цѣли, постепенно измѣняя въ пользу своихъ принциповъ общественное мнѣнiе: нѣкоторымъ, вѣроятно, никогда или очень еще долго не удастся достигнуть поставленной цѣли, но влiянiе ихъ дѣятельности на законодательство страны въ большей или меньшей мѣрѣ остается тѣмъ не менѣе безспорнымъ. Къ категорiи этихъ послѣднихъ можно отнести и то общество, съ многолѣтней дѣятельностью котораго мы желаемъ познакомить читателей. Общество это: „Ливерпульская ассоцiацiя финансовыхъ реформъ" (Liverpool Financial Reform Association), существующая уже около 60 лѣтъ и оказавшая не малое влiянiе на государственную жизнь Великобританiи. Цѣль и задача этого общества выражается кратко въ эпиграфѣ, который повторяется въ заголовкѣ почти всѣхъ его изданiй и летучихъ листковъ: „Бережливое управленiе (страной), справедливое и простое устройство налоговъ и совершенная свобода торговли" (Economical Government, just and simple Taxation and perfect Freedom of Trade). Какъ видно изъ послѣдней части этого девиза ливерпульскаго общества, оно, по своимъ идеямъ, принадлежитъ къ приверженцамъ экономической школы. извѣстной подъ именемъ манчестерской, или школы свободной торговли, отвергающей почти всякое вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь народа. Воззрѣнiя эти въ послѣднее время, въ примѣненiи къ свободѣ труда и промышленности, частiю прямо отвергаются наукой, частiю ставятся въ сомнѣнiе, а потому и не заслуживаютъ большого вниманiя; впрочемъ, и само общество до нѣкоторой степени въ послѣднее время, подъ давленiемъ фактовъ, измѣнило свои идеи. Но если эта вторая часть задачи сказаннаго общества не можетъ вызвать нашего сочувствiя, то нельзя сказать того же о первой ея половинѣ, цѣлесообразность которой является несомнѣнной. Въ теченiе перваго тридцатилѣтiя своего существованiя ливерпульское общество било всегда въ одномъ и томъ же направленiи — строго критически относилось къ тратѣ народныхъ денегъ и подвергало

обсужденію въ своихъ изданіяхъ почти всякій предметъ расхода англійскаго правительства, доказывая способы и средства сберечь деньги. Дѣятельность общества въ этомъ была плодотворной и оказывала, нѣтъ сомнѣнія, благое вліяніе на развитіе духа экономіи и бережливости у представителей государственной власти; объ этомъ можно судить. во-первыхъ, уже по тому, что многіе изъ проектовъ, предложенныхъ обществомъ для сокращенія государственныхъ расходовъ, вызывали не разъ горячую полемику со стороны заинтересованныхъ лицъ; во-вторыхъ, нѣкоторые изъ этихъ проектовъ прямо перешли въ дѣйствительность, будучи предложены и приняты парламентомъ. То же самое должно сказать и о другой части задачи ливерпульскаго общества, т. е. о „справедливомъ и простомъ устройствѣ налоговъ"; здѣсь общество поставило цѣль, весьма радикальную — уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ англійскаго бюджета (акцизы и таможенныя пошлины) и замѣну ихъ болѣе равномѣрными и справедливыми прямыми налогами на собственность. Правда, до сихъ поръ англійскій бюджетъ покоится преимущественно на первой категоріи налоговъ, но зато число видовъ ихъ доведено до крайняго минимума; подоходный налогъ, учрежденный лишь на короткое время, существуетъ уже много лѣтъ и, навѣрное, удержится навсегда. Многіе косвенные налоги, на которые именно была наиболѣе направлена устная и печатная критика этого политическаго общества, или значительно уменьшены (таможенныя пошлины), или совсѣмъ вычеркнуты изъ бюджета (пошлина на сахаръ). Вліяніе общества на характеръ финансовыхъ реформъ въ Англіи сдѣлается вполнѣ понятнымъ, если взглянуть на списокъ его членовъ: ливерпульское общество имѣло въ 70-хъ годахъ 39 побочныхъ обществъ или вѣтвей главнаго въ различныхъ городахъ страны, и въ числѣ ихъ почетныхъ вице-предсѣдателей (предсѣдатель одинъ для всего общества съ его подраздѣленіями) состояло до двадцати членовъ палаты общинъ, и между ними встрѣчаются имена съ такой крупной извѣстностью, какъ Чарльзъ Дилкъ, Мунделла, Томасъ Брассей, Тревеліанъ и др. Благодаря такимъ сочленамъ, конечно, идеи общества имѣли своихъ постоянныхъ представителей въ парламентѣ, и многія

ихъ стремленія и желанія въ удобные для того моменты получали возможность найти себѣ практическое осуществленіе и выразились въ томъ или другомъ измѣненіи финансовыхъ или административныхъ законовъ государства.

Самую любопытную сторону дѣятельности общества, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ его критика государственныхъ расходовъ Англіи. Въ изданіяхъ общества подробно разбираются не только всѣ статьи этихъ расходовъ, но и обсуждается нерѣдко значеніе каждой отдѣльной статьи въ государственномъ организмѣ, взвѣшивается полезность и цѣлесообразность и изображаются откровенно и часто весьма рѣзко недостатки и злоупотребленія той отрасли управленія, къ завѣдыванію которой разбираемая статья относится. Такимъ образомъ, эта критика является интересной даже не въ одномъ лишь финансовомъ отношеніи: знакомя съ слабыми сторонами своей государственной жизни, которая имѣетъ много общаго у всѣхъ націй, она тѣмъ самымъ, разумѣется, можетъ быть поучительна не для однихъ только англичанъ. Въ видахъ этого интереса, мы и желаемъ познакомить читателей, именно съ послѣдней сферой дѣятельности ливерпульскаго общества финансовыхъ реформъ, т. е. съ критикой англійскихъ государственныхъ расходовъ. Матеріалъ, представляемый для этого изданіями общества, до того великъ и обнимаетъ столько разнообразныхъ вопросовъ, что нашъ очеркъ поневолѣ долженъ быть кратокъ и сжатъ, и многія интересныя стороны и подробности поневолѣ должны быть отброшены. Предварительно мы должны, впрочемъ, сообщить краткія свѣдѣнія о самомъ основаніи этого политическаго общества и о тѣхъ непосредственныхъ мотивахъ, которыми оно было вызвано.

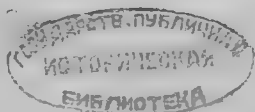
Какъ извѣстно, первоначальнымъ центромъ дѣятельности знаменитой лиги противъ хлѣбныхъ законовъ былъ городъ Манчестеръ. Оттуда вышли важнѣйшіе вожаки лиги, какъ Кобденъ и Брайтъ, и въ Манчестерѣ, наконецъ, находилось всегда наибольшее количество приверженцевъ идеи свободной торговли и производилась болѣе сильная агитація въ этомъ смыслѣ; поэтому, конечно, и самая система новыхъ воззрѣній получила отъ своихъ противниковъ названіе Манчестерской

системы (Manchesterthum — манчестерства — у нѣмцевъ). За Манчестеромъ по своему значенію въ исторіи практическаго развитія идей свободной торговли, по справедливости, слѣдуетъ Ливерпуль. Какъ первоклассной важности торговый и промышленный пунктъ Великобританіи, этотъ городъ рано сталъ на сторонѣ защитниковъ новой экономической политики. Въ одно время съ лигой противъ хлѣбныхъ законовъ въ Ливерпулѣ существовало уже свое общество съ аналогичной задачей, подъ именемъ „Антимонопольной ассоціаціи“ (Anti-Monopoly-Association). Вмѣстѣ съ паденіемъ хлѣбныхъ законовъ въ 1846 году и распущеніемъ лиги была прекращена также дѣятельность и этой родственной ассоціаціи „подъ тѣмъ страннымъ и обманчивымъ предположеніемъ, — какъ сообщалъ намъ одинъ изъ ветерановъ англійской свободной торговли, — что свободная торговля была уже будто бы совершившійся фактъ, а не первый шагъ въ этомъ направленіи, да и то несовершенный“ ... [1]. Эта иллюзія, однако, продолжалась недолго. Въ противоположность лигѣ, „Антимонопольная ассоціація“ была немногочисленна, ея дѣятельность не была разбросана по всей странѣ и членами ея состояли преимущественно жители Ливерпуля. Весьма скоро въ кругу прежнихъ членовъ, между собой знакомыхъ, явилось сознаніе высказаннаго положенія: они поняли, что уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ, какъ оно ни важно для партіи, составляло побѣду, болѣе политическую, нежели экономическую; они поняли, что практическое проведеніе новыхъ идей въ жизнь едва только получило свое начало, что значительная часть старой системы таможенныхъ пошлинъ и акцизовъ тяготѣла надъ промышленностью и торговлей и опутывала цѣлою сѣтью всевозможныхъ затрудненій къ ея свободному развитію; а отсутствіе бережливости, нерѣдко и прямая расточительность въ государственныхъ расходахъ закрѣпляли этотъ порядокъ и затрудняли его измѣненіе, истощая

[1] Всѣ сообщаемыя подробности объ основаніи Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ получены нами лично отъ почтеннаго г. Мэккуина (Macqueen), много лѣтъ состоявшаго дѣятельнымъ членомъ и секретаремъ общества. Ему же мы обязаны и частію обширнаго печатнаго матеріала, составляющаго результатъ долголѣтней дѣятельности ассоціаціи.

въ то же время и народныя средства. Требовалось еще много упорныхъ усилій, чтобы пересоздать старый строй на новыхъ началахъ: необходимо было произвести длинный рядъ экономическихъ и финансовыхъ реформъ; но, при значительномъ еще количествѣ сторонниковъ стараго меркантильнаго порядка и множествѣ разнообразныхъ интересовъ, которые затрагивались его измѣненіемъ, успѣхъ былъ возможенъ, какъ доказалъ недавній примѣръ знаменитой лиги, только съ помощью соединенія силъ посредствомъ образованія политическаго общества, имѣющаго цѣлью широко распространить свои воззрѣнія въ народѣ и прессѣ, и этимъ легальнымъ путемъ довести ихъ до парламента и практическаго осуществленія.

Въ этихъ именно видахъ, нѣсколько членовъ прежней „Антимонопольной ассоціаціи" соединились вмѣстѣ и 18-го апрѣля 1848 года положили начало новому обществу, существующему и до нынѣ и хотя не имѣющему всемірной извѣстности лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, но оказавшему своей странѣ едва ли не бо̀льшія услуги въ дѣлѣ постепеннаго перереформированія англійской финансовой системы. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ (Liverpool Financial Reform Association), какъ получило названіе это новое общество, считаетъ своими основателями слѣдующихъ лицъ: Робертсонъ Гладстонъ (старшій братъ знаменитаго министра В. Е. Гладстона), Францисъ Боультъ (F. Boult), Робертъ Вильсонъ Рональдъ, Чарльзъ Робертсонъ, Чарльзъ Голландъ, Джонъ Финчъ (скоро умершій), Джонъ Смитъ (бывшій издатель газеты „Liverpool Mercìry") и Ж. Р. Джеффери (J. R. Jeffery). Р. Гладстонъ былъ избранъ предсѣдателемъ общества. „Эти поименованныя лица, — писалъ г. Мэккуинъ, — были того мнѣнія, что свобода торговли (въ обширномъ смыслѣ слова) обозначаетъ великое дѣло, гораздо большее, нежели все до тѣхъ поръ въ этомъ направленіи исполненное, и что она совершенно несовмѣстима съ существованіемъ всякихъ таможенныхъ и акцизныхъ учрежденій, нарушающихъ и препятствующихъ свободѣ на каждомъ шагу. Съ этою цѣлью они и рѣшили основать „Ассоціацію финансовыхъ реформъ", энергичной дѣятельности которой Англія обязана цѣлымъ ря-

домъ великихъ реформъ финансоваго законодательства, начиная съ окончательнаго уничтоженія хлѣбныхъ законовъ и до уничтоженія налога на сахаръ . . .“ [1].

Въ первой своей программѣ, выпущенной для публики черезъ два дня по основаніи своемъ, общество выставляетъ слѣдующія двѣ цѣли своей дѣятельности:

1) употреблять всѣ законныя и конституціонныя средства, дабы создать самую строгую экономію въ расходахъ правительства, согласную съ дѣйствительными потребностями отдѣльныхъ отраслей управленія;

2) защищать принятіе простой и справедливой системы прямыхъ налоговъ, взимаемыхъ съ собственности и дохода на мѣсто настоящихъ неравныхъ, сложныхъ и дорого стоющихъ пошлинъ на предметы потребленія.

Ассоціація принимаетъ въ свои члены лицъ, принадлежащихъ ко всякой политической партіи. Особыя „правила“ опредѣляютъ весь внутренній административный распорядокъ общества; такъ, первое правило гласитъ, что членомъ общества можетъ сдѣлаться каждое лицо, которое, сочувствуя цѣлямъ общества, будетъ вносить въ его пользу не менѣе пяти шиллинговъ ежегодно; и при двойной платѣ, получаетъ безденежно всѣ изданія ассоціаціи. Завѣдываніе дѣлами ассоціаціи совершается посредствомъ избранныхъ: президента, вице-президента, казначея, секретаря и совѣта изъ пятнадцати членовъ, съ правомъ приглашать къ участію и другихъ лицъ. Собранія совѣта происходятъ не менѣе какъ ежемѣсячно, а разъ въ годъ происходитъ общее публичное собраніе членовъ общества, на которомъ читается отчетъ и провѣряется касса. Эти собранія повторяются и чаще, по желанію предсѣдателя или по заявленію двадцати-одного члена общества. Затѣмъ, „правила“ опредѣляютъ различныя подробности относительно этихъ собраній второстепенной важности.

Установивши такимъ образомъ внѣшнюю сторону своего существованія, общество стало стремиться къ осуществленію своихъ цѣлей посредствомъ изустнаго и печатнаго слова —

---

[1] Изъ одного частнаго письма къ автору настоящей книги.

тѣхъ двухъ могущественныхъ орудій, безъ широкой помощи которыхъ не проходитъ въ Англіи ни одна реформа. Прежде всего начались митинги, на которыхъ ораторы ассоціаціи проводили и развивали передъ публикой идеи свободной торговли въ примѣненіи къ существовавшему законодательству. Согласно обычаю, эти митинги принимаютъ иногда характеръ дебатовъ: изъ публики раздаются возраженія, и возражающихъ приглашаютъ говорить. Споръ переходитъ иногда въ печать, и, слѣдовательно, его предметъ дѣлается весьма гласнымъ и распространеннымъ, что вполнѣ совпадаетъ съ цѣлями всякаго политическаго общества, имѣющаго своей задачей пропаганду извѣстныхъ воззрѣній. Митинги и собранія новой ассоціаціи не ограничивались однимъ Ливерпулемъ: нѣкоторые изъ членовъ ея, извѣстные даромъ слова, по ея порученію, ѣздили въ разные города Соединеннаго Королевства и тамъ устраивали различныя собранія, чтенія и произносили рѣчи съ той же цѣлью — пріобрѣсти больше сторонниковъ дѣлу финансовыхъ реформъ. Вновь поступившіе иногородные члены, въ свою очередь, открывали отдѣленія общества или родственныя по духу и цѣлямъ ассоціаціи, которыя разносили и укрѣпляли идеи свободной торговли по всей странѣ.

Что касается печатнаго слова, то дѣятельность ассоціаціи со времени ея существованія выразилась двоякимъ образомъ. Первыя десять лѣтъ (1848—1858) ассоціація финансовыхъ реформъ не имѣла своего особаго и постояннаго органа; ея митинги, засѣданія, рѣчи и статьи членовъ печатались или врозь по разнымъ изданіямъ, или въ формѣ брошюръ (Pamphlets), или трактатовъ (Tracts). Такихъ трактатовъ, не считая различныхъ адресовъ и манифестовъ, общество напечатало въ десять лѣтъ до 60-ти по различнымъ вопросамъ финансовой политики и инымъ частямъ государственнаго управленія, но преимущественно съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ народа. Съ 1859 года общество начинаетъ издавать ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ „Financial Reformer“, т.-е. „Финансовый Реформаторъ“, который издается непрерывно по настоящее время. Кромѣ того, съ 1869 года ассоціація предприняла изданіе статистическаго ежегодника подъ именемъ

„Альманаха Финансовыхъ Реформъ“ (The Financial Reform Almanack) — самой обстоятельной и подробной справочной книги, какая существуетъ въ Англіи по экономическимъ и, главное, финансовымъ вопросамъ. Изъ десяти лѣтъ — съ 1848 до 1858 г. — годами особенно усиленной дѣятельности ассоціаціи были первые три года. За это время она успѣла пріобрѣсти много членовъ въ различныхъ частяхъ страны и напечатала тридцать-пять трактатовъ, весьма бойко, живо и остроумно написанныхъ. Изъ нихъ — наибольшая сравнительно часть — 14 трактатовъ посвящены критикѣ государственныхъ расходовъ, 13 — имѣютъ цѣлью установить передъ публикою воззрѣнія ассоціаціи на существующую систему государственныхъ доходовъ, и остальныя 8 брошюръ излагаютъ очеркъ исторіи англійскихъ финансовъ съ точки зрѣнія интересовъ средняго класса, почему поземельная аристократія играетъ въ этомъ историческомъ изображеніи весьма незавидную роль. Трактаты о расходахъ, съ которыхъ начинается литературная дѣятельность новой ассоціаціи, написаны не только бойко, но часто даже весьма рѣзко: во многихъ случаяхъ они не выдерживаютъ характера спокойнаго и хладнокровнаго изслѣдованія, а переходятъ въ тонъ политическаго памфлета и общественной сатиры, мечущей громы на неправильное стяжаніе и расходованіе государственныхъ денегъ, добываемыхъ налогами на тяжелый народный трудъ. Понятно, что такого рода изданія ассоціаціи, равно и рѣчи на митингахъ, порождали ей много враговъ между лицами, интересы которыхъ наиболѣе затрагивались; но благодаря полному господству въ Англіи свободы слова, все дѣло обыкновенно ограничивалось только сильной газетной полемикой, что косвенно способствовало торжеству идей той же самой ассоціаціи.

Какъ и слѣдуетъ ждать, на главный и самый крупный государственный расходъ — армію и флотъ — ливерпульское общество обратило наибольшее вниманіе и посвятило этому предмету довольно длинный рядъ очерковъ. Весь предметъ въ цѣломъ, т.-е. армію и флотъ съ ихъ хозяйственной организаціей и ихъ недостатками, разсматриваютъ четыре трактата первой серіи (№№ 4, 5, 7 и 9), и, сверхъ того, флоту посвя-

щены двѣ отдѣльныя брошюры (№№ 10 и 13)[1]. Во второй серіи этого изданія, обнимающей послѣдующія семь лѣтъ дѣятельности общества, вопросы о военныхъ и морскихъ расходахъ большею частію являются соединенными съ другими предметами, напримѣръ, съ расходами на гражданское управленіе и иными. (Вторая серія: №№ I, X, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XXIV и пр. Соотвѣтствующія брошюры, служащія для насъ матеріаломъ, будутъ указаны на своемъ мѣстѣ.) Содержаніе этихъ многочисленныхъ брошюръ и, кромѣ того, летучихъ листковъ до крайности разнообразно: одни представляютъ голый обзоръ бюджета военнаго министерства (№ 4 первой серіи), другіе — критику расходовъ отдѣльныхъ частей управленія, напримѣръ, артиллерійскаго вѣдомства; наконецъ, третьи — критику самой организаціи войска, военной администраціи, текущихъ событій и т. п. При отсутствіи системы, изложеніе содержанія этихъ брошюръ въ томъ хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ появлялись, было бы весьма затруднительно и имѣло бы мало внутренней логической связи. Поэтому мы постараемся передать читателямъ сущность воззрѣній, въ нихъ высказываемыхъ, не стѣсняясь хронологическими рамками ихъ появленія на свѣтъ (въ періодъ десяти лѣтъ, съ 1848 по 1859 г.) и стараясь по возможности группировать однородные вопросы вмѣстѣ въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они представляются читателю послѣ ихъ старательнаго изученія. Сначала мы познакомимся такимъ образомъ съ критической дѣятельностью ливерпульскаго общества по отношенію къ расходамъ на содержаніе войска, флота и колоній, затѣмъ слѣдуетъ критика расходовъ на содержаніе двора и прочихъ частей управленія.

---

[1] Всѣ брошюры или трактаты, изданные обществомъ въ первыя десять лѣтъ, хотя и не представляютъ правильнаго періодическаго изданія, но по своему содержанію находятся между собою въ тѣсной связи; они выходили серіями съ послѣдовательными номерами подъ общимъ названіемъ „Financial Reform Tracts“. Большая часть этихъ трактатовъ выдержала два, и многіе — по три изданія, по нѣскольку тысячъ экземляровъ каждое.

Глава II.

Критика расходовъ на военное министерство.

Сложность и запутанность бюджета военныхъ расходовъ. — Расходы на обмундировку войска и недостатки существовавшей системы. — Синекуризмъ и плюрализмъ и ихъ вредныя послѣдствія для организаціи военной службы и государственнаго хозяйства. — Преобладаніе аристократіи въ войскѣ; значеніе гвардейской службы въ Англіи и характеръ ея вліянія.

Первую брошюру или трактатъ, посвященный изслѣдованію военныхъ расходовъ, общество финансовыхъ реформъ открываетъ объясненіемъ тѣхъ причинъ, которыя руководили имъ при соединеніи въ этой главѣ разнообразныхъ по внѣшности расходовъ подъ одну общую рубрику. Не только флотъ и колоніи имѣютъ свои особыя управленія и составляютъ особыя статьи общаго государственнаго бюджета, но даже расходы собственно военные подлежали въ то время вѣдѣнію трехъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ департаментовъ и вотировались парламентомъ отдѣльно (Army, Ordnance and Commissariat; теперь этотъ порядокъ измѣненъ). Дѣло въ томъ, что всѣ эти расходы имѣютъ тѣсную внутреннюю связь и всѣ прямо или косвенно предназначаются для одной и той же цѣли — защиты страны и ея интересовъ за границей Великобританіи. Кромѣ того, достаточно взглянуть на подробную роспись англійскихъ расходовъ, чтобы убѣдиться, что совершенно однохарактерные трактаты разнесены по разнымъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ, что, конечно, крайне усложняетъ дѣло государственнаго контроля и затрудняетъ всякое лицо, желающее познакомиться ближе съ этой стороной финансоваго хозяйства страны [1]. Такъ, на-

[1] The Army, Ordnance, Commissariat, Navy, Colonies № 4.

примѣръ, за первый годъ дѣятельности ливерпульскаго общества финансовыхъ реформъ (1848 г.), въ графѣ бюджета „на содержаніе сухопутныхъ силъ“ показана сумма въ 4.780,905 фунт. стерл. Неопытный читатель можетъ подумать, что эта сумма составляетъ именно то, что требуется на содержаніе войска въ Великобританіи, но жестоко въ этомъ случаѣ ошибется. Чтобы получить настоящую величину этой ежегодной государственной затраты, необходимо распутать весьма сложную и запутанную бухгалтерскую абракадабру, сдѣлать нѣсколько вычитаній и затѣмъ сложеній, чтобы узнать ту дѣйствительную цифру, которая выражаетъ собой ежегодныя издержки англійскаго правительства на содержаніе сухопутныхъ силъ. Такъ, изъ показанной суммы расходовъ на войско слѣдуетъ вычесть 809 тыс. ф., идущихъ на содержаніе пяти полковъ кавалеріи и девятнадцати пѣхоты, служащихъ въ Остъ-Индіи, потому что эта сумма цѣликомъ выплачивается государственному казначейству остъ-индской торговой компаніей и не падаетъ, слѣдовательно, на обыкновенные государственные доходы. Подобныхъ вычетовъ изъ военнаго бюджета необходимо сдѣлать нѣсколько, послѣ чего обозначенная выше сумма расходовъ на сухопутное войско понизится до 3.836,880 ф. ст. На долю этой суммы относятся расходы, приходящіеся на различныя вѣдомства; напримѣръ, изъ вѣдомства морского министерства отсюда уплачивается содержаніе 8,000 человѣкъ моряковъ, несущихъ береговую службу и живущихъ въ казенныхъ баракахъ, содержаніе морской артиллеріи, коммиссаріатское управленіе (составлявшее тогда отдѣльный департаментъ) и нѣкоторые колоніальные расходы. Масса чиновниковъ въ колоніяхъ, начиная съ губернаторовъ, нерѣдко состоятъ въ военныхъ чинахъ и единовременно получаютъ жалованье изъ спеціальныхъ колоніальныхъ расходовъ и изъ расходовъ на военное вѣдомство. Эта сумма въ 3.836,880 ф. въ дѣйствительности выражаетъ лишь половину расходовъ на армію, и ею покрываются слѣдующіе расходы: вербовка арміи (какъ извѣстно, въ Англіи не существуетъ воинской повинности), жалованья и разные виды вознагражденія строевымъ войскамъ, нижнимъ чинамъ и офицерамъ, кромѣ генераловъ, обмундированіе,

вооруженіе и продовольствіе арміи, и тѣ расходы на нестроевыя части, которые упомянуты (т. е. коммиссаріатъ, расходы на медицинскую помощь и содержаніе части колоніальнаго чиновничества). Весь же расходъ на англійское войско — пѣхоту и кавалерію — въ 1848 году составлялъ 6.318,686 ф. ст., причемъ вторая половина этой суммы ассигновалась и помѣщалась въ бюджетѣ отдѣльно; къ ней относились расходы на жалованье 172 генераламъ (76 тыс. фун. ст.) и главнокомандующему войсками съ его свитой и нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ лицъ, стоящихъ во главѣ военнаго управленія (генералъ-адъютантъ, генералъ-квартирмейстеръ и военный секретарь — 96 тыс.). Сюда же принадлежатъ расходы на содержаніе волонтеровъ (80 т. ф. ст.), наградныя деньги офицерамъ, полное жалованье 306 человѣкамъ и половинное — 3,546 офицерамъ, содержаніе инвалидовъ, вдовьи пенсіи и прочее. Всѣ эти расходы покрываютъ собою лишь издержки на пѣхоту и кавалерію: артиллерія составляла въ Англіи (до 60-хъ годовъ) особую графу въ бюджетѣ (Ordnance) и особую часть управленія. Вѣдѣнію артиллерійскаго департамента подлежали кромѣ собственно артиллеріи, саперы, инженеры и т. п. ученыя части арміи со всѣми расходами, къ нимъ относящимися, какъ-то: содержаніе правительственныхъ заведеній для приготовленія и сбереженія артиллерійскихъ орудій и снарядовъ, содержаніе ученаго комитета со всѣми издержками на разные опыты и т. д. Всего артиллерійскій департаментъ обходился государству болѣе трехъ мил. фунт. стерл., или съ прежнимъ счетомъ получится уже болѣе девяти мил. фунт. стерл. Къ этому нужно прибавить около восьми милліоновъ на содержаніе флота, милліонъ на содержаніе милиціи и нѣкоторые другіе расходы; весь расходъ Велибританіи на оборону страны и вообще на военное и морское министерство составлялъ около двадцати-трехъ милліоновъ фунтовъ стерл.

Изъ этого сухого перечня видно, какъ связаны тѣсно всѣ названные расходы по своему существу, и какую путаницу и затрудненія для контроля должно составлять ихъ оффиціальное разнесеніе по разнымъ независимымъ отдѣламъ росписи; усиленный расходъ на администрацію и канцеляріи, легкость

злоупотребленій должны быть непремѣннымъ результатомъ такого порядка. Общество финансовыхъ реформъ поэтому энергично возстаетъ противъ него, стараясь доказать во всѣхъ своихъ изданіяхъ необходимость преобразованія, какъ бухгалтерской части государственныхъ росписей и отчетныхъ вѣдомостей (чему спеціально даже посвященъ одинъ трактатъ общества), такъ и соединенія сходныхъ органовъ управленія въ одно учрежденіе, что ему и удалось отчасти впослѣдствіи, какъ мы увидимъ далѣе, относительно военнаго и артиллерійскаго департаментовъ (Army and Ordnance). Приступая къ критикѣ государственныхъ расходовъ, ливерпульское общество заранѣе, впрочемъ, задается мыслью, въ видахъ практической пользы дѣла, избѣгать по возможности общей постановки вопроса, и преимущественное вниманіе обращаетъ на частности или слабыя стороны военно-хозяйственной организаціи, желая изобличеніемъ ея недостатковъ и злоупотребленій подвинуть дѣло финансовыхъ реформъ. Первое зло, на которое общество обращаетъ вниманіе, заключается въ системѣ обмундированія англійской арміи того времени. Операція эта производится слѣдующимъ образомъ. Доставка мундировъ для нижнихъ чиновъ и вообще всего верхняго платья совершается не посредствомъ коммиссаріата или иного управленія, а особыми полковыми командирами. Эти командиры опредѣляются обыкновенно изъ лицъ, состоящихъ въ генеральскихъ чинахъ, въ видахъ особаго награжденія, и получаютъ извѣстную сумму денегъ, ежегодно ассигнуемую парламентомъ для обмундированія ихъ полка. По разбираемой росписи 1848 г., эта сумма составляла 315 тыс. ф. ст. для всего строевого войска (за исключеніемъ артиллерійскаго управленія и флота). На полученныя деньги эти „полковники по обмундированію“ должны, согласно даннымъ имъ образцамъ, позаботиться о снабженіи солдатъ необходимымъ костюмомъ въ извѣстномъ, разумѣется, количествѣ и въ извѣстное время. По характеру своей дѣятельности, какъ вѣрно замѣчаетъ изданіе ливерпульскаго общества (Tract № 4), „полковники по обмундированію“ (Clothing Colonel), или, какъ называютъ въ просторѣчіи, „портные полковники“ (tailor-colonel) являются ни болѣе, ни менѣе, какъ

обыкновенными поставщиками или торговцами платья, но еще пользующимися большою властью надъ тѣми лицами, для которыхъ поставка совершается. Отсюда, понятно, проистекаютъ многочисленныя и крайне вредныя для полкового хозяйства и службы послѣдствія. Всякій остатокъ отъ ассигнуемой на обмундированіе суммы составляетъ чистый барышъ полковника, и поэтому, конечно, онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы солдатское платье обходилось какъ можно дешевле и лишь выслужило бы свой срокъ безъ особаго замѣчанія со стороны инспектирующихъ властей. Но что дешево, то гнило, и, слѣдовательно, ближайшее къ солдату главное начальство, въ лицѣ его полкового командира, руководимое личной корыстью, становится въ антагонизмъ его интересамъ. Солдатъ заинтересованъ въ хорошемъ и добротномъ качествѣ платья, а „полковникъ по обмундированію“ — въ возможно дешевомъ, или дурномъ. Несмотря ни на какіе образцы и инспекторовъ, нѣтъ возможности въ данномъ случаѣ оградить интересы нижнихъ чиновъ отъ корыстныхъ побужденій ихъ начальниковъ-поставщиковъ. Это ненормальное отношеніе полковника къ его подчиненнымъ ведетъ за собой, конечно, и многія иныя ненормальныя послѣдствія. Когда, напримѣръ, полкъ отправляется за предѣлы Англіи — въ колоніи, или получаетъ иное назначеніе, между солдатами обнаруживается много больныхъ и сильная смертность, то полковникъ по обмундированію, обыкновенно остающійся дома, получаетъ въ свой карманъ всѣ деньги, не требуемыя на больныхъ и мертвыхъ, какъ свой личный барышъ. Для него является большимъ разсчетомъ знать, отправляется полкъ въ здоровую или нездоровую по климатическимъ условіямъ страну, и полковникъ самымъ неестественнымъ образомъ, слѣдовательно, заинтересованъ въ томъ, чтобы въ его полку болѣе хворало и умирало народу. Очевидно, въ полномъ согласіи съ этимъ безнравственнымъ разсчетомъ проистекаетъ и другое явленіе: въ томъ случаѣ, когда полкъ рѣдко отправляется за границу, сумма, ассигнуемая на его обмундированіе, опредѣляется обыкновенно въ болѣе щедрыхъ размѣрахъ, чтобы вознаградить полковника за недостаточный барышъ отъ обмундировки. Точно то же про-

исходитъ и когда почему-либо должно быть платье особенно хорошаго качества: въ этомъ случаѣ выдается всегда полковнику лишняя сумма, какъ вознагражденіе отъ потери профита, получаемаго поставкой сукна низкаго качества. Такую добавочную сумму, напримѣръ, въ размѣрѣ 1,093 ф. ст., получалъ „полковникъ по обмундированію“ гвардейскихъ гренадеровъ — герцогъ Веллингтонъ. Нужно при этомъ замѣтить, что платье, поставляемое полковниками, составляетъ лишь часть того, что солдатъ носитъ: все бѣлье, фланель, сапоги, носки, щетки, гребни и разныя мелкія вещи, хотя поставляются квартирмейстеромъ или его ближайшимъ начальникомъ, „полковникомъ по обмундированію“, но уже уплачиваются не изъ казенныхъ денегъ, а вычитаются изъ солдатскаго жалованья по системѣ ежедневныхъ вычетовъ. Прибыль, отсюда происходящая, составляетъ „douceur“ квартирмейстера и полковника и заставляетъ стремиться разными путями къ возможно частымъ измѣненіямъ въ формѣ бѣлья, сапогъ и разныхъ мелкихъ обмундировочныхъ принадлежностей: люди принуждаются въ этомъ случаѣ пріобрѣтать новыя вещи указаннымъ способомъ, а старыя, хотя бы находились въ хорошемъ состояніи и наполовину ношены, съ безпутной расточительностью сбываются за безцѣнокъ, какъ неудовлетворяющія требованію формы. Правда, для ограниченія злоупотребленій по обмундированію, существуетъ особое высшее контрольное учрежденіе, такъ называемое „Бюро или Совѣтъ по обмундированію“ (Clothing Board), которому принадлежитъ надзоръ въ этомъ отношеніи и куда направляются всѣ жалобы нижнихъ чиновъ по поводу обмундировки и вычетовъ изъ жалованья, заявленныя на инспекторскихъ смотрахъ. Но учрежденіе это весьма плохо удовлетворяетъ своей цѣли по той простой причинѣ, какъ доказываетъ трактатъ ливерпульскаго общества, что изъ 19 членовъ, его составляющихъ, 11 человѣкъ сами въ настоящее время занимаютъ должности „полковниковъ по обмундированію“ и, слѣдовательно, согласно извѣстной пословицѣ, „рука руку моетъ“. Самое право солдатъ жаловаться на неудовлетворительность обмундировки и дѣлать другого рода претензіи — на

практикѣ, какъ свидѣтельствуетъ военный корреспондентъ ливерпульскаго общества въ письмѣ къ редакціи его изданій, сводится къ нулю. Солдатъ, который хоть однажды заявилъ такую претензію, объясняетъ онъ, получаетъ прозвище „кляузника" (Lawyer), навсегда лишается возможности повышенія и никогда не сдѣлается сержантомъ или капраломъ. Всякое малѣйшее упущеніе, объясняетъ онъ, ставится ему въ вину: нижній чинъ, положимъ Томъ Браунъ, возвращается въ казармы на нѣсколько минутъ позднѣе своего отпуска; на это мало обращается вниманія, и самое большое, если дѣло ограничится угрозой слѣдующій разъ довести о его проступкѣ до свѣдѣнія сержантъ-майора. Иное совсѣмъ дѣло, если опоздаетъ на столько же минутъ „кляузникъ" Томъ Браунъ: о немъ немедленно дѣлается заявленіе въ рапортѣ, и онъ весь слѣдующій день будетъ маршировать на плацу, нагруженный лишней аммуниціей. Точно также, обыкновенный Томъ Браунъ можетъ напиваться на сторонѣ сколько угодно безнаказанно, хоть каждый день, если онъ только тихо является въ казарму и успѣетъ вытрезвиться, когда позовутъ для исполненія обязанностей службы. Другое — относительно „кляузника" Тома Брауна: онъ непремѣнно за пьянство очутится въ кордегардіи, а послѣ четырехъ такихъ приключеній угодитъ подъ военный судъ ... [1].

Но если должность полковниковъ по обмундированію представляетъ собой учрежденіе, во многихъ отношеніяхъ вредное и ведущее къ пустой тратѣ народныхъ денегъ, то въ то же время, конечно, это зло является отнюдь не одиночнымъ, а составляетъ лишь одно звено длинной цѣпи злоупотребленій, связанное со всей системой существовавшей организаціи британской арміи. Сюда принадлежитъ, во-первыхъ, такъ называемый плюрализмъ (pluralism), или соединеніе нѣсколькихъ военныхъ или административныхъ должностей съ присвоенными имъ окладами въ одномъ и томъ же лицѣ; во-вторыхъ, синекуризмъ — должности и обязанности, существованіе которыхъ не вызвано насущной потребностью самаго дѣла и яв-

---

[1] Financial Reform, Tracts, № 7. The Army, Ordnance etc..

ляется безполезнымъ и тяжелымъ бременемъ, лежащимъ на государственномъ бюджетѣ. Этимъ двумъ пунктамъ, распространеннымъ повсюду, общество финансовыхъ реформъ посвящаетъ особое вниманіе и во всѣхъ изданіяхъ, какъ брошюрахъ, такъ и журналѣ (Financial Reformer), неоднократно перечисляетъ и указываетъ на эту слабую сторону и требуетъ настоятельно ея коренного измѣненія.

Плюралисты (т. е. лица, занимающія по нѣскольку должностей) между военными чинами встрѣчались до того часто, что это сдѣлалось обыденнымъ фактомъ, который многимъ могъ казаться вполнѣ нормальнымъ: не легко было найти въ англійской арміи штабъ-офицера, который бы не соединялъ въ своемъ лицѣ нѣсколько должностей съ окладомъ и, разумѣется, съ ущербомъ для дѣла той или другой изъ нихъ [1]. Изъ многихъ сотенъ примѣровъ, приводимыхъ въ изданіяхъ общества финансовыхъ реформъ, мы ограничимся лишь немногими изъ числа военно-колоніальной администраціи. Полкъ гвардейскихъ гренадеровъ постоянно стоялъ въ Англіи, а, между тѣмъ, изъ числа офицеровъ этого полка трое находились на службѣ въ Канадѣ. Изъ нихъ первый — подполковникъ Брюсъ, родной братъ лорда Эльджина (Elgin), бывшаго генералъ-губернатора Канады; онъ получалъ по чину жалованье и всѣ къ нему добавочныя отъ своего полка и, сверхъ того — жалованье по должности военнаго секретаря въ Канадѣ, пользуясь притомъ даровой квартирой, фуражемъ, деньгами для найма прислуги и значительнаго штата для канцеляріи. Другой гвардеецъ — достопочтенный (Honourable) Э. Лассель, сынъ графа Гервуда, получалъ жалованье по чину изъ полка и такое же, какъ адъютантъ лорда Эльджина, съ даровой квартирой, фуражемъ и проч. Третій — достопочтенный А. Ф. Эджертонъ, сынъ графа Эллье-мера, одинаково состоялъ офицеромъ гвардейскихъ гренадеровъ и адъютантомъ лорда Эльджина со всѣми сюда относящимися окладами... То же самое слѣдуетъ сказать и о главнокомандующемъ войсками (Commander of the Forces) Канады, сэрѣ Веніаминѣ Дюрбанъ (D'Urban), при которомъ состояли три

[1] Интересно было бы также выяснить этотъ пунктъ и въ русской арміи.

офицера, отсутствовавшіе отъ своихъ полковъ и за это получавшіе двойное содержаніе. Въ другой американской колоніи — Новой Шотландіи — губернаторомъ состояло лицо (сэръ Джонъ Гарвей), которое можно назвать „трехъокладнымъ“, ибо сэръ Гарвей получалъ 3,000 ф. с. жалованья, какъ губернаторъ, 500 ф. с., какъ полковой командиръ 39-го полка, и, сверхъ того, отъ 600 до 700 ф. с. прибыли, въ качествѣ „полковника по обмундированію“ того же самаго полка. Его адъютантъ, лейтенантъ тоже Гарвей (очевидно, родственникъ) имѣлъ два оклада: по этой должности, во-первыхъ, и какъ офицеръ 34-го пѣхотнаго полка, во-вторыхъ, не говоря о даровой квартирѣ, фуражѣ и проч. Всего въ колоніяхъ Сѣверной Америки (а это лишь небольшая частица британскихъ владѣній) состояло свыше тридцати офицеровъ, получавшихъ двойное содержаніе за исполненіе въ сущности лишь одной обязанности. Что существовало такъ часто въ колоніяхъ, нерѣдко встрѣчалось и дома: напримѣръ, лордъ Сомерсетъ получалъ 2,000 ф. ст., какъ секретарь главнокомандующаго въ Англіи, 300 ф. ст. пенсіона за раны, 600 ф. с., какъ полковой командиръ 53-го полка, и 835 ф. 15 шил. 7 пенс., какъ прибыль по должности „полковника по обмундированію“ этого полка; итого, слѣдовательно, имѣлъ четыре оклада казеннаго содержанія, не упоминая о квартирѣ, фуражѣ и т. п. Четыре адъютанта, которые вмѣстѣ съ нимъ состояли при главнокомандующемъ, одинаково плюралисты и извлекали свой доходъ изъ двухъ источниковъ, исполняя лишь одну обязанность.

Ассоціація финансовыхъ реформъ посвящаетъ цѣлый трактатъ этому важному вопросу и представляетъ длинный перечень плюралистовъ въ разныхъ частяхъ военнаго управленія, преимущественно въ артиллерійскомъ департаментѣ и комиссаріатѣ. Еще въ бо̀льшей степени, впрочемъ, оба эти учрежденія страдаютъ другимъ упомянутымъ недостаткомъ, весьма присущимъ всякой казенной службѣ, а именно — множествомъ синекуръ, или должностей почти безъ всякаго дѣла, созданныхъ и поддерживаемыхъ вліяніемъ поземельной аристостократіи — протекціей и непотизмомъ. Благодаря этимъ двумъ сильнымъ стимуламъ, существуетъ много излишнихъ

должностей, какъ строевыхъ, такъ и нестроевыхъ. Изъ послѣднихъ всего чаще встрѣчаются синекуры между канцелярскими должностями двухъ упомянутыхъ учрежденій, вслѣдствіе отдѣленія собственно военнаго департамента, или точнѣе департамента арміи (Army Department) отъ департамента артиллерійскаго и комиссаріата. Вслѣдствіе этого раздѣленія трехъ тѣсно связанныхъ частей одного и того же военнаго министерства, приходится имѣть нѣсколько штатовъ отдѣльныхъ канцелярій, которыя за недостаткомъ дѣла лишь плодятъ безполезную переписку, представляя собой для государства брошенныя деньги. „Такъ, въ артиллерійскомъ департаментѣ, — говоритъ одинъ трактатъ общества, — существуетъ цѣлый штатъ писцовъ подъ начальствомъ синекуристовъ-секретарей (обыкновнно изъ младшихъ сыновей аристократовъ, обездоленныхъ наслѣдствомъ) для переписки по снабженію фуражемъ 3,360 лошадей, между тѣмъ, въ военномъ департаментѣ существуетъ другая такая же канцелярія, съ подобными синекуристати-секретарями, для тѣхъ людей, которые ѣздятъ на означенныхъ лошадяхъ. Другой безполезный штатъ писцовъ, съ младшими братьями пэровъ и членовъ парламента во главѣ ихъ, существуетъ въ военномъ департаментѣ, чтобы вести корреспонденцію съ генералитетомъ, который, по должности „полковниковъ по обмундированію“, торгуетъ платьемъ и лошадьми; въ свою очередь, въ артиллерійскомъ департаментѣ мы встрѣчаемъ подобный же штатъ писцовъ съ тѣми же сынками пэровъ и членовъ парламента, но уже занятыхъ продажей навоза изъ-подъ казенныхъ лошадей!! Этотъ предметъ, т. е. навозъ, по бюджету текущаго года, продается ежегодно на сумму 12,350 фунтовъ стерлинговъ, но продажа его изъ различныхъ казармъ и содержаніе помянутаго штата писцовъ съ синекуристами-секретарями обходятся казнѣ ровно въ такую же сумму денегъ, если только не больше...“ (№ 5).

Британская армія состояла въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія изъ 136 полковъ пѣхоты и кавалеріи, изъ которыхъ 134 полка имѣли по два полковника или, при недостаткѣ для двухъ человѣкъ дѣла, существовали 134 полковничьихъ синекуры; въ двухъ же полкахъ (60-мъ и стрѣлковой бригадѣ) —

даже по три полковыхъ командира въ генеральскихъ чинахъ. Двадцать такихъ синекуръ приходились на артиллерію и военныхъ инженеровъ, и кромѣ того изъ генераловъ, состоявшихъ въ арміи, назначались военные губернаторы, съ хорошимъ окладомъ, но почти безъ всякаго дѣла, въ Бервикъ, Инвернесъ, Эдинбургъ (два губернатора) и нѣкоторые другіе города: вся ихъ обязанность заключалась въ полученіи жалованья. Виги въ 1831 году объявили о своемъ намѣреніи уничтожить эти дорого стоющія казнѣ синекуры, какъ только онѣ сдѣлаются вакантны; но, получивши въ свои руки власть, виги пошли по старой дорогѣ и не только не уменьшили числа старыхъ синекуръ, но еще подбавили новыхъ, до тѣхъ поръ не существовавшихъ. Такъ, африканскій корпусъ, который никогда не имѣлъ полковничьихъ синекуръ, былъ преобразованъ и переименованъ въ 3-й остъ-индскій полкъ и немедленно въ него назначенъ лишній полковникъ-синекуристъ. „Вновь организованный канадскій полкъ, — пишетъ военный сочленъ ливерпульской ассоціаціи, — уже имѣетъ такого же полкового командира въ генеральскихъ чинахъ, и ходитъ слухъ, что одинъ престарѣлый генералъ, живущій въ Батѣ или Челтенгэмѣ, назначается такимъ же полковникомъ въ готентотскій корпусъ на мысъ Доброй Надежды, будто бы для пользы службы и усиленія боевой готовности полка". Въ теченіе лишь послѣдняго мѣсяца двѣ новыя полковничьи синекуры созданы въ артиллеріи, не говоря о другихъ низшихъ должностяхъ. „Между тѣмъ, — такъ заключаетъ военный корреспондентъ, — я могъ бы доказать, что нѣтъ ни малѣйшей необходимости увеличивать число офицеровъ, хотя бы однимъ человѣкомъ; напротивъ того, въ настоящій моментъ, въ артиллеріи приходится по одному полковнику или подполковнику и пяти другихъ офицеровъ на батарею (восемь пушекъ) — пропорція почти вдвое большая, нежели въ артиллерійскомъ корпусѣ остъ-индской компаніи и во многихъ арміяхъ Европы. Корпусъ морскихъ солдатъ (Royal Marines) есть единственный въ британской службѣ, въ которомъ не встрѣчается синекуръ..." (№ 7).

Вредъ государственной казнѣ отъ существованія какой-либо синекуры далеко не ограничивается потерей

денегъ на уплату содержанія лицу, занимающему безполезную или малополезную должность въ теченіе его службы; потеря эта можетъ быть даже вдвое или втрое больше размѣра означеннаго содержанія, такъ какъ лицо, состоящее на казенной службѣ, можетъ получить при своей отставкѣ пенсію, наградныя деньги, вспомоществованія подъ разными предлогами, или даже вознагражденіе въ случаѣ оставленія за штатомъ и упраздненія должности. Такимъ образомъ, можетъ легко случиться, что одна синекура единовременно питаетъ двухъ (даже трехъ) трутней: одного — состоящаго безполезно на службѣ, другого — съ пользой для себя ее окончившаго. Въ этомъ родѣ, по утвержденію трактата ливерпульскаго общества (№ 9-й), въ военномъ министерствѣ существовала такая практика: какъ извѣстно, съ перемѣной министерства въ Англіи и успѣхомъ той или другой изъ двухъ парламентскихъ партій слѣдуетъ и перемѣна всѣхъ высшихъ чиновъ, и между ними мѣняются всѣ главныя лица военнаго управленія, начиная съ министра. Лица, заступившія вновь эти мѣста, естественно, питаютъ чувства благодарности къ тѣмъ, которые помогли имъ добиться власти и значенія, т. е. къ членамъ своей партіи и къ своимъ избирателямъ. И вотъ, нѣсколькимъ лицамъ изъ числа служащихъ, преимущественно въ канцелярской службѣ, предлагается удалиться съ тѣмъ, чтобы ихъ мѣста, въ видѣ благодарности и министерской милости, излить на всѣхъ тѣхъ, которые эту милость заслужили. Но этого, по существующимъ обычаямъ, нельзя сдѣлать запросто, ничѣмъ не мотивируя въ отчетахъ передъ парламентомъ: необходимо, напримѣръ, обставить такое рѣшеніе желаніемъ сдѣлать сбереженіе — какъ бы сократить государственные расходы (!?!), что и выполняется съ помощью слѣдующаго маневра: тѣ должности, которыми желаетъ министръ воспользоваться, по его предложенію, уничтожаются, и чиновники, оказавшіеся лишними, выходятъ въ отставку съ пенсіей полнаго оклада жалованья, а на ихъ мѣсто постепенно учреждаются новыя должности, которыя и замѣщаются лицами, имѣющими случай пользоваться расположеніемъ министра... Употребляется иногда и иной пріемъ, которому косвенно способствуетъ существованіе въ Англіи правила, почти

во всѣхъ вѣдомствахъ, увеличивать жалованье вмѣстѣ съ годами службы. Положимъ, какой-нибудь чиновникъ получаетъ жалованья 350 ф. с. въ годъ, но скоро долженъ получить повышеніе до 600 ф. с. Новый министръ предлагаетъ ему выйти въ отставку съ пенсіей въ 250 ф. с., а на его мѣсто назначаетъ своего protégé съ жалованьемъ также въ 250 ф. с. Въ суммѣ эти два числа составляютъ 500 ф. с., тогда какъ, объясняетъ министръ парламенту: прежній чиновникъ долженъ былъ бы скоро получать 600 ф. с., т. е. оказывается на 100 ф. ст. въ годъ экономіи!!

Эти недостойныя уловки (которыя изданіе Ливерпульской ассоціаціи безцеремонно обзываетъ „министерскимъ шарлатанствомъ“) были прежде въ значительномъ ходу и вводили въ заблужденіе, по словамъ трактата, даже нѣкоторыхъ почтенныхъ экономистовъ-членовъ парламента при обсужденіи правительственныхъ отчетовъ; но теперь, вслѣдствіе самого факта ихъ обнародованія, уловки эти теряютъ значеніе и никого болѣе не обманутъ въ будущемъ. Ассоціація финансовыхъ реформъ ручается странѣ, что „ни одинъ случай подобнаго шарлатанства или иной фактъ правительственной испорченности не пройдетъ незамѣченнымъ, а будетъ ею немедленно обнародованъ“ [1]. Какъ бы то ни было, несомнѣненъ тотъ фактъ, что число отставныхъ и заштатныхъ чиновниковъ въ Англіи, получающихъ пенсіи, весьма значительно, особенно между гражданскими чиновниками военнаго вѣдомства. Ливерпульская ассоціація представляетъ списокъ такихъ лицъ, задаромъ получающихъ казенныя деньги, подъ общимъ заглавіемъ: „Итогъ денегъ, уплачиваемыхъ чиновникамъ и писцамъ, которые смѣщены, дабы дать дорогу фаворитамъ новыхъ министровъ“. Сумма эта съ 1-го апрѣля 1848 года по 31-е марта 1849 года составляла 37,500 фун. стерлинговъ. Сверхъ того, отчасти къ этой же категоріи казенныхъ издержекъ нужно причислить расходы военнаго департамента на уплату различнаго рода и происхожденія пенсій, вознагражденій, наградныхъ и добавочныхъ денегъ, выдаваемыхъ отставнымъ, резервнымъ и

---

[1] Financial Reform Tracts № 9. The Dead Weight of the Army.

частью даже на службѣ состоящимъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ арміи. Всѣ эти расходы можно подвести подъ четыре класса:

Первый классъ: плата генераламъ, не отправляющимъ никакой обязанности, но и не занимающимъ мѣстъ ни „полковниковъ по обмундированію“, ни „ремонтеровъ лошадей“ въ кавалерійскихъ полкахъ, что также составляетъ немаловажный источникъ дохода различныхъ баловней фортуны, проживающихъ на казенный счетъ. На этотъ предметъ въ то время отпускалась казначействомъ ежегодно крупная сумма въ 76,000 ф. с.

Второй классъ: пенсіи полнаго оклада жалованья офицерамъ, которые были вынуждены удалиться со службы и отказаться отъ дальнѣйшаго повышенія въ будущемъ, дабы очистить дорогу для другихъ офицеровъ. Сумма расхода — 57,000 ф. с.

Третій классъ: наградныя и добавочныя деньги офицерамъ и инымъ лицамъ за отличную службу, а также въ формѣ жалованья за гарнизонную службу, съ которою собственно никакихъ военныхъ обязанностей не связывается, но которая разсматривается, какъ награда и прибавокъ къ полному или половинному окладу пенсіи. Расходъ на этотъ предметъ равнялся 15,507 ф. с.

Четвертый классъ составлялъ расходъ на плату и вознагражденіе состоящимъ на дѣйствительной службѣ или въ отставкѣ офицерамъ, назначаемымъ въ корпуса волонтеровъ. Сюда же относятся издержки на содержаніе канцелярій для корпусовъ волонтеровъ. Всѣ расходы болѣе 80,000 ф. с.

Всего получается болѣе 228,000 ф. с., которыми, однако, далеко не ограничивались расходы на отставныхъ, отпускныхъ и резервныхъ офицеровъ: существовалъ еще цѣлый разрядъ такихъ лицъ, состоявшихъ на такъ называемомъ половинномъ окладѣ (half-pay), что̀ поглощало у страны болѣе 406,000 ф. с. Нѣкоторыя изъ нихъ — лица, дѣйствительно заслуженныя, престарѣлыя или больныя, но немало и такихъ, которыя составили тягость для государственнаго казначейства, лишь благодаря стремленію различныхъ политическихъ партій, стоявшихъ

во главѣ англійскаго правительства, дать мѣсто и деньги своимъ фаворитамъ. Вообще, существовавшія правила и обыкновенія относительно выдачи пенсій, пособій, наградъ и оставленія за штатомъ, въ интересахъ сбереженія народныхъ денегъ требовали строгаго и тщательнаго пересмотра. Ассоціація финансовыхъ реформъ не предлагаетъ по этому случаю какихъ-либо новыхъ правилъ, но это вовсе и не входитъ въ кругъ ея дѣятельности. Она желаетъ лишь указать на существующіе въ военной организаціи недостатки, устраненіемъ которыхъ можетъ, нѣтъ сомнѣнія, въ значительной степени быть достигнуто сбереженіе денегъ, добываемыхъ тяжелымъ трудомъ плательщиковъ налоговъ. Общество стремится обнаружить всѣ эти недостатки системы военной администраціи и военнаго хозяйства, указать на нихъ прессѣ и парламенту и вызвать болѣе тщательную всестороннюю и солидную критику, которая помогла бы хоть нѣсколько облегчить народу непосильную тягость лежащихъ на немъ податей и налоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые (косвенные), въ добавокъ ко всему, извращаютъ правильный и спокойный ходъ развитія народнохозяйственной дѣятельности.

Но, требуя упраздненія „полковниковъ по обмундированію“, всякаго рода синекуристовъ, плюралистовъ, тщательнаго разбора и ограниченія выдачи пенсій, усиленныхъ жалованій, добавочныхъ и наградныхъ денегъ, требуя всего этого, общество финансовыхъ реформъ отнюдь не желаетъ показать, что оно считаетъ настоящіе штатные оклады жалованья офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства чрезмѣрно великими. Совсѣмъ нѣтъ: оно полагаетъ, напротивъ, что дѣйствительные размѣры этого жалованья недостаточны для приличнаго содержанія джентльмена и не превосходятъ средняго заработка купеческихъ конторщиковъ и писцовъ, не говоря о второклассныхъ и даже третьеклассныхъ промышленникахъ и торговцахъ. Если мѣста офицеровъ и чиновниковъ охотно занимаются и наполняются, то, конечно, не вслѣдствіе законныхъ и честно зарабатываемыхъ размѣровъ этого жалованья, а благодаря всевозможнымъ прибавкамъ и наростамъ къ нему разнаго наименованія —

барышу „по обмундированію“ и „ремонтированію лошадей“, гарнизоннымъ, губернаторскимъ и штабнымъ синекурамъ, командѣ судами, начальствованію доками и разнымъ должностямъ портовымъ и по постройкѣ судовъ, столовымъ, квартирнымъ, фуражнымъ, наградным, прибавочнымъ, добавочнымъ деньгамъ и всякаго иного рода и названія выуживаніямъ казенныхъ денегъ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ службу въ военномъ министерствѣ привлекательною и превращаетъ нерѣдко жалованье полковника изъ 500 ф. с. — въ 2,000 и 3,000 ф. ст., что представляетъ иную крайность и далеко превышаетъ истинную стоимость и заслугу его служебныхъ обязанностей. Разнообразный вредъ, приносимый какъ странѣ, такъ и самому военному дѣлу всѣми перечисленными видами добавочнаго къ жалованью вознагражденія, настолько обширенъ, что его даже трудно перечислить. Всѣ эти прибавки, синекуры и соединенія въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ должностей прежде всего создаютъ произволъ въ ихъ раздачѣ и распредѣленіи; мѣсто строго-законныхъ нормъ, опредѣляющихъ вознагражденіе служащихъ лицъ и его повышеніе, занимаетъ расположеніе и милость начальства, которыя, къ сожалѣнію, пріобрѣтаются часто не дѣйствительными заслугами, а протекціей, покровительствомъ сильнаго лица, кумовствомъ и просто даже личной прихотью начальника. Когда размѣры вознагражденія точно опредѣлены закономъ въ настоящемъ и будущемъ, служащій знаетъ, на что онъ долженъ жить и на что разсчитывать впереди, и спокойно исполняетъ свои обязанности возможно наилучшимъ образомъ, увѣренный въ объективности и безпристрастіи закона. Но когда являются разныя добавочныя содержанія, часто гораздо высшія, нежели его законная плата за трудъ, то положеніе дѣла рѣшительно измѣняется къ худшему: чиновникъ становится не слугой своихъ обязанностей, а своего ближайшаго начальства, отъ власти котораго зависитъ улучшить его матеріальный бытъ, хотя бы вдвое или втрое. Вмѣсто правильнаго теченія, служба принимаетъ видъ лотереи, безпроигрышные билеты на которую получаются искательствомъ передъ начальствомъ, и цѣлью службы является не наилучшее и болѣе разумное выполненіе своего

дѣла, а стараніе понравиться, угодить сколько возможно тѣмъ личностямъ, отъ которыхъ зависитъ счастливый поворотъ колеса фортуны въ формѣ синекурныхъ мѣстечекъ, наградныхъ денегъ и т. п. благъ. Очевиденъ весь огромный вредъ такого порядка для интересовъ страны: благодаря ему, выдвигаются, получая быстрыя повышенія, не лица, болѣе способныя, дѣльныя и заслуженныя, а лица, угодныя ихъ начальству, имѣющія протекцію, сильныя связи съ аристократіею: качественный составъ служащихъ понижается, а нигдѣ, можетъ быть, это зло такъ не важно, какъ въ арміи и флотѣ. Отсюда являются неспособные генералы, которые проигрываютъ сраженія и губятъ понапрасну тысячи людей, неспособные адмиралы, которые топятъ суда, но зато съ великой охотой занимаютъ портовыя должности, наконецъ, такіе строевые офицеры, которые не знаютъ своихъ обязанностей, стараются уклониться отъ ихъ исполненія, когда это всего хуже для интересовъ страны, и которые полю чести предпочитаютъ дамскія гостиныя!!! [1]

Военная исторія Англіи даетъ достаточно примѣровъ вреднаго вліянія означенной ненормальной системы на достоинство ея офицерства. Письма герцога Веллингтона, напр., съ театра войны съ Наполеономъ, отрывки изъ которыхъ въ изобиліи приводятся въ одномъ трактатѣ ливерпульскаго общества (№ 4), содержатъ въ себѣ нескончаемыя жалобы на неспособность англійскихъ генераловъ, отсутствіе дисциплины и чувства долга у низшихъ офицеровъ и чуть не повальное ихъ стремленіе подъ разными предлогами покинуть армію и воротиться на родину. „Я опасаюсь, — писалъ, напр., онъ лорду Ливерпулю изъ Испаніи, — что въ одинъ прекрасный день я могу очутиться съ большой арміей, но безъ помощниковъ, чтобы ее вести...“ „Требуется, — говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, — необыкновенная власть, чтобы сдержать британскихъ офицеровъ въ должномъ порядкѣ и повиновеніи“. Такой незавидный составъ всего офицерства Ливерпульская ассоціація приписываетъ двумъ причинамъ: во-первыхъ — упомянутымъ

---

[1] Не дурно было бы сопоставить эту англійскую критику съ дѣйствительными настоящими условіями и порядками въ нашихъ русскихъ арміи и флотѣ.

уже разнообразнымъ видамъ полученія казенныхъ денегъ въ прибавокъ къ жалованью, что притягиваетъ къ военной службѣ съ помощью протекціи лицъ малоспособныхъ, единственно мечтающихъ получать возможно болѣе денегъ и нести возможно менѣе обязанностей. Вторая причина лежитъ въ системѣ продажи офицерскихъ чиновъ, противъ которой общество финансовыхъ реформъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ рѣзко и энергично борется вплоть до ея уничтоженія (въ 1871 г.) [1].

Но, кромѣ этихъ соображеній, противъ существованія синекуръ, плюрализма и вообще всякихъ произвольныхъ и не точно заранѣе закономъ предусмотрѣнныхъ прибавокъ къ жалованью говорятъ доводы и иного рода. Во-первыхъ, какъ мы уже упоминали, существованіе одной синекуры можетъ вовлекать государство въ двойной даже тройной въ дѣйствительности расходъ, противъ размѣровъ ея содержанія, благодаря пенсіямъ и разнымъ пособіямъ, въ одно время съ жалованьемъ выдаваемымъ лицамъ, которые эту синекуру занимали прежде. Поэтому, когда правительство желаетъ обезпечить судьбу заслуженнаго лица, напр., престарѣлаго ветерана, то оно должно считать за правило — отдавать въ этомъ случаѣ предпочтеніе назначенію обыкновенной пенсіи, но отнюдь не выдумывать для этого лица новыя должности съ „легкими" обязанностями, проще — не учреждать синекуръ, тѣмъ болѣе, что „завести новую синекуру вообще гораздо легче, нежели ее уничтожить". Во-вторыхъ, наконецъ, существованіе синекуръ, соединеніе нѣсколькихъ должностей въ одномъ лицѣ и т. п. весьма затрудняетъ и затемняетъ какъ обыкновенный служебный контроль, такъ и надзоръ общественнаго мнѣнія и представителей народа за расходованіемъ его денегъ. При такой системѣ весьма часто трудно опредѣлить, при обсужденіи бюджета государственныхъ расходовъ, всѣ матеріальныя выгоды, получаемыя отъ такого-то мѣста, и невозможно

---

[1] Система пріобрѣтенія чиновъ, посредствомъ покупки по таксѣ, имѣетъ такой узко-англійскій интересъ, такъ, очевидно, нелѣпа для всякаго русскаго читателя и осуждена въ самой Англіи, что мы рѣшаемся въ нашемъ очеркѣ совсѣмъ обойти ее молчаніемъ.

поэтому рѣшить зачастую важнаго вопроса: соотвѣтствуетъ ли практическая польза, приносимая странѣ извѣстнымъ служебнымъ мѣстомъ, затратѣ государства на ту сумму, которая получается лицомъ, это мѣсто занимающимъ? Этотъ вопросъ, между прочимъ, долженъ нерѣдко задаваться каждой правительственной комиссіей, назначаемой для составленія соображеній по сокращенію государственныхъ расходовъ, и долженъ ставить ее въ большое затрудненіе: лишь категорическій точный отвѣтъ можетъ опредѣлить въ данномъ направленіи возможность сокращенія расходовъ или даже самый характеръ административной или финансовой реформы, и, между тѣмъ, при системѣ синекуръ, плюрализма и разныхъ прибавочныхъ содержаній, именно такой отвѣтъ иногда почти невозможенъ. Слѣдовательно, вредъ этой системы такъ великъ, что даже не исчерпывается наличной безполезной затратой народныхъ денегъ, а переходитъ и вліяетъ даже на будущее, затрудняя и препятствуя правительству произвести всякую серьезную реформу государственныхъ расходовъ.

Неправильный характеръ англійской военной администраціи, влекущей за собой крупную и безплодную для интересовъ дѣла затрату государственныхъ денегъ, отнюдь не является случайнымъ, а находится въ тѣсной зависимости отъ нѣкоторыхъ недостатковъ цѣлаго политическаго строя государства. При представительномъ правленіи Англіи, самой широкой политической свободѣ и небываломъ развитіи гласности, единственнымъ объясненіемъ можетъ служить лишь неправильное распредѣленіе права представительства, при которомъ одинъ классъ получилъ рѣшительное преобладаніе въ правительствѣ, находя въ своемъ личномъ интересѣ выгоднымъ поддерживать эту систему синекуръ, плюралистовъ и т. д. Такимъ привилегированнымъ классомъ является въ Великобританіи, какъ извѣстно, поземельная аристократія, которая и до сихъ поръ, несмотря на усиліе средняго класса, сохраняетъ преобладающую силу и значеніе въ правительствѣ страны, держа въ своихъ рукахъ не пропорціонально съ своею численностью наибольшее количество служебныхъ мѣстъ какъ въ военной, такъ

и гражданской администраціи. Въ палатѣ лордовъ насчитываютъ 346 пэровъ и изъ нихъ большинство (до 200) или лично занимаютъ должности въ войскѣ или во флотѣ, или ихъ ближайшіе родственники, и, слѣдовательно, всѣ они заинтересованы въ поддержаніи существующаго характера военной администраціи и хозяйства. Едва ли можно указать аристократическую фамилію, просмотрѣвши родословную которой нельзя было бы найти болѣе или менѣе близкой связи съ войскомъ. Наконецъ, въ палатѣ общинъ изъ 702 членовъ точно также около половины членовъ изъ состоятъ въ родствѣ съ аристократіей, или прямо связаны съ арміей службой [1]. Понятно, съ какимъ трудомъ, при такомъ составѣ парламента, должны проходить всѣ предложенія, имѣющія цѣлью ограничить расходы на армію и измѣнить существующую военно-административную систему. Ливерпульское общество, въ виду посыпавшихся на него за это сообщеніе обвиненій въ преувеличиваніяхъ, рѣшилось не ограничиваться въ этомъ случаѣ общими утвержденіями, а провѣрить данный фактъ другимъ, болѣе надежнымъ образомъ. Для этого оно употребило слѣдующій оригинальный пріемъ: общество взяло списки (Army Registers) и всевозможные родословные указатели Великобританіи; ограничившись для перваго раза первымъ полкомъ въ спискѣ — „Лейбъ-Гвардейскимъ“ (Life Guards), оно опредѣлило всѣ родственныя связи и отношенія каждаго офицера полка, откуда вполнѣ и блестяще подтвердилось уже высказанное положеніе. Несмотря на свою сравнительно съ другими классами малочисленность, аристократія, оказалось, въ большинствѣ занимаетъ военныя и гражданскія должности съ вознагражденіемъ, и къ ней, обнаружилось также, принадлежитъ большинство синекуристовъ и плюралистовъ, т. е. „полковниковъ по обмундированію“, штабныхъ офицеровъ, начальниковъ гарнизоновъ внутри страны и иныхъ видовъ лицъ, болѣе или менѣе даромъ получающихъ народныя деньги. Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о размѣрахъ родственныхъ связей англійской аристократіи, служащихъ основой протекціи

[1] См. Our Great Military and Naval Parliaments. Перепечатка изъ „Standart of Freedom“.

и непотизма, достаточно упомянуть, что, по подробному и поименованному (занимающему двѣ книги) разсчету ливерпульскаго общества, лишь у полкового командира этого перваго полка, лорда Комбермера, оказалось мужскихъ родственниковъ 199 человѣкъ, изъ которыхъ неслужащихъ только 35 человѣкъ; и. слѣдовательно, 164 человѣка — на общественной или государственной службѣ, и почти половина именно состоитъ или состояла на военной службѣ [1].

Аристократія, по преимуществу, наполняетъ тѣ полки, которые не отправляются за границу и постоянно стоятъ въ Англіи: изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ гвардія, легкая и почетная служба въ которой, въ связи съ различными преимуществами и привилегіями, привлекаетъ аристократическую молодежь. Гвардія немногочисленна, и самая почетная, но въ то же время дорогая служба, это — „гвардейская пѣхота" (3 полка): когда существовала продажа чиновъ, то чинъ подполковника (высшій продажный чинъ) стоилъ въ ней 9,000 ф. с., майора — 8,300 ф. с., капитана — 4,800, лейтенанта — 2,050 и прапорщика — 1,200. Королева имѣла право въ эту гвардію безплатно въ три года разъ опредѣлять по два своихъ пажа, которые, выслужившись до полковника или генералъ-майора, обыкновенно получали какую-нибудь штабную должность, губернаторство въ колоніяхъ, или продавали мѣсто желающимъ. При переходѣ въ армію, офицеръ гвардіи получаетъ лишній чинъ. Изъ гвардейской кавалеріи наибольшимъ почетомъ пользуется такъ наз. „дворцовая кавалерія" (Household Cavalery), состоящая изъ трехъ полковъ (кромѣ того, 7 полковъ гвардейскихъ драгуновъ) — двухъ „лейбъ-гвардейскихъ" (Life Guards) и одного конно-гвардейскаго или „Оксфордскаго Синяго" полка (Horse Guards Oxford Blues); во всѣхъ нихъ, и особенно въ послѣднихъ, продажная цѣна чиновъ была ниже, нежели въ гвардейской пѣхотѣ. Служба въ гвардіи имѣетъ для молодого офицера много привлекательныхъ и выгодныхъ сторонъ: производство идетъ быстрѣе, и скорѣе можно добиться командованія въ арміи или штабнаго назначе-

[1] Financial Reform Tracts. 2-d Series № I & № II. The Aristocracy and the Public Service.

нія, нежели при обыкновенной службѣ въ линейномъ полку. Кромѣ того, эта служба производится дома, среди своихъ, даетъ возможность каждому офицеру (изъ хорошей фамиліи, конечно) имѣть широкій доступъ въ великосвѣтскій кругъ, гдѣ пріобрѣтается цѣнное знакомство, протекція, связи; и вообще, наконецъ, служба въ гвардіи даетъ возможность „наслаждаться жизнью“, получая хорошіе оклады, а когда это надоѣстъ — перейти въ армію съ повышеніемъ или сдѣлать выгодную партію. Хотя плата за чины, поэтому, въ гвардіи была относительно и выше, но зато и выгоды, пріобрѣтаемыя этой службой, несравненно значительнѣе. Гвардія служитъ разсадникомъ вліянія аристократіи въ войскѣ; черезъ службу въ гвардіи захватываются наиболѣе видныя мѣста въ арміи, создаются многіе синекуристы и плюралисты, получаются разныя добавочныя, прибавочныя и наградныя деньги, которыя бодро отстаиваются въ парламентѣ родными, друзьями и пріятелями, власть имѣющими. Короче, легальныя и нелегальныя преимущества гвардейской службы приносятъ большой вредъ какъ государственному казначейству, понапрасну истощая его, такъ и самой организаціи войска, снабжая всѣ видныя мѣста арміи малознающими и часто неспособными командирами, вся молодость которыхъ прошла, вмѣсто изученія военнаго искусства и службы, въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій и разныхъ видахъ спорта. Всѣ данныя, приводимыя трактатомъ ассоціаціи 2-й серіи № 1, вполнѣ подтверждаютъ этотъ фактъ: такъ, число офицеровъ въ гвардіи оказывается несоразмѣрно велико; въ лейбъ-гвардіи, напр., приходится по 32 офицера на 404 всѣхъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ вдобавокъ чуть не половина нестроевыхъ. По показанію полковника Денна передъ парламентской комиссіей — въ гвардіи одинъ подполковникъ приходится на 74 солдата, а въ арміи только на 677 или 678 человѣкъ, т. е. численность офицеровъ въ гвардіи, сравнительно, въ девять разъ выше, а потому, при ихъ преимуществахъ, гвардія служитъ серьезнымъ препятствіемъ для армейскихъ офицеровъ къ ихъ повышенію и производству въ высшіе чины: все занято аристократами-гвардейцами. Итакъ, гвардія составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней, который поддержи-

ваетъ систему синекуръ и плюрализма и способствуетъ косвенно созданію плохихъ генераловъ и посредственныхъ полковыхъ командировъ въ британской арміи [1]. „Аристократія, — утверждаетъ въ заключеніе одинъ трактатъ ливерпульскаго общества, — послѣ окончанія крымской войны, монополизировала веденіе войны и все къ ней относящееся. Результатомъ оказалось, что эта система протекціи и фаворитизма въ интересахъ одного класса превратила британское войско, какъ выражались будто бы о насъ русскіе офицеры, въ „армію львовъ, которой командуютъ ослы“ [2].

---

[1] Весьма желательно было бы также и въ данной сторонѣ вопроса сопоставить англійскія условія — съ нашими русскими.

[2] Financial Reform Tracts. 2-d Series № XIII. Governmental Improvidence: its Causes, Results and only Effective Cure. Стр. 8.

Глава III.

Продолженіе критики расходовъ на военное министерство.

Крымская война и ея значеніе для дѣятельности Ливерпульской ассоціаціи. — Критика поводовъ къ войнѣ съ Россіей. — Обнаруженные войной недостатки англійской военной организаціи. — Планъ финансовыхъ преобразованій: тѣсная связь сокращенія государственныхъ расходовъ съ измѣненіемъ всей административной системы. — Реформы войска, приведенныя въ исполненіе.

Крымская война имѣла для Англіи весьма важное значеніе во многихъ отношеніяхъ: она обошлась странѣ болѣе семидесяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ непроизводительнаго расхода и, кромѣ того, значительно увеличила сумму государственнаго долга. Въ то же время, однако, эта война оказалась далеко не безполезной для цѣлей дѣятельности ливерпульскаго общества: всѣ слабыя стороны военной организаціи и хозяйства, съ которыми общество такъ дѣятельно боролось, обнаружились ярко и рельефно и какъ бы послужили подтвержденіемъ и новой иллюстраціей ко всѣмъ его обвиненіямъ военнаго управленія и тогдашняго министерства. Вообще, крымская война подала лишній поводъ и послужила новымъ толчкомъ къ измѣненію многихъ слабыхъ сторонъ и недостатковъ англійской какъ военной, такъ и всей административной системы. Событіе это для успѣха многаго, чего добивалась Ливерпульская ассоціація, настолько важно, что заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ ближе познакомиться.

Какъ и слѣдовало ожидать, при первыхъ слухахъ о разрывѣ сношеній съ Россіей, ассоціація финансовыхъ реформъ отнеслась къ войнѣ крайне неодобрительно: она немедленно выпустила въ свѣтъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ

небольшой трактатъ въ формѣ открытаго письма „къ членамъ общества и всѣмъ плательщикамъ налоговъ Соединеннаго Королевства“ [1]. Смѣло и рѣшительно выступаетъ она противъ ходячихъ въ публикѣ и парламентѣ доводовъ въ пользу необходимости этой войны и болѣе или менѣе удачно ихъ оспариваетъ. Трактатъ начинается съ установленія исходнаго пункта общихъ воззрѣній ассоціаціи на войну. „Прежде всего, джентльмены, вы должны знать, что наше общество отнюдь не составляетъ общества мира, каковы бы ни были личныя воззрѣнія отдѣльныхъ членовъ: мы ничего не имѣемъ противъ всякой войны, вызываемой потребностью самозащиты противъ иностраннаго нашествія или захвата. Но, тѣмъ не менѣе, мы готовы протестовать также противъ всякой войны, кромѣ строго оборонительной, противъ всякаго вмѣшательства въ ссоры и столкновенія другихъ народовъ, противъ всякой тайной дипломатіи и постоянныхъ оборонительныхъ или наступательныхъ союзовъ. Высказывая такія убѣжденія, ассоціація ни на минуту не забываетъ своего призванія и назначенія, ибо всякая иная политика страны, кромѣ согласной съ воззрѣніями нашего общества, затрудняетъ и усложняетъ дѣло финансовыхъ реформъ, поднимаетъ бюджетъ, увеличиваетъ военныя сооруженія и тѣмъ затягиваетъ уменьшеніе военныхъ и морскихъ расходовъ, что должно лежать въ основѣ всякой серьезной финансовой реформы“. Затѣмъ, трактатъ переходитъ къ разсмотрѣнію выставляемыхъ политикой поводовъ къ этой войнѣ. „Мы спрашиваемъ: почему Англія должна вмѣшаться въ эту распрю Турціи съ Россіею?“ Прежде отвѣта на этотъ вопросъ, трактатъ напоминаетъ единственную правильную мѣрку для его разрѣшенія — экономическое положеніе англійскаго народа: таково ли оно, чтобы можно было рѣшиться на бѣдствія войны при всей законности и важности ея поводовъ? Отвѣтъ дается отрицательный: значительная часть народа едва зарабатываетъ себѣ сносное существованіе; для большинства населенія это составляетъ задачу великой трудности и заботы, а для многихъ — совершенную даже невозможность... и однимъ изъ важныхъ препятствій къ

[1] Financial Reform Tracts. 2-d Series. № V: Turkey, Russia and English Interference.

улучшенію быта являются многочисленные налоги, которые давятъ народъ и задерживаютъ развитіе его матеріальнаго благосостоянія... Чаще всего встрѣчаемый доводъ въ пользу войны, это — что „Турція — нашъ старый союзникъ, почему мы ее обязаны защитить“. Но спросимъ себя: что̀ такое Турція, что она такое сдѣлала для насъ, чтобы мы должны были сражаться за нее? Турція — государство, давно уже разслабленное и развращенное деспотизмомъ, основанное на мусульманствѣ съ свойственными ему атрибутами — полигаміею, невѣжествомъ, изувѣрствомъ, чувственностью — однимъ словомъ, такими качествами, что всякій искренній христіанинъ можетъ лишь пожелать, чтобы она поскорѣе умерла, была погребена и забыта; это — страна, гдѣ печатный станокъ почти неизвѣстенъ, наука и литература не показываютъ слѣдовъ жизни и гдѣ женщина — игрушка, рабыня или вещь. Чѣмъ скорѣе такое государство покончитъ свое существованіе, тѣмъ лучше для человѣчества... Второе положеніе заключается въ томъ, что Англія должна вмѣшаться въ войну, чтобы поддержать политическое равновѣсіе, чтобы не дать Россіи усилиться на счетъ Турціи, расширить свои владѣнія и захватить Константинополь“. Ливерпульское общество сначала относится критически къ теоріи „политическаго равновѣсія“ и старается доказать, что это — не болѣе, какъ фикція, непроявляющая никакого реальнаго существованія и которой лишь пользуются дипломаты, когда имъ это выгодно. Потомъ трактатъ общества разбираетъ положеніе Россіи и старается доказать, что всякое дальнѣйшее ея расширеніе, при ея и безъ того обширныхъ размѣрахъ, централизаціи и неудовлетворительномъ составѣ чиновничества, идетъ въ разрѣзъ съ интересами самого русскаго государства, ибо можетъ привести лишь къ его паденію, а потому во враждебномъ смыслѣ желательно даже, чтобы Россія росла и раздвигала свои границы: чѣмъ она больше, тѣмъ слабѣе. Наконецъ, къ лицу ли Британіи толковать столько о стремленіяхъ другихъ странъ къ завоеванію и территоріальному расширенію; не напоминаетъ ли она въ этомъ случаѣ, говоритъ трактатъ, „сатану, попрекающаго въ грѣхахъ“? Тѣмъ же путемъ ливерпульское общество разбиваетъ нѣкоторые другіе ходячіе мотивы къ готовящейся войнѣ (въ томъ числѣ,

конечно, и возможность русскаго вторженія въ Индію), уличаетъ правительство въ наклонности къ секретному веденію дѣлъ, въ желаніи какъ бы уклониться отъ парламентскаго контроля и, вообще, не предвидитъ отъ этой войны для Англіи ничего, кромѣ положительнаго зла.

Прошло два года, и это предсказаніе въ значительной степени подтвердилось: война кончилась успѣхомъ, но обошлась слишкомъ дорого, стоила много жертвъ всякаго рода англійскому народу и вывела наружу многіе недостатки военной организаціи и управленія. Появился новый трактатъ, въ которомъ ливерпульское общество, напомнивъ свои предсказанія, подводило итоги войны и въ результатѣ ея находило лишь преступную трату человѣческихъ жизней, народныхъ денегъ и новое подтвержденіе безплодности и вреда вмѣшательства въ чужія дѣла [1]. „Опытъ, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ, — говоритъ трактатъ, — народа умнѣе, какъ это имѣетъ мѣсто относительно отдѣльныхъ людей, и Великобританія не представляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Если бы она воспользовалась уроками этого суроваго и стараго учителя, то, конечно, не начала бы настоящей войны, а начавши ее, — воспользовалась бы старыми уроками, вела бы ее инымъ образомъ и не представляла бы теперь передъ свѣтомъ поразительнаго доказательства того положенія, что народъ, даже со всѣми задатками къ величію, но при отсутствіи мудрости въ управленіи и знанія въ войнѣ, не можетъ ни вести ея съ должнымъ успѣхомъ, ни заключить удовлетворительнаго мира“. Далѣе, трактатъ разбираетъ результаты войны и находитъ ихъ весьма печальными: передавая дословно прокламацію королевы при ея объявленіи войны, онъ останавливается на выраженной тамъ задачѣ англійской политики: „поддержаніе цѣлости и независимости Турецкой имперіи“, и находитъ такую задачу ложной и безнравственной — потому что стараться поддерживать гнилое, деспотическое государство, основанное на угнетеніи немногими, противно началамъ гуманности и честности. Истинный мотивъ заключается въ боязни захватовъ со стороны Россіи, въ желаніи обуздать ея завоева-

---

[1] Financial Reform Tracts. 2-d Series, № IX. The War, Budget, the Ministry, Administrative Reform.

тельную политику, но въ этомъ-то именно отношеніи, если принять положеніе за справедливое, и ничего войной не достигнуто. „Россія осталась такъ же сильна, какъ и прежде: всѣ ея владѣнія, добытыя завоеваніемъ, за исключеніемъ ничтожнаго клочка земли, остались при ней, и она можетъ хоть завтра начать новую войну съ Турціею; мы же сохранимъ отъ этой войны лишь печальное воспоминаніе, что своею грудью защищали страну деспотизма и насилія. Турки будутъ продолжать угнетать и мучить христіанъ, какъ и прежде, хотя мы и обязаны были бы что-нибудь сдѣлать для улучшенія ихъ невыносимаго положенія. Все, однимъ словомъ, осталось по старому, и злой ироніей является вопросъ: для чего же принесены въ жертву тысячи человѣческихъ жизней и милліоны народныхъ денегъ? Не ради ли все той же вымышленной теоріи политическаго равновѣсія, доступной пониманію однихъ лишь дипломатовъ?“

Затѣмъ, трактатъ перечисляетъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ такъ называемаго Севастопольскаго комитета, назначеннаго парламентомъ, многочисленные промахи и ошибки военнаго управленія и всего правительства лорда Пальмерстона. „Вся исторія этой войны, — по словамъ трактата, — можетъ быть выражена въ одной сентенціи дивизіоннаго генерала Де-Ласи-Иванса, высказанной передъ Севастопольскимъ комитетомъ: онъ твердо вѣрилъ, что война была начата въ предположеніи, что все дѣло окончится прежде перваго выстрѣла! Какъ бы согласно этому предположенію, не сдѣлано было никакихъ серьезныхъ приготовленій и предварительныхъ соображеній: въ Турціи, напримѣръ, несмотря на предостереженія, войска были размѣщены лагерями въ нездоровыхъ мѣстностяхъ, что стоило потери многихъ жизней; когда Омеръ-паша просилъ помощи, то для этого не оказалось нужныхъ транспортныхъ средствъ. Точно также въ Крыму изъ 58,000 человѣкъ лучшаго войска половина погибла не отъ битвъ, а отъ болѣзней, при недостаткѣ бѣлья, платья, пищи и ухода, въ грязи и лохмотьяхъ, покрытая червями; все это происходило среди или въ ближайшемъ сосѣдствѣ богатыхъ вещевыхъ складовъ, снабженныхъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы удовлетворить нужды не только въ предѣлахъ необходимости, но даже съ

роскошью. За пищу, одежду, медицинскую помощь и прикрытіе страна выплачивала ежедневно по 1 ф. с. за каждаго человѣка, и, однако, войска гибли тысячами отъ недостатка вещей, изобильно, между тѣмъ, заготовленныхъ. На такія отпускаемыя деньги возможно было бы поить солдатъ шампанскимъ вмѣсто того, чтобы отравлять зеленымъ кофеемъ и соленой свининой. Въ оффиціальномъ отчетѣ сообщается, что между 1-мъ октября 1854 г. и 30-мъ марта 1855 г. до пятнадцати тысячъ больныхъ солдатъ были эвакуированы изъ Балаклавы. Другое донесеніе парламенту добавляетъ, что 15-го марта потеря британскаго войска составляла 1,368 человѣкъ убитыми и 4,546 ранеными. Такимъ образомъ, смертность отъ руки непріятелей была болѣе чѣмъ въ десять разъ меньше, нежели та, которая происходила отъ правительственной тупости и неспособности; этотъ фактъ выставляетъ на видъ цѣлую серію упущеній и ошибокъ, доходящихъ просто до нелѣпости, сдѣланныхъ каждой отраслью управленія, связанной съ войскомъ, и почти всякимъ представителемъ правительства, начиная съ перваго министра, главнокомандующаго, генераловъ въ Крыму и кончая послѣднимъ писцомъ въ коммиссаріатѣ... Но этого мало: въ военномъ искусствѣ, оказалось, мы были превзойдены русскими, на которыхъ привыкли смотрѣть свысока, и даже турки и тѣ превзошли насъ въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ пунктахъ, касающихся гигіеническаго содержанія арміи. Богъ вѣдаетъ, если бы не помощь и поддержка нашихъ мужественныхъ и лучше организованныхъ французскихъ союзниковъ, можетъ быть, благороднѣйшая британская армія, когда-либо покидавшая эти берега, была бы совсѣмъ сметена съ лица земли...“ (№ IX 2-й серіи). Въ заключеніе, перечисляются многочисленныя ошибки и безтактность дипломатическаго корпуса, вызвавшаго отчасти эту войну и способствовавшаго ея неудовлетворительнымъ для союзниковъ результатамъ.

Сдѣлавши подробный перечень всѣхъ промаховъ и недостатковъ правительства, обнаруженныхъ войной (изъ которыхъ мы привели лишь небольшую часть), ассоціація финансовыхъ реформъ приходитъ къ слѣдующему заключенію, выраженному четырьмя положеніями: во-1-хъ, какъ ни постыдны были всѣ

эти промахи во время войны, какъ ни великъ итогъ бѣдствій и несчастій, ими навлеченныхъ, но ничего не произошло такого, ни въ поведеніи исполнительной власти, ни въ военныхъ операціяхъ, ни въ дѣятельности администраціи, чего бы нельзя было предвидѣть съ той же точностью, съ какой предусматривается время прилива и отлива моря или нѣкоторыя разнообразныя послѣдствія хорошо извѣстныхъ причинъ. Можно еще удивляться, что всѣ эти промахи и несчастія не были еще безславнѣе и обширнѣе.

Во-2-хъ, причина всѣхъ этихъ золъ, обрушившихся на народъ, заключается въ совершенномъ игнорированіи того факта, что тѣ же самые принципы благоразумія, предусмотрительности, разсчета и принятія мѣръ, сообразныхъ цѣлямъ, необходимые для успѣха всякаго частнаго предпріятія, равно важны и для порядочнаго веденія общественныхъ дѣлъ, будетъ ли это прилагаться къ обширной имперіи или ничтожной деревушкѣ.

Въ-3-хъ, этотъ коренной недостатокъ прилагается къ каждой отрасли правительственнаго управленія отъ высшей до низшей, и до тѣхъ поръ, пока онъ существуетъ, не будетъ никакой возможности предупредить повтореніе тѣхъ же ошибокъ и несчастій, отъ которыхъ терпитъ народъ.

Въ-4-хъ, единственное средство заключается во внутреннемъ смыслѣ той энергической народной поговорки, которая должна теперь сдѣлаться національнымъ лозунгомъ: „Лишь хорошіе люди должны быть на хорошихъ мѣстахъ!..“ (Тотъ же трактатъ № IX.)

Выражая это положеніе, ливерпульское общество не высказывало этимъ ничего такого, что не повторялось бы въ это время въ Англіи на каждомъ шагу, на всякомъ митингѣ и во всякой газетѣ. Когда крымская война кончилась, и воинственный пылъ, обуявшій англійское общество, остылъ, всѣ начали ясно понимать безплодность этой войны, сравнительно съ тѣми жертвами, которыхъ она стоила: обнаруженныя затѣмъ ошибки, промахи, небрежность администраціи и самого правительства настолько способствовали проясненію народнаго самосознанія, что всѣ почти органы общественнаго мнѣнія слились въ одномъ единодушномъ требованіи — требованіи административныхъ

реформъ. Безъ существенныхъ перемѣнъ въ административномъ устройствѣ, безъ устраненія тѣхъ поводовъ, которые создавали всѣ обнаруженные войной недостатки, нѣтъ, конечно, никакихъ гарантій противъ продолженія и даже развитія этихъ золъ въ будущемъ.

Практическимъ выразителемъ этихъ требованій народа, по существующему англійскому обычаю, явилось вновь основанное политическое общество подъ названіемъ „Ассоціація административныхъ реформъ“ (Administrative Reform Association), устроенное на тѣхъ же началахъ, какъ ливерпульское общество, и съ весьма аналогичной задачей. Послѣ дебатовъ въ первомъ засѣданіи (4-го мая 1856 г.) новая ассоціація приняла такія резолюціи: 1) несчастія, которыя страна вынесла въ теченіе настоящей войны, слѣдуетъ приписать неудовлетворительному и практически безотвѣтственному веденію дѣла различными органами управленія, почему настоятельно требуется перемѣна административной системы; 2) дѣйствительное средство противъ дурной системы администраціи, причинявшей такія большія пожертвованія труда, денегъ и человѣческихъ жизней, заключается во введеніи въ составъ ея служащихъ лицъ съ бо́льшей опытностью и практическими способностями, что, къ сожалѣнію, до сихъ поръ плохо соблюдалось. Ассоціація отнюдь не желаетъ совсѣмъ исключить аристократію изъ управленія страной, но считаетъ своимъ долгомъ протестовать противъ стремленія одного класса общества захватить исключительно въ свои руки, монополизировать всю дѣятельность администраціи.

Очевидно, эта резолюція новаго общества повторяетъ то, что неоднократно и на разные лады, уже цѣлыхъ восемь лѣтъ передъ тѣмъ, говорило почти каждое изданіе Ливерпульской ассоціаціи, и такимъ образомъ ея агитація, въ связи съ событіями крымской войны, имѣла значительный успѣхъ въ публикѣ. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ послужить неловкій поворотъ во мнѣніяхъ газеты „Times“; этотъ органъ, какъ извѣстно, не имѣетъ собственно никакого направленія, или не принадлежитъ одной опредѣленной партіи (какъ, напримѣръ, „Daily News“ или „Daily Telegraph“), а считаетъ за правило стоять всегда на сторонѣ силы, обыкновенно, поэтому — за существу-

ющее правительство или партію, стоящую во главѣ его; если же правительство падаетъ и общественное настроеніе — противъ него, „Times“ быстро поворачиваетъ флангъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ; когда съ 1848 года начали появляться трактаты ливерпульскаго общества, направленные противъ неудовлетворительности военной организаціи, синекуръ и иныхъ видовъ траты государственныхъ денегъ, противъ продажи чиновъ и т. п., „Times“ вооружился тогда на общество и металъ громы, обвиняя „ливерпульцевъ“ въ невѣжествѣ, недобросовѣстности и даже подкупѣ съ чьей-то стороны (?!) съ цѣлью оскорблять честь арміи и возводить ложныя обвиненія на аристократію. Послѣ войны онъ заговорилъ уже инымъ языкомъ, въ одинъ голосъ съ ливерпульскимъ обществомъ, обличая неустройство арміи, безпорядочность администраціи и ненормальное преобладаніе того же аристократическаго класса. „До средины ноября прошлаго года,—говоритъ, напримѣръ, передовая „Times'a“ отъ 14-го февраля 1856 года, — Англія (?!) вѣрила, что она имѣетъ армію, генераловъ, государственныхъ людей и различные органы управленія, не только стоящіе на высотѣ своего назначенія, но даже лучшіе въ свѣтѣ, а теперь, въ серединѣ февраля, въ три короткіе мѣсяца, все измѣнилось: мы пробудились отъ нашихъ грезъ, надеждъ и очарованій успѣха лишь для отчаянія и скорби. Наши генералы превратились хуже, нежели въ безполезныхъ, наши министры — болѣе, нежели въ неспособныхъ, и каждая отрасль управленія поражаетъ такимъ безнадежнымъ худосочіемъ, бездарностью, рутиной и массой ничего нестоющихъ формальностей, что являются настоятельно необходимыми самыя обширныя перемѣны“...

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ войны, взрывъ народнаго негодованія обрушился на административную систему и требовалъ ея передѣлки; ливерпульское общество, уже нѣсколько лѣтъ агитировавшее въ этомъ направленіи, сразу возбудило общее вниманіе и получило много новыхъ сторонниковъ и союзниковъ, между ними такихъ сильныхъ, какъ „Times“. Въ парламентѣ и внѣ его всѣ партіи — виги, радикалы, кон-

серваторы — пришли къ единогласному рѣшенію, что необходима перестройка государственнаго зданія на началахъ, во многомъ отличныхъ отъ тѣхъ, какія существовали: всѣ сходились, повидимому, на томъ, что преобладаніе аристократіи въ государственной службѣ ведетъ за собою протекцію и непотизмъ, а съ ними порчу всей государственной машины и огромную непроизводительную затрату для казны. Практическое осуществленіе это настроеніе общества скоро нашло себѣ въ предложеніи члена палаты общинъ Лайарда, сдѣланномъ въ парламентѣ — выразить отъ имени палаты общинъ правительству неудовольствіе на существующую административную систему. Предложеніе это, хотя прошло лишь въ измѣненномъ и смягченномъ сэромъ Литтономъ видѣ, по своему рѣшительному тону и содержанію прямо повторяетъ воззрѣнія Ливерпульской ассоціаціи, и, какъ слѣдовало ожидать, оно произвело въ публикѣ и правительствѣ сильную сенсацію. Г. Лайардъ предлагалъ заявить, что „парламентъ, наблюдая съ глубокимъ и увеличивающимся вниманіемъ положеніе народа, пришелъ къ убѣжденію, что въ государственной службѣ, при существующемъ порядкѣ назначенія на должности, заслуга и способности приносятся въ жертву интересамъ партіи, семейнымъ вліяніямъ и слѣпой приверженности къ рутинѣ, и что такой порядокъ подалъ уже поводъ къ большимъ несчастіямъ и угрожаетъ въ будущемъ дискредитировать народный характеръ и навлечь еще бо̀льшія бѣдствія“.

Въ свою очередь, Ливерпульская ассоціація издала новый трактатъ, въ которомъ излагается весьма широкій планъ административныхъ реформъ: по мысли этого плана, чтобы эти реформы произвели дѣйствіе и оказали пользу какъ управленію, такъ и финансамъ страны, необходимо, чтобы онѣ обняли собой весь государственный организмъ. Если система администраціи оказалась по результатамъ плохой въ войскѣ, то нѣтъ основанія полагать, чтобы она была лучше въ гражданскомъ вѣдомствѣ и иныхъ родахъ государственной службы: только коренное измѣненіе можетъ поправить дѣло. „Что бы подумали о такомъ врачѣ, — говоритъ трактатъ, — который, будучи призванъ къ больному и найдя его покрытаго сыпью,

струпьями и вередами, началъ бы его пользовать примочками, припарками, перевязками и пластырями на отдѣльныхъ частяхъ тѣла, и въ то же время, употребляя различное мѣстное лѣченіе, оставилъ бы безъ вниманія причину, отъ которой болѣзнь произошла, и весь организмъ больного въ его цѣломъ? Такого врача, конечно, обозвали бы шарлатаномъ. Рѣшительное леченіе можетъ убить паціента, но и спасти его: мѣстныя же эмпирическія средства въ состояніи иногда ослабить отдѣльные симптомы, но не могутъ воздѣйствовать на корень всей болѣзни. То же самое приложимо и къ лѣченію больного государственнаго организма. Государственный человѣкъ, въ роли такого медика, приметъ болѣе твердый, мудрый и рѣшительный способъ лѣченія: онъ атакуетъ самую суть болѣзни. Его лѣкарство должно дѣйствовать на цѣлое политическое тѣло, отъ головы до ногъ, начиная съ монарха на тронѣ и до послѣдняго избирателя, включая всѣ ранги между ними, обѣ палаты парламента, самихъ министровъ и каждый органъ управленія“ [1]. Такимъ образомъ, согласно воззрѣніямъ Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ, Англія нуждается не только въ административныхъ. но и въ политическихъ измѣненіяхъ; лишь съ помощью послѣднихъ вся государственная машина и въ частности финансовое управленіе могутъ быть поставлены на твердую почву.

Слѣдующій затѣмъ трактатъ (№ XI второй серіи) излагаетъ подробно общій планъ этихъ измѣненій, который, по обширности своей и разнообразію затрагиваемыхъ имъ чисто политическихъ вопросовъ, не можетъ войти въ предѣлы настоящаго очерка. Проектъ этотъ важенъ для насъ, впрочемъ, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по тому фундаментальному принципу, который установляется имъ для всякаго существеннаго улучшенія въ положеніи государственныхъ финансовъ, и, во-вторыхъ, по частнымъ, спеціально финансовымъ мѣрамъ, которыя трактатъ рекомендуетъ. Постараемся представить яснѣе этотъ важный принципъ, который ливерпульское общество кладетъ въ основу всякаго серьезнаго перереформированія государственныхъ финансовъ.

---

[1] F. R. T. № X. 2-d Series. Administrative Reform. What is wan ed? how we are to get it?

Улучшеніе финансовъ данной страны можетъ совершаться двоякимъ образомъ, изъ которыхъ первый есть болѣе цѣлесообразный и правильный выборъ налоговыхъ формъ и ихъ устройства. Для полученія необходимыхъ для потребностей управленія средствъ, государство избираетъ установленіе такихъ податей и налоговъ, которые, составляя вѣрный и надежный источникъ дохода, въ то же время распредѣляются наиболѣе правильнымъ образомъ, смотря по податной или имущественной способности плательщиковъ, и отнюдь не препятствуютъ и не искажаютъ экономической дѣятельности народа. Чѣмъ болѣе любой налогъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, тѣмъ онъ лучше и желательнѣе для страны, и къ категоріи такихъ налоговъ ливерпульское общество относитъ почти исключительно одни только такъ называемые прямые налоги и нѣкоторыя пошлины; косвенное обложеніе является въ большинствѣ случаевъ крайне неудовлетворительной и вредной формой полученія государственнаго дохода, ведетъ къ чрезвычайной неуравнительности обложенія, отягощенію бѣдныхъ классовъ народа, содѣйствуетъ упадку производительности народнаго труда, отличается большими колебаніями степени доходности, и т. д. По многимъ аналогичнымъ причинамъ, общество финансовыхъ реформъ отвергаетъ и всѣ налоги на личный трудъ, будутъ ли таковые въ формѣ подушной подати или налога на заработную плату — все равно. Базисомъ всякой правильно устроенной финансовой системы должно служить, по мнѣнію общества, устройство налоговъ, падающихъ преимущественно на капиталъ во всѣхъ его видахъ — владѣніе недвижимой и движимой собственности и переходъ ихъ изъ рукъ въ руки. Къ такой организаціи своихъ доходовъ каждое государство обязано стремиться, имѣя въ виду улучшеніе своихъ финансовъ въ формѣ, наиболѣе выгодной и плодотворной для экономической дѣятельности и блага цѣлаго народа.

Но улучшеніе финансовъ можетъ производиться и инымъ путемъ. Положимъ, система налоговъ извѣстной страны устроена самымъ правильнымъ, разумнымъ и справедливымъ образомъ, но, въ то же самое время (хотя это и трудно допустить въ такой странѣ), матеріальныя средства, получаемыя

отъ такой прекрасно организованной системы доходовъ, тратятся непроизводительно и неразсчетливо на излишнія военныя и морскія сооруженія, излишне многочисленную бюрократію и администрацію, вообще, поглощаются такими расходами, которые могли бы быть уменьшены безъ ущерба для народнаго блага. Нѣтъ сомнѣнія, что страну, съ такой правильной системой налоговъ и неправильной—расходовъ, отнюдь нельзя назвать благоустроенной, и ея подданные едва ли утѣшатся тѣмъ соображеніемъ, что хотя деньги, съ нихъ собираемыя, издерживаются неблагоразумно и неразсчетливо, зато самая система налоговъ избрана и устроена по всѣмъ указаніямъ науки и чужого опыта! Итакъ, первое, съ чего должна начаться всякая серьезная реформа государственныхъ финансовъ, заключается въ расходахъ, а не въ доходахъ, въ тщательномъ пересмотрѣ, изслѣдованіи и сокращеніи расходовъ государства, а не въ исканіи лишь и пріобрѣтеніи новыхъ источниковъ дохода; если же положеніе финансовъ извѣстной страны признается ненормальнымъ, если податныя силы ея значительно напряжены и устройство налоговъ неправильно, что можетъ наносить ей самый разнообразный вредъ, то тѣмъ болѣе, конечно, измѣненіе всего финансоваго строя должно производиться, именно, начиная съ значительнаго уменьшенія или сокращенія государственныхъ издержекъ на удовлетвореніе своихъ потребностей. Поэтому, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ и помѣстила въ началѣ своего девиза, именно, бережливость, какъ путеводный маякъ ко всякому серьезному и разумному реформированію финансовъ („Бережливое управленіе, справедливое и простое устройство налоговъ и совершенная свобода торговли!“). Сокращеніе расходовъ должно начаться, конечно, съ пересмотра и предварительнаго изученія всѣхъ наличныхъ государственныхъ расходовъ, при чемъ это дѣло должно быть поручено представителямъ народа изъ лучшихъ умовъ страны, а отнюдь не правительственнымъ чиновникамъ, ибо, при полной даже добросовѣстности послѣднихъ, они не могутъ отрѣшиться отъ условій существующей рутины и возвыситься до должнаго пониманія народныхъ интересовъ и

знанія народной жизни. Сокращеніе расходовъ можетъ производиться разными путями: во-первыхъ, государство, дѣлая пересмотръ своимъ потребностямъ въ виду тяжелаго финансоваго положенія, можетъ найти нѣкоторыя изъ нихъ излишними и совсѣмъ вычеркнуть изъ бюджета; во-вторыхъ, изслѣдуя въ частности извѣстную потребность и сопряженные съ нею расходы, оно можетъ измѣнить лишь самыя формы удовлетворенія этой потребности, короче — придумать способы удовлетворить ее болѣе дешевымъ образомъ, съ меньшей затратой народныхъ средствъ и силъ. Во всякомъ случаѣ, и при томъ, и при другомъ способѣ сокращенія государственныхъ расходовъ, государство, которое стремится къ улучшенію финансовъ, не можетъ обойтись безъ одного главнаго условія — безъ серьезнаго измѣненія всей своей административной системы: безъ соблюденія этого условія, всѣ попытки къ сокращенію расходовъ будутъ на практикѣ въ наискорѣйшемъ времени сведены къ нулю. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли на примѣрѣ расходовъ англійскаго военнаго министерства, слабый пунктъ ихъ выразился главнымъ образомъ въ существованіи значительнаго числа излишнихъ должностей или синекуръ, въ видѣ „полковниковъ по обмундированію“, гарнизонныхъ мѣстъ, многочисленныхъ военно-канцелярскихъ штатовъ и т. п., а также въ безразсчетливой раздачѣ различнаго названія добавочныхъ содержаній и пенсій, ограниченіе которыхъ, по мнѣнію ливерпульскаго общества, привело бы къ значительнымъ сбереженіямъ казны. Но все это зло, какъ бы оно ни было велико и очевидно, будучи связано съ преобладаніемъ въ управленіи аристократическаго класса и системой протекціи и фаворитизма, конечно, можетъ быть уничтожено, какъ это не разъ и доказывалось, лишь не иначе, какъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ системы всей администраціи: можно уничтожить всѣ существующія синекуры, запретить закономъ соединеніе нѣсколькихъ должностей въ одномъ лицѣ и уничтожить безполезныя канцеляріи съ ихъ рутиной и проволочками; но разъ остался старый духъ администраціи, все, конечно, скоро вернется къ старому, измѣнивши лишь названія: однѣ синекуры будутъ уничтожены, другія учредятся, одинъ безпо-

лезный штатъ прекратить существованіе, на его мѣсто явится другой, не менѣе безполезный и т. д. Вообще, сокращать государственные расходы при существованіи старыхъ административныхъ формъ такъ же мало имѣетъ смысла, какъ перекладывать деньги изъ одного кармана въ другой, воображая этимъ пріемомъ привести свои денежныя дѣла въ порядокъ. Въ данномъ случаѣ будетъ происходить нѣчто вродѣ починки стараго изветшалаго платья: пока одна дыра зачинивается, новая дыра разрывается пуще прежняго! Такимъ образомъ, слѣдуетъ считать почти аксіомой, что не можетъ происходить серьезнаго улучшенія государственныхъ финансовъ безъ соотвѣтствующаго улучшенія цѣлаго государственнаго механизма, и чѣмъ болѣе финансы разстроены и плачевны, тѣмъ въ большей степени, разумѣется, требуется реформа государственной администраціи. „Финансы, — справедливо сказалъ извѣстный финансистъ Джэмсъ Вильсонъ, —вовсе не простая ариѳметика; финансы, это — великая политика, которая лежитъ въ основаніи, въ корнѣ правительства каждой страны. Безъ хорошихъ финансовъ невозможно хорошее правительство, безъ хорошаго правительства невозможны и хорошіе финансы“.

Установивши этотъ общій принципъ финансовыхъ реформъ, ливерпульское общество переходитъ къ изложенію тѣхъ частныхъ финансовыхъ мѣръ и правилъ, съ помощью которыхъ (въ добавокъ къ нѣкоторымъ политическимъ измѣненіямъ въ правѣ представительства, организаціи министерства и т. д.) возможно улучшить въ будущемъ положеніе англійскихъ финансовъ. Во-первыхъ, при парламентѣ долженъ быть учрежденъ постоянный финансовый комитетъ, облеченный важными полномочіями: на немъ лежитъ, между прочимъ, обязанность произвести тщательную провѣрку всѣхъ пенсій, вознагражденій, добавочныхъ содержаній и разнаго названія платъ, получаемыхъ лицами, не состоящими на дѣйствительной службѣ. Ему же принадлежитъ право санкціонировать всякаго рода пенсіи и вознагражденія размѣромъ въ совокупности менѣе 1,200 ф. с. въ годъ; право это до сихъ поръ принадлежитъ королевѣ, и только высшія пенсіи утверждаются парламентомъ. Пенсіи въ

настоящее время уплачиваются изъ различныхъ фондовъ или источниковъ государственныхъ доходовъ и поэтому разнесены по отдѣльнымъ отчетамъ цѣлой полдюжины различныхъ вѣдомствъ; этотъ порядокъ, съ учрежденіемъ финансоваго комитета, долженъ прекратиться, и всѣ пенсіи уплачиваются лишь имъ однимъ. Комитетъ долженъ вести точный и полный алфавитный списокъ всѣхъ пенсіонеровъ, публиковать его во всеобщее свѣдѣніе, что въ настоящее время хотя и дѣлается, но на практикѣ сводится ни къ чему, вслѣдствіе разнесенія пенсій по различнымъ частямъ управленія. Этой усиленной или улучшенной гласности относительно пенсіоновъ ливерпульское общество приписываетъ немаловажное значеніе, ибо оно увеличитъ знакомство публики съ фактами неправильной раздачи народныхъ денегъ на этотъ предметъ и, можетъ быть, даже пристыдитъ нѣкоторыхъ важныхъ и богатыхъ аристократовъ, теперь безъ церемоніи получающихъ эти деньги безъ всякаго на то нравственнаго и разумнаго основанія. Такъ, напримѣръ, незадолго передъ этимъ назначена была пенсія въ 2,000 ф. ст. сыну покойнаго лорда Раглана, съ переходомъ этой пенсіи включительно до его внука, а также въ 1,000 ф. с. — его вдовѣ, хотя извѣстно, что лордъ Рагланъ оставилъ послѣ себя до 90,000 ф. с. состоянія. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы существовалъ такой финансовый комитетъ, составленный изъ людей честныхъ и независимыхъ отъ правительственныхъ и аристократическихъ вліяній, то онъ не назначилъ бы этихъ пенсій, по крайней мѣрѣ, въ ихъ размѣрѣ и наслѣдственной формѣ, тѣмъ болѣе, что вѣдь ни для кого не секретъ, что покойный Рагланъ былъ фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ британскихъ войскъ, который не обнаружилъ въ Крыму ни опытности, ни знанія, ни таланта, и вся карьера котораго была основана на томъ, что онъ былъ сынъ, братъ и дядя нѣсколькихъ герцоговъ. Но въ спискахъ пенсій изъ британскаго казначейства, пожалованныхъ за военныя заслуги, встрѣчаются явленія, еще болѣе странныя и малопонятныя иностранцу: напримѣръ, два пенсіона, по 4,000 ф. с. каждый, уплачиваются ежегодно изъ доходовъ почтоваго вѣдомства герцогу Марльборо и наслѣдникамъ графа Шомберга. Первый пенсіонъ существуетъ со вре-

менъ царствованія королевы Анны, когда онъ былъ пожалованъ знаменитому полководцу герцогу Джону Черчилю Марльборо съ потомками за его подвиги на войнѣ, кромѣ многихъ другихъ цѣнныхъ наградъ, какъ-то: ему даны зàмки Вудстокъ и Бленсгеймъ въ полную собственность и вилла Марльборо въ потомственную аренду за 40 ф. с. въ годъ, которую его потомки отдавали затѣмъ въ наймы за 3,000 ф. с. Такимъ образомъ, этотъ потомственный пенсіонъ въ 4,000 ф. с. существуетъ уже болѣе 170 лѣтъ и будетъ продолжаться неопредѣленное время въ будущемъ, вѣроятно, пока, — замѣчаетъ одинъ трактатъ, — англичане не поумнѣютъ и не станутъ болѣе дорожить народными деньгами. Другой пенсіонъ получаютъ потомки графа Шомберга, приверженца Вильгельма Оранскаго, убитаго въ сраженіи при Боннѣ въ 1690 году. Онъ существуетъ съ 1702 года. Ливерпульское общество справедливо вооружается противъ всѣхъ подобныхъ наслѣдственныхъ пенсіоновъ и требуетъ ихъ уничтоженія, что и долженъ исполнить предполагаемый финансовый комитетъ. Всякія прибавочныя содержанія подъ разными наименованіями общество предлагаетъ уничтожить, какъ крайне вредный, по многимъ объясненнымъ причинамъ, обычай британской государственной службы. Всѣ они должны быть замѣнены твердо опредѣленными увеличенными окладами жалованья, достаточными для существованія чиновника и экономіи на будущее. Если такой порядокъ существуетъ на частной службѣ и привлекаетъ къ себѣ многія тысячи способныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, то и государству нѣтъ никакого основанія отступать отъ этого правила и давать пенсію всякому чиновнику, прослужившему столько-то лѣтъ. Такія пенсіи должны быть лишь чрезвычайной наградой, выдаваемой парламентомъ въ исключительныхъ случаяхъ, послѣ тщательнаго обсужденія, за особыя заслуги и по возможности на опредѣленное время. Гораздо выгоднѣе для страны увеличить жалованье вдвое и втрое, нежели установленіемъ неопредѣленныхъ прибавокъ и огульныхъ пенсіоновъ поощрять протекцію, невѣжество и неспособность. Выдавая хорошее содержаніе, равное частной службѣ и, пожалуй, прогрессивно возрастающее

съ годами службы, правительство всегда будетъ имѣть избытокъ желающихъ поступить на государственную службу и безъ помощи произвольныхъ добавокъ къ жалованью и пенсій, которыя легко притомъ сами чиновники могутъ замѣнить эмеритурой. Точно также, по мнѣнію ливерпульскаго общества, должны быть уничтожены всякія вознагражденія за упраздненныя должности, особенно, если вознагражденія эти имѣютъ длительный характеръ; они могутъ быть гораздо удобнѣе (и то въ особыхъ случаяхъ, при значительныхъ заслугахъ) замѣнены единовременной выдачей строго опредѣленныхъ суммъ. Какъ образецъ противной этому правилу финансовой политики англійскаго правительства, приводится примѣръ д-ра Саутсвуда Смита, который получилъ 300 ф. с. ежегоднаго пожизненнаго вознагражденія за потерю мѣста члена упраздненнаго „комитета здравія“, учрежденнаго во время холеры для прісканія средствъ предупрежденія и лѣченія ея и закрытаго послѣ немногихъ лѣтъ безполезнаго существованія.

Дѣятельность финансоваго комитета, по мысли ливерпульскаго общества, далеко не ограничивается одной ревизіей и наблюденіемъ за выдачей пенсій и жалованій: она должна обнимать собой почти всю сферу государственнаго контроля. На комитетѣ этомъ, напримѣръ, лежитъ обязанность слѣдить за точнымъ выполненіемъ смѣтныхъ назначеній и донесеніемъ о нихъ парламенту; потому, онъ же обязанъ пересматривать и провѣрять первоначально всѣ объемистые отчеты отдѣльныхъ вѣдомствъ, представляемые парламенту: многіе изъ нихъ, уже по самой своей волюминозности, лишаютъ физической возможности членовъ парламента точно провѣрять и оцѣнивать каждую статью расхода отдѣльнаго вѣдомства, что косвенно способствуетъ существованію многихъ непроизводительныхъ тратъ помимо всякихъ отступленій отъ закона и заведеннаго порядка [1].

Что касается собственно военнаго вѣдомства, то здѣсь, по мнѣнію ливерпульскаго общества, какъ мы знаемъ уже, всякимъ финансовымъ реформамъ должно предшествовать значительное

[1] F. R. T. № XI, Administrative Reform №№ X and XI. Address to the Middle and Industrial Classes touching Army etc. — № XV.

измѣненіе всѣхъ тѣхъ золъ организаціи британской арміи, на которыя частью было указано въ различныхъ трактатахъ ассоціаціи. На первомъ планѣ, конечно, должно стоять уничтоженіе системы продажи чиновъ — системы, которая позоритъ англійскую армію и нигдѣ болѣе не встрѣчается на свѣтѣ за предѣлами Великобританіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должны быть значительно измѣнены и самыя условія поступленія на службу и повышенія въ чинахъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ должно производиться строгое испытаніе въ знаніи всего необходимаго для дѣла военной службы, что въ то время почти не существовало. До того времени, на офицерахъ почти не лежало фактически обязанности съ настойчивостью и энергіей изучать военное дѣло и все къ нему относящееся. Очень даже немногіе выбирали военную карьеру съ этимъ намѣреніемъ, а большинство дѣлалось офицерами лишь потому, что это давало имъ возможность въ мирное время, пріобрѣтя чинъ и мѣсто покупкой или протекціей въ военномъ министерствѣ, жить весело и пріятно: съ маленькимъ запасомъ рутиннаго знанія, они проживали бездѣльно и беззаботно, посвящая все свое время охотѣ, игрѣ на билліардѣ, баламъ, раутамъ, вечерамъ, гдѣ они всегда были желанные гости въ обществѣ интересныхъ дамъ и кавалеровъ. Они хорошо знали, что такая жизнь можетъ продолжаться, пока имъ заблагоразсудится, и что всегда, когда пожелаютъ, они могутъ ее покинуть, выгодно продавши чинъ или пріобрѣтя какое-нибудь теплое мѣстечко или синекуру въ предѣлахъ же вѣдѣнія военнаго министерства. Особенно послѣднее относится къ привилегированному войску — гвардіи, которая, — говоритъ трактатъ ливерпульскаго общества: „существуетъ у васъ какъ будто бы только для того, чтобы плодить синекуры и размножать въ британской арміи скороспѣлыхъ и неспособныхъ военачальниковъ". Понятно, что отъ такихъ лицъ невозможно ждать серьезнаго отношенія къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ: нигдѣ, можетъ быть, не выдвигается на сцену столько „важныхъ домашнихъ и семейныхъ обстоятельствъ", сколько у гвардейскихъ офицеровъ наканунѣ войны, когда они спѣшатъ чуть не толпами хлопотать объ отставкахъ, отпускахъ и перемѣщеніяхъ. Что касается нижнихъ чиновъ, то тутъ нужна та-

кая же всецѣлая перемѣна, какъ и относительно офицеровъ. „Кому неизвѣстно, — говоритъ трактатъ, — что британская армія въ настоящее время представляетъ сбродъ шелопаевъ, негодныхъ ни на что болѣе и которые вербуются изъ подонковъ населенія посредствомъ обмана и опьяненія? Да и какъ можетъ быть иначе, когда у насъ съ солдатомъ обращаются почти не лучше, нежели съ собакой, и вербуютъ ихъ за ничтожное (собачье — dog's wages) жалованье; когда для солдатъ существуютъ еще такія наказанія, которыя законъ считаетъ слишкомъ жестокими и унизительными даже для негодяевъ, уродующихъ своихъ женъ и дѣтей, и когда, наконецъ, ни мужество, ни талантъ, ни знаніе не могутъ солдата сдѣлать офицеромъ?! Улучшите положеніе солдатъ съ моральной и физической стороны, платите и обращайтесь съ ними хорошо — и Британія никогда не будетъ имѣть недостатка въ храбрыхъ защитникахъ; но для этого прежде всего необходимо военную службу сдѣлать такимъ занятіемъ, которое внушало бы уваженіе и симпатію. Но, помимо указанныхъ средствъ, лучшій для того способъ — не расширять армію, дѣлая ее невыносимымъ бременемъ для народа, а возможно ограничивать ее, возвышая притомъ ея внутреннее достоинство и боевую годность, и принять за твердое правило не вести никакихъ другихъ войнъ, кромѣ строго оборонительныхъ. Только такая война въ истинномъ смыслѣ можетъ быть названа народной; всякая иная война ведется лишь въ интересахъ какого-либо одного класса народа, и хотя она можетъ подогрѣть искусственно военный пылъ даже большинства народа, который неопытному наблюдателю можетъ показаться народнымъ энтузіазмомъ, но такая война по окончаніи принесетъ за собой лишь раскаяніе. Примѣромъ можетъ служить крымская война; „Близорукіе дипломаты, въ связи иногда съ неразумными или безчестными газетчиками, — говоритъ трактатъ ливерпульскаго общества, — любятъ подогрѣвать этотъ пылъ, указывая Англіи на необходимость и даже будто бы обязанность вмѣшаться въ ту или другую континентальную распрю, любимымъ мотивомъ, между прочимъ, послѣднее время сдѣлалась гуманность — помощь несчастнымъ угнетеннымъ народамъ. Но въ такомъ

случаѣ, если уже необходимо сдѣлаться намъ Донъ-Кихотами, освободителями угнетенной невинности, то почему же эти господа не желаютъ быть послѣдовательными, почему бы намъ не освободить нашимъ оружіемъ, напримѣръ, Италію, какъ отъ домашнихъ тирановъ, такъ и отъ французовъ и австрійцевъ, венгерцевъ — отъ тѣхъ же австрійцевъ, сициліянъ — отъ неаполитанцевъ, и т. д., и затѣмъ, въ концѣ-концовъ, совершивши всѣ эти и многіе другіе подобные легкіе подвиги, остановиться, немножно передохнуть и кстати поразмыслить, какимъ бы образомъ освободить изъ-подъ нашей же власти Индію и многія другія колоніи, которыя имѣютъ своимъ основаніемъ захватъ, завоеваніе, а иногда и просто разбой?... По англійской народной поговоркѣ: „живя въ стеклянномъ домѣ, не слѣдуетъ бросать камнями въ сосѣдей", т. е. до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, не трогать другихъ, пока они васъ не трогаютъ. Прежде чѣмъ осушать чужія слезы и уменьшать чужія скорби, не умнѣе ли будетъ позаняться уничтоженіемъ собственныхъ несправедливостей, и поискать лѣкарства противъ собственныхъ недуговъ? Не будетъ ли въ тысячу разъ благоразумнѣе привести свой домъ въ порядокъ и затѣмъ лишь отправиться убирать чужой? Вѣдь до тѣхъ поръ каждая держава, въ дѣла которой вздумаемъ впутаться, съ основаніемъ можетъ намъ отвѣтить: „врачу, исцѣлися самъ!" Итакъ, для счастья Англіи, для блага цѣлаго народа, необходимо не вмѣшиваться въ чужія распри и дѣла, если они къ намъ прямо не относятся — и только этимъ способомъ можно ограничить прогрессивно развивающійся бичъ финансовъ всѣхъ европейскихъ народовъ — расходы на военныя и морскія сооруженія и на величайшее бѣдствіе въ мірѣ, называемое войной" [1].

Пагубное стремленіе увеличивать и расширять армію и военныя сооруженія страшно вредно, не только въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи, но даже и въ интересахъ самой военной силы государства, и страна, которая о томъ забываетъ, раньше или позже въ этомъ горько раскается. „Чрезмѣрными расходами на войско

---

[1] Financial Reform Tracts, 2-d Series, № V, стр. 8 и № XV, стр. 8, 9.

въ мирное время, — говоритъ справедливо одинъ изъ членовъ ливерпульскаго общества, — вы ослабляете способность націи вынести усиленные налоги, необходимые, когда начнется новая война, ослабляете духъ народа, который необходимо поднимать при началѣ войны, чтобы имѣть достаточно хорошихъ и бодрыхъ духомъ войновъ... Изъ средствъ приготовленія къ войнѣ ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ чрезмѣрные военные расходы деньгами и людьми въ мирное время“ [1]. Говорятъ, война родитъ войну; ливерпульское общество полагаетъ, что даже усиленіе военныхъ сооруженій не только побуждаетъ и даетъ примѣръ къ такимъ сооруженіямъ другимъ странамъ, но точно также и ведетъ къ войнѣ. Ничто такъ не усиливаетъ взаимнаго раздраженія между націями и не способствуетъ враждебнымъ дѣйствіямъ, какъ это постоянное опасеніе сосѣдей подъ вліяніемъ колоссальныхъ военныхъ сооруженій, въ которыхъ европейскія государства другъ передъ другомъ соперничаютъ . . .

Весьма замѣчательно, что, указывая на различные недостатки британской арміи и военной организаціи, перечисляя возможныя сокращенія на этотъ предметъ, ливерпульское общество вездѣ, въ своихъ трактатахъ о военномъ вѣдомствѣ, избѣгаетъ точнаго указанія цифры возможнаго сбереженія денегъ отъ предполагаемыхъ реформъ и не подводитъ итога всѣмъ сокращеніямъ. Исключенія встрѣчаются лишь для отдѣльныхъ статей, или въ рѣчахъ на митингахъ общества, гдѣ отвѣтственность за вѣрность всѣхъ подобныхъ разсчетовъ падаетъ всецѣло на самихъ ораторовъ. Причина этого явленія вполнѣ понятна: ставя въ зависимость финансовое преобразованіе отъ преобразованій административныхъ и политическихъ, общество не желаетъ дѣлать гадательныя выкладки такихъ сокращеній государственныхъ расходовъ, во-первыхъ — безъ тщательнаго практическаго изученія всѣхъ мелочей и частностей предмета расхода, предполагаемаго къ сокращенію, и, во-вторыхъ — безъ полнаго осуществленія предположенныхъ измѣненій въ военной администраціи и хозяйствѣ. Общество

---

[1] Morton Peto: Taxation, стр. 28.

полагаетъ, что частное политическое учрежденіе въ родѣ его, какъ и вся пресса, имѣетъ возможность лишь намѣтить, указать тѣ пункты расходовъ, которые могутъ подлежать сокращенію; разработка же вопроса, изученіе его въ деталяхъ, необходимое для практическаго осуществленія, возможны только для особой коммиссіи изъ избранныхъ представителей народа и послѣ всесторонняго основательнаго ознакомленія и изслѣдованія цѣлой организаціи военнаго министерства. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе и эта коммиссія должны единодушно работать надъ изученіемъ и практическимъ разрѣшеніемъ вопроса и должны другъ друга пополнять для успѣха дѣла: пресса намѣчаетъ возможные пункты сокращенія расходовъ и подвергаетъ строгой оцѣнкѣ гласные для всѣхъ результаты дѣятельности коммиссіи; эта послѣдняя, будучи составлена изъ людей, компетентныхъ во всякой отрасли управленія, чутко прислушивается къ голосу общественнаго мнѣнія и знакомится обстоятельно съ дѣломъ посредствомъ изученія дѣйствующихъ законоположеній, а главное, черезъ подробные и многочисленные допросы всѣхъ лицъ, могущихъ быть полезными ей своими практическими знаніями по данному вопросу. Лишь съ помощью такой дружной совокупной дѣятельности прессы и спеціальной парламентской коммиссіи можетъ удовлетворительно разрѣшиться важный и трудный вопросъ пересмотра государственныхъ потребностей и соотвѣтственнаго сокращенія расходовъ.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора многосторонней дѣятельности ливерпульскаго общества финансовыхъ реформъ, по критикѣ военныхъ расходовъ, намъ остается сказать, что хотя многія изъ заявленныхъ имъ стремленій въ этой области до сихъ поръ не осуществлены, но многое уже сдѣлано и, нѣтъ сомнѣнія, не безъ значительнаго вліянія и помощи со стороны энергичной агитаціи этого общества. Такъ, въ администраціи произошли весьма значительныя улучшенія, именно, въ томъ смыслѣ, какъ этого добивалось ливерпульское общество: введены строгія повѣрочныя испытанія при поступленіи на службу и при повышеніи въ должностяхъ, при чемъ принятъ единовременно для разныхъ должностей принципъ старшинства выслуги и на-

чало состязанія, которое опредѣляетъ между лицами, прослужившими одно время — достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ. Продажи военныхъ чиновъ, противъ которой такъ ратовало общество, уже не существуетъ, за нѣкоторыми исключеніями (съ 1871 г.), матеріальное и духовное положеніе солдатъ значительно улучшено, и послѣднее время въ Англіи слышится уже настойчивое требованіе общественнаго мнѣнія о замѣнѣ вербовки общей воинской повинностью. Многія синекурныя должности и между ними „полковники по обмундированію“ давно уничтожены, и теперь обмундированіе войска совершается преимущественно самимъ правительствомъ, которое для этого завело свои обширныя швейныя мастерскія (въ Pimlico), которыя ведутся настолько хорошо, что правительство находитъ выгоднымъ снабжать своимъ платьемъ не только армію, но даже полицію и таможенную стражу. Многія безполезныя, по недостатку дѣла, военныя канцеляріи точно также покончили свое существованіе, вслѣдствіе соединенія артиллерійскаго и коммиссаріатскаго управленій въ одно съ военнымъ управленіемъ (War Office). Организація войсковыхъ штабовъ, изобиловавшихъ синекурными мѣстами, подверглась также значительнымъ измѣненіямъ. Вообще, такимъ образомъ, хотя въ цѣломъ военные расходы въ Англіи, какъ и вездѣ, не уменьшились, а даже увеличились, но, во-первыхъ, ихъ ростъ совершается медленнѣе другихъ странъ, благодаря зоркому наблюденію общественнаго мнѣнія и духу бережливости англійскаго народа, и, во-вторыхъ, сдѣланы весьма серьезныя улучшенія и сбереженія въ отдѣльныхъ частяхъ военнаго управленія и хозяйства. Вліяніе ливерпульскаго общества въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже едва ли не отражалось на дѣятельности правительства прямымъ образомъ: такъ, членъ общества сэръ Уильямъ Мольсуортъ, авторъ одного изъ лучшихъ трактатовъ общества о колоніальной администраціи и членъ парламента, былъ назначенъ директоромъ колоніальнаго бюро.

Такимъ образомъ, Англія представляетъ собой страну, въ которой частный починъ, частная иниціатива находятъ себѣ широкій просторъ и доступъ къ исправленію всякихъ общественныхъ золъ и недостатковъ законодательства. Значеніе

общественнаго мнѣнія въ этой странѣ такъ велико именно потому, что оно имѣетъ не только возможность взвѣсить и обсудить готовую законодательную мѣру, но имѣетъ даже силу и средства предупредить ее, указать, выяснить необходимость такой мѣры и привести ее къ осуществленію способами, уже извѣстными намъ изъ примѣровъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ. Лишь путемъ свободнаго слова и дружнаго содѣйствія со стороны общества правительству, можетъ послѣднее улучшить многія стороны законодательства и тѣмъ содѣйствовать общему благу. Всякое зло является таковымъ, со всѣми его вредными послѣдствіями, не потому еще, что оно существуетъ, а часто потому лишь, что о немъ молчатъ.

Глава IV.

Критика расходовъ на морское министерство.

Различный характеръ морскихъ расходовъ и военныхъ. — Неудовлетворительное состоянiе британскаго адмиралтейства и вредные отсюда результаты для государственнаго казначейства и для самаго флота. — „Срѣзка“ и „удлиненiе“ судовъ, „починка“ и „передѣлка“ ихъ. — Отсутствiе въ морскомъ министерствѣ полной гласности и отчетности, отсутствiе опредѣленной системы дѣятельности и вредныя послѣдствiя формалистики и волокиты. — Современное положенiе британскаго флота, сравнительно съ другими государствами.

Начала, которыя регулируютъ расходы на флотъ или морское министерство, весьма отличны отъ тѣхъ, которыя управляютъ расходами военнаго министерства. Въ то время какъ въ войскѣ размѣры государственныхъ расходовъ опредѣляются преимущественно числомъ солдатъ, во флотѣ львиная доля расходовъ (около половины англiйскаго морского бюджета) падаетъ на постройку и содержанiе судовъ. На этомъ основанiи, ливерпульское общество финансовыхъ реформъ въ своей критикѣ военныхъ расходовъ обращало главное вниманiе, во-первыхъ, на общее сокращенiе размѣровъ армiи и, во-вторыхъ — на уничтоженiе плюрализма, синекуръ, преобразованiе системы пенсiоновъ и, вообще, уменьшенiе всѣхъ непроизводительныхъ расходовъ, связанныхъ съ организацiей самаго войска. Иной характеръ замѣчается въ трактатахъ общества, посвященныхъ спецiально критикѣ морскихъ расходовъ: здѣсь главную роль играютъ расходы на суда, а не на людей, а потому и вниманiе Ливерпульской ассоцiацiи сосредоточивается преимущественно на двухъ важныхъ пунктахъ: во-первыхъ, расходахъ на постройку и снаряженiе судовъ и, во-вторыхъ, расходахъ на по-

чинку судовъ. Этимъ двумъ статьямъ расходовъ морского вѣдомства посвящены два спеціальные трактата, не говоря уже о томъ, что нерѣдко тѣхъ же вопросовъ приходится касаться и въ другихъ изданіяхъ общества.

Развитіе расходовъ Англіи на свой флотъ тѣсно связывается съ его размѣрами и относится къ позднѣйшему сравнительно времени: до 1793 года, содержаніе флота обходилось ей не болѣе двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и Великобританія еще не могла претендовать на званіе „владычицы морей“: такое второстепенное государство, какъ Испанія, за это время имѣло въ военномъ флотѣ не менѣе 76 линейныхъ кораблей, а Франція — даже до 80, не говоря уже о довольно значительномъ флотѣ Голландіи. Развитіе британскаго флота, какъ и ростъ государственныхъ расходовъ на него, совершается весьма быстро съ начала борьбы съ французской республикой: съ двухъ милліоновъ, въ 1793 г., они возросли наканунѣ знаменитой Трафальгарской битвы до двѣнадцати милліоновъ, т. е. выросли въ шесть разъ. Въ годъ заключенія мира (1815) эти расходы достигли своего апогея (16 милліон. фунт. стерлинг.) и затѣмъ постепенно уменьшаются до 1835 года, колеблясь между четырьмя и семью милліонами, т. е. превосходятъ всетаки расходы до французской войны среднимъ числомъ въ два и до трехъ съ половиною разъ. Затѣмъ, расходы опять начинаютъ расти и ко времени крымской войны достигаютъ своего прежняго максимума (16 милліоновъ ф. с. въ 1856 году).

Исторія морскихъ расходовъ въ Англіи представляетъ для наблюдателя весьма поучительный урокъ, подтверждающій безполезность и даже вредность крупныхъ расходовъ на морскія (а частью и на военныя) сооруженія въ мирное время. Въ теченіе войны съ французами, Англія успѣла создать флотъ громадныхъ размѣровъ, заняла первенствующее мѣсто на морѣ и уничтожила морскія силы всѣхъ своихъ непріятелей. Къ концу войны она имѣла около тысячи образцовыхъ военныхъ судовъ, прекрасно снаряженныхъ по своему времени, и превосходные казенные доки и верфи. Съ окончаніемъ войны и наступленіемъ продолжительнаго мира слѣдовало ликвидировать многія сооруженія и учрежденія, сдѣлавшіяся безполезными, благодаря мир-

ному времени и возможности быстро усилить военный флотъ насчетъ многочисленнаго и богатаго флота, на дальнѣйшее развитіе котораго и нужно было бы обратить исключительное вниманіе. Между тѣмъ, хотя расходы на содержаніе и развитіе флота и были ограничены съ окончаніемъ войны, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было возможно: остались обширныя портовыя учрежденія, доки, верфи, которымъ слѣдовало давать средства для содержанія и доставлять занятіе. Несмотря на то, что флотъ былъ и безъ того слишкомъ многочисленъ для мирнаго времени и многія суда гнили на постоянныхъ стоянкахъ, постройка новыхъ судовъ продолжалась попрежнему и по старымъ образцамъ, вызывая безполезную трату народныхъ денегъ. Безъ стимула личнаго интереса, который имѣетъ мѣсто въ частномъ судостроеніи и ведетъ къ различнымъ техническимъ усовершенствованіямъ и изобрѣтеніямъ, при свободномъ распоряженіи большими отпусками казенныхъ денегъ и, наконецъ, главное — при недостаточномъ контролѣ со стороны представителей народа, британское адмиралтейство, какъ и слѣдовало ждать, весьма скоро обуялъ духъ рутины и мертвящей формалистики, немедленно отразившійся на всемъ характерѣ морского вѣдомства и самомъ качествѣ британскаго флота. Мѣсто живого отношенія къ дѣлу, мѣсто хорошаго состава морского управленія изъ лицъ знающихъ и способныхъ заступили небрежность, невѣжество, недобросовѣстность, протекція и непотизмъ со всѣми ихъ вредными послѣдствіями, уже намъ извѣстными изъ предъидущей статьи о военномъ министерствѣ. Когда, съ изобрѣтеніемъ пароходовъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, началась новая эра морского судостроительства, то въ результатѣ оказалось, что британское адмиралтейство далеко уже не стоитъ на высотѣ своего назначенія и относится къ своему дѣлу и тратѣ народныхъ денегъ съ неизвинительнымъ легкомысліемъ и поразительнымъ непониманіемъ своихъ обязанностей. Система казенныхъ доковъ за долгій періодъ времени относительно постройки судовъ оказалась лишь сплошнымъ рядомъ всевозможныхъ экспериментовъ. Какъ это обнаружилось, благодаря нѣсколькимъ слѣдственнымъ коммиссіямъ, назначеннымъ парламентомъ, на этихъ докахъ суда лежали подолгу на штапеляхъ,

частью уже построенныя, затѣмъ разбирались на части, и дерево или передѣлывалось въ другія формы, или продавалось, какъ безполезное; уже готовыя вчернѣ суда осуждались нерѣдко, какъ не стоющія оснастки, и разбирались; другія, уже оснащенныя, объявлялись незаслуживающими спуска въ море; третьи — новыя суда, оснащенныя и уже зачисленныя въ составъ флота, оставались стоять дома, близъ доковъ, затѣмъ осуждались и ломались; четвертыя, не выходя въ море, тѣмъ не менѣе, обходились въ поправкахъ, починкахъ и передѣлкахъ гораздо дороже, чѣмъ стоила ихъ первоначальная постройка; значительное количество такихъ судовъ лежало въ гаваняхъ и гнило; и, наконецъ, пятыя суда рубились снова, опять передѣлывались и измѣнялись въ формѣ и характерѣ прежде, чѣмъ были посланы въ море. Однимъ словомъ, происходила такая безразсчетливая, преступная трата денегъ и такой грандіозный безпорядокъ, что, при подобныхъ условіяхъ, всякая торговая судостроительная компанія успѣла бы обанкротиться десять разъ [1]. Оффиціальное лицо, новый секретарь адмиралтейства въ 1848 году, м-ръ Уордъ (Ward), далъ, напримѣръ, такой отзывъ о характерѣ учрежденія, при которомъ онъ служилъ: „Я долженъ сознаться, что нѣтъ отрасли правительственнаго управленія, въ которой недостатокъ правильной системы до такой степени чувствовался бы, какъ въ адмиралтействѣ: многочисленныя дорого стоющія передѣлки въ постройкахъ судовъ создаются какъ частыми внезапными перемѣнами начальствующихъ лицъ, такъ и отсутствіемъ систематическаго примѣненія всѣхъ опредѣленныхъ принциповъ. Нѣтъ сомнѣнія, эти передѣлки и измѣненія въ постройкахъ были причиной чрезвычайнаго увеличенія работы въ докахъ и огромныхъ національныхъ издержекъ“. Таковы оказались печальные результаты рутиннаго веденія дѣла и недостаточнаго контроля.

Ливерпульское общество финансовыхъ реформъ, пользуясь преимущественно матеріалами парламентскихъ коммиссій, приводитъ длинный рядъ фактовъ, который служитъ иллюстраціей ко всѣмъ сказаннымъ безпорядкамъ и расточенію государствен-

---

[1] Financial Reform Tracts, I-st Series, № 10. The Navy, стр. 1 и 2.

ныхъ средствъ морскимъ вѣдомствомъ. Прежде всего приводится нѣсколько отзывовъ компетентныхъ лицъ для подтвержденія этого незавиднаго состоянія британскаго адмиралтейства; изъ этихъ свѣдѣній видно, что изъ лицъ, особенно много способствовавшихъ такому состоянію, выдается нѣкто сэръ Уильямъ Симондсъ (Symonds), много лѣтъ стоявшій во главѣ строительнаго отдѣленія морского министерства (съ 1832 по 1847 годъ). На допросѣ одной изъ парламентскихъ коммиссій м-ръ Крёзъ (Creuze), одинъ изъ опытныхъ и образованнѣйшихъ корабельныхъ инженеровъ, несмотря на всю свою сдержанность въ показаніяхъ и нежеланіе выводить всю правду наружу, вынужденъ былъ, на поставленный ребромъ вопросъ (№ 9029) о его мнѣніи по поводу организаціи постройки казенныхъ судовъ, сознаться, что постройка этихъ судовъ представляетъ серію всевозможныхъ опытовъ, не основанныхъ ни на какихъ правильныхъ принципахъ. Мало того, Крёзъ показалъ даже еще откровеннѣе, что это общее замѣчаніе относится „въ большей или меньшей мѣрѣ ко всѣмъ судамъ, выстроеннымъ подъ руководствомъ сэра Уильяма Симондса, который, по его словамъ, не былъ достаточно знакомъ съ прогрессомъ, который сдѣлали научные принципы кораблестроенія въ послѣднее время“, и привелъ тому примѣры... Другой корабельный инженеръ, м-ръ Скоттъ Россель, извѣстный, какъ строитель многихъ первоклассныхъ океанійскихъ пароходовъ, на вопросъ коммиссіи (№ 7027), предложенный однимъ изъ членовъ ливерпульскаго общества, о разницѣ между постройкой судовъ на частныхъ докахъ и казенныхъ, далъ показаніе весьма краткое, но краснорѣчивое: „Я полагаю, что разница между этими учрежденіями та же, какъ между людьми опытными въ судостроеніи и неопытными“, и въ примѣръ Россель привелъ крайне плачевную исторію постройки тѣмъ же сэромъ Симондсомъ его перваго парохода.

Далѣе, ливерпульское общество переходитъ къ изложенію исторіи и статистики всѣхъ многочисленныхъ и неудачныхъ опытовъ казеннаго судостроительства, стоившаго англійскому народу массы денегъ, брошенныхъ на вѣтеръ. Всѣ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія въ двухъ трактатахъ относятся къ періоду

времени отъ французской войны и до 1848 года, и ихъ содержаніе, изложенное весьма не систематично, можно подвести подъ четыре рубрики: 1) неудачная постройка судовъ вообще; 2) починка и передѣлка судовъ, первоначально дурно построенныхъ; 3) дорого стоившіе опыты постройки пароходовъ и паровыхъ машинъ, и 4) морскіе строительные склады и запасы и ихъ несовершенная организація. Придерживаясь, по возможности, порядка расположенія этихъ рубрикъ, мы и познакомимъ читателей вкратцѣ съ ихъ содержаніемъ, представляющимъ наглядное доказательство страшнаго вреда въ финансовомъ отношеніи правительственнаго кораблестроенія въ крупныхъ размѣрахъ при дурной администраціи.

Это изложеніе безпорядковъ адмиралтейства и убытковъ, причиняемыхъ англійскому народу дурной постройкой судовъ военнаго флота, Ливерпульская ассоціація начинаетъ съ вычисленія размѣровъ дѣятельности того же сэра Симондса, человѣка столько же неопытнаго, по всѣмъ показаніямъ, сколько и несвѣдущаго, что, однакожъ, не помѣшало ему пробыть въ должности главнаго корабельнаго инженера цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ. Вотъ плоды его дѣятельности: въ теченіе времени его службы (съ 1832 года по 1847), по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ британскомъ флотѣ было спущено 143 судна, изъ которыхъ 120,970 тоннъ вмѣстимости приходится на суда его постройки и 66,943 тонны — другихъ строителей, при чемъ стоимость первыхъ равняется 2.661,340 фунт. стерл., вторыхъ — 1.673,575 ф. с. Какіе же оказались результаты, спрашивается, этой громадной затраты — болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ — на постройку новыхъ судовъ въ мирное время, когда Англіи не угрожала никакая серьезная опасность и когда чуть не половина ея и безъ того огромнаго военнаго флота не находила себѣ дѣла и гнила въ бездѣйствіи у береговъ родины? Результатъ, какъ и слѣдовало ждать при существующемъ характерѣ администраціи, основанной на началахъ протекціи и кумовства, оказался самый плачевный: изъ 143 упомянутыхъ судовъ, болѣе или менѣе плохо выстроенныхъ, 44 судна объявились никуда негодными (entire failures) и никогда не были посланы въ море по слу-

чаю своей полной ненадежности! Можно судить объ убыткахъ казны, если принять во вниманіе, что эта жалкая постройка обошлась не менѣе 22 ф. с. за тонну вмѣстимости [1].

Было бы ошибочно, впрочемъ, отсюда заключать, что такая дурная постройка является результатомъ лишь того обстоятельства, что главнымъ строителемъ въ адмиралтействѣ состоялъ, именно, несвѣдущій сэръ Симондсъ. Причина, разумѣется, лежитъ глубже — въ общей неудовлетворительности цѣлой организаціи морского вѣдомства, а далѣе и всего правительства; общее правило, что только при общемъ хорошемъ строѣ управленія надлежащія лица занимаютъ надлежащія мѣста. Доказательствомъ можетъ служить, что многія суда, построенныя гораздо раньше, когда еще Симондсъ и не вступалъ въ службу, построены одинаково плохо и одинаково обременяли своею стоимостью казначейство, не принося ничего силамъ и значенію британскаго флота. Одинъ изъ трактатовъ ливерпульскаго общества приводитъ для этого не мало весьма любопытныхъ образчиковъ. Такъ, напр., судно по имени „Бленгеймъ" было выстроено еще въ 1813 году и стоило первоначально 59,249 ф. с.; затѣмъ, немедленно начались починки и передѣлки, которыя лишь до 1824 г., т. е. за одиннадцать первыхъ лѣтъ его существованія, обошлись казнѣ 42,202 ф. с.; затѣмъ, починки и передѣлки (удлинненіе корпуса на докахъ Блэкуэлля) отъ 1845 до 1847 г. стоили 31,857 ф. с., дальнѣйшія передѣлки въ томъ же 1847 году на докахъ Вульвича — 6,951 ф. с. и въ заключеніе на докахъ Ширнесса — 4,471 ф. с.; но этимъ все-таки еще не ограничиваются расходы „Бленгейма": сюда нужно приложить стоимость новой оснастки, мачтъ, паровой машины (при новой передѣлкѣ его изъ паруснаго въ паровое судно), расходъ на уголь и т. д.; всего со всѣми расходами, начиная со дня его закладки въ 1813 году и до 1847 г., „Бленгеймъ" обошелся казначейству 176,838 ф. с., т. е. починки и передѣлки обошлись почти въ два раза дороже, нежели первоначальная постройка, — настолько послѣдняя была неудовлетворительна! Но

---

[1] Financial Reform Tracts, 1-st Series. № 10, Section II.

любопытнѣе всего, что, несмотря на всѣ чрезмѣрныя передѣлки и перетаскиваніе злосчастнаго судна изъ однихъ доковъ въ другіе, оно лишь доказало, что плохое нельзя передѣлать въ хорошее: какъ оказывается изъ списковъ флота, „Бленгеймъ“ въ теченіе всего своего довольно продолжительнаго существованія пребывалъ наибольшую долю времени на докахъ, а въ дѣйствительной службѣ числился всего лишь пять лѣтъ съ половиною и, какъ негодный для открытаго моря, предназначенъ, въ заключеніе, для сторожевой службы. Другой примѣръ такой же дурной постройки и съ тѣми же результатами представляетъ „Армада“, семидесятипушечный фрегатъ, выстроенный въ 1810 году, стоимостью въ 66,241 ф. с.; послѣ многочисленныхъ починокъ и передѣлокъ, онъ стоилъ въ 1847 году уже 151,684 ф. с., т. е. вдвое дороже своей первоначальной цѣны, дѣйствительная же служба „Армады“ за этотъ счетъ изъ тридцати-восьми лѣтъ продолжалась не болѣе четырехъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ. Третій примѣръ — фрегатъ „Амфіонъ“: начатый постройкой въ 1830 году, только черезъ 15 лѣтъ, т. е. въ 1845 году, „Амфіонъ“ былъ готовъ къ спуску, какъ судно парусное, и обошелся 36,115 ф. с., какъ вдругъ вышло распоряженіе адмиралтейства передѣлать его въ паровое, что и совершено съ нимъ за новую сумму въ 35,000 ф. с., тѣмъ не менѣе, въ результатѣ „Амфіонъ“ оказался до того плохъ, что уже въ 1847 году новый инспекторъ флота (surveyor of the navy), сэръ Бальдуинъ Уокеръ, объявилъ его „неудачнымъ опытомъ, необходимо требующимъ совершенной передѣлки“. Далѣе, примѣрами такихъ дурныхъ построекъ могутъ служить „Аяксъ“, „Эдинбургъ“, „Гогъ“, „Лондонъ“, „Нилъ“ и т. д., и т. д.,— число такихъ судовъ, построенныхъ дурно, съ невозвратимыми потерями для британскаго казначейства и для флота, такъ велико, что лучше всего обратиться къ валовымъ цифрамъ адмиралтейской статистики и въ ней поискать данныхъ для знакомства съ успѣхами казеннаго судостроительства. Въ 1848 году въ британскомъ военномъ флотѣ числилось 200 судовъ сомнительной годности для службы (lying in ordinary); изъ нихъ четыре корабля прослужили отъ двадцати до тридцати-

семи лѣтъ; сорокъ-шесть — отъ десяти до двадцати лѣтъ; восемьдесятъ-шесть состояли на службѣ отъ одного мѣсяца до десяти лѣтъ и, наконецъ, шестьдесятъ-четыре— никогда не состояли на морской службѣ. Но еще характернѣе другія цифровыя данныя, а именно списокъ военныхъ судовъ за двадцать-одинъ годъ, кончая 1848 годомъ (т. е. съ 1828 по 1848 г.), осужденныхъ за негодностью къ продажѣ или сломкѣ. Всего за это время состоялось такихъ адмиралтейскихъ приговоровъ 282 о соотвѣтственномъ количествѣ судовъ, и въ числѣ этомъ противъ одиннадцати въ графѣ отмѣтокъ о срокѣ службы стоитъ нуль, т. е. одиннадцать судовъ, выстроенныхъ британскимъ адмиралтействомъ, оказались до того плохи, что осуждены имъ же, какъ годные лишь къ ломкѣ [1]!

Вопросъ о починкахъ и передѣлкахъ судовъ, такъ неудачно выстроенныхъ, привлекаетъ, какъ онъ и заслуживаетъ того, наибольшее вниманіе Ливерпульской ассоціаціи, и ему посвящается значительная часть двухъ спеціальныхъ трактатовъ (№№ 10 и 13), разбирающихъ расходы флота. Въ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ расходы на починку показывались вмѣстѣ съ издержками на передѣлку, почему дурное качество судна обрисовывается еще не такъ рельефно: не виноватъ, конечно, строитель „Бленгейма“ въ томъ, что его парусное судно вздумали передѣлать въ пароходъ. Но вотъ три примѣра изъ многихъ, приводимыхъ ливерпульскимъ обществомъ, гдѣ рѣчь идетъ исключительно объ однѣхъ починкахъ и поправкахъ, т. е. о такомъ дѣйствіи, которое прямо даетъ понятіе о достоинствѣ первоначальной постройки. Первое судно по имени „Каледонія“ — высшаго класса съ 120 пушками и въ 2,712 тоннъ. Оно было спущено въ 1808 году и затѣмъ 21 годъ состояло на службѣ и почти столько же (19 лѣтъ) лежало безъ употребленія. Первоначальная стоимость судна равнялась 81,507 ф. с., и затѣмъ,

починки	отъ 1808 г.	до 1815 г.	—	10,448	ф.	с.
„	„ 1815 „	„ 1831 „	—	92,151	„	„
„	„ 1831 „	„ 1834 „	—	3,575	„	„

[1] Financial Reform Tracts, 1-st Series, № 13.

починки	отъ	1835 г.	до	1839 г.	—	9,500	ф.	с.
„	„	1839 „	„	1844 „	—	4,715	„	„
„	„	1844 „	„	1847 „	—	3,959	„	„

Всего, слѣдовательно, постройка вмѣстѣ съ починками обошлась свыше двухъ сотъ пяти тысячъ фун. стерл., т. е. страна на эту сумму денегъ имѣла бы возможность выстроить два новыхъ судна вмѣсто того, чтобы перекраивать и затыкать дыры старой „Каледоніи“.

Другіе два образчика починки судовъ, стоившей дороже самой постройки, представляютъ собой фрегаты „Неодолимый“ (Impregnable) и „Страшный“ (Tremendous) — несчастный примѣръ дурно выбранныхъ именъ: ихъ названія, можно было бы подумать, даны имъ при рожденіи въ насмѣшку какимъ-нибудь шутникомъ, близко знакомымъ съ порядками британскаго адмиралтейства и достоинствомъ его строителей! „Неодолимый“ построенъ былъ въ 1810 г. и стоилъ съ небольшимъ 90,000 ф. с., и съ тѣхъ поръ починка судна до 1847 года обошлась около 100,000 ф., и тѣмъ не менѣе „Неодолимый“ не годится для открытаго моря и несетъ лишь гаванную службу. Но интереснѣе всего исторія другого судна — „Страшный“; трактатъ ливерпульскаго общества почему-то не сообщаетъ его первоначальной стоимости, но затѣмъ приводится безконечный списокъ весьма крупныхъ починокъ (почти ежегодно), и ежегодные отчеты адмиралтейства о его состояніи, которые въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что, несмотря на всѣ усилія и утраты, „Страшный“ никуда не годится и остается страшнымъ лишь для британскаго казначейства. Трактатъ ливерпульскаго общества полушутливо, полусерьезно слѣдующимъ образомъ передаетъ печальную исторію „Страшнаго“: „Вся почти жизнь этого судна проходитъ въ исполненной многоразличныхъ опасностей службѣ — лежать на докахъ Ширнесса или Чатама и подвергаться ежегоднымъ нападеніямъ „непріятеля“ въ лицѣ инспектора флота, который бомбардируетъ предложеніями и распоряженіями о его починкѣ, пока, наконецъ, адмиралтейство не присудитъ разломать его на куски и продать, какъ старое дерево. Подобно „Неодолимому“, его имя оказалось дурнымъ выборомъ сильнаго слова, и „Страшный“ между всѣми судами

британскаго флота являлся сначала какимъ-то бездомнымъ сиротой безъ друзей и родственниковъ, о которомъ всѣ забыли. Но вотъ длинные счета его починокъ начинаютъ мало-по малу обращать вниманіе, его замѣчаютъ, его имѣютъ въ виду, и, наконецъ, онъ сталъ входить въ славу. Его имя начинаютъ уже употреблять для выраженія порицанія, какъ синонимъ упрека въ дурной постройкѣ, и излишество „починокъ" другихъ судовъ начинаетъ перелагаться на его счетъ, и „Страшный" становится козломъ отпущенія... Лорды адмиралтейства, наконецъ, не выдержали, подписали ему смертный приговоръ и приказали его сломать въ Дептфордѣ; но этимъ, увы! приключенія „Страшнаго" еще не кончились. Дѣло его разрушенія уже началось, но судьба сулила ему иное: подобно героинѣ мелодрамы, осужденной страдать за чужое преступленіе, „Страшный, въ концѣ-концовъ, получаетъ избавителей въ лицѣ капитана Гилля и новаго распоряженія адмиралтейства, которое во-время является въ Дептфордъ, чтобы спасти его отъ смерти... и „Страшный" живъ до сихъ поръ, но уже подъ другимъ именемъ...

Вся эта почти романтическая исторія, будучи переведена на языкъ оффиціальныхъ инспекторскихъ отчетовъ (Extracts from the Annual Surveys), представляется въ такомъ видѣ: Ширнессъ 1835 г.—„Страшный" требуетъ починки среднихъ размѣровъ, и ихъ счетъ — 31,987 фунтовъ стерлинговъ". Чатамъ 1843 г.—„Страшный" требуетъ починокъ среднихъ размѣровъ, и ихъ счетъ — 31,987 фунтовъ стерлинговъ"; 28 іюня 1843 года: „Я бы рекомендовалъ превратить „Страшный" въ лазаретъ, вмѣсто „Герцога", какъ судно, негодное для дальнѣйшей службы"; подписано У. Симондсъ". Адмиралтейскій приказъ отъ 29-го февраля 1844 года: „Судно „Страшный" въ Ширнессѣ послать въ Дептфордъ и сломать или продать, какъ окажется выгоднѣе". Какъ мы знаемъ уже, сломки не произошло, ибо новое распоряженіе адмиралтейства отъ 4-го мая 1844 года остановило ее, вслѣдствіе донесенія капитана Гилля, что судно при началѣ ломки оказалось крѣпко и въ хорошемъ состояніи. Новое распоряженіе постановило „передѣлать его, уменьшивши размѣры", что и

было исполнено на новую сумму въ 14,034 фунтовъ стерлинговъ ...[1].

Этихъ трехъ примѣровъ достаточно, чтобы познакомиться съ общимъ характеромъ постройки и починки судовъ британскаго военнаго флота того времени; изъ нихъ видно, какъ плохо строились нѣкоторыя суда и какъ дурно велась администрація всего адмиралтейства. Огромный расходъ на „починки“, въ два и болѣе раза превосходящій издержки постройки, самъ по себѣ уже внушаетъ сомнѣніе — не служитъ ли тутъ слово „починка“ приличной замѣной слова „передѣлка“? Дѣйствительно, какъ оказывается изъ показаній м-ра Крёза и другихъ свѣдущихъ лицъ, данныхъ передъ парламентской коммиссіей и подтвержденныхъ частью на перекрестныхъ допросахъ (дѣланныхъ сэромъ Джемсомъ Грэмомъ), строительное отдѣленіе адмиралтейства, чтобы менѣе шокировать общественное мнѣніе дурной постройкой судовъ, умышленно фальсифицировало свои отчеты, замѣняя настоящую „передѣлку“ (alterations) нѣкоторыхъ судовъ выраженіемъ „починка“ (repairs). „Такимъ образомъ, — заключаетъ трактатъ ливерпульскаго общества, — затрачивая на постройки, починки и хозяйственную часть адмиралтейства чуть не двѣ трети всего морского бюджета и неся непроизводительную тягость издержекъ на дурныя постройки, британская нація получаетъ въ сюрпризъ отсутствіе вѣрности и аккуратности бюджетныхъ отчетовъ и сомнѣніе въ честности своихъ исполнителей“.

Но помимо этой бухгалтерской подтасовки, вынужденной дурной и невѣжественной постройкой, въ адмиралтейской практикѣ встрѣчается другая подобная, не менѣе странная уловка, чтобы показать товаръ лицомъ и представить свою дѣятельность въ лучшемъ свѣтѣ. Уловка эта, въ сущности, весьма незатѣйлива и заключается въ слѣдующемъ: если судно выстроено настолько плохо, что не годится для службы, и его нельзя исправить безъ значительной передѣлки, то адмиралтейство объявляетъ, что въ интересахъ службы данное судно необходимо уменьшить размѣрами, выражаясь технически —

---

[1] Financial Reform Tracts, № 10. The Navy. Section V.

„срѣзать“ (to cut down), напр., превратить изъ трехдечнаго въ двудечное. Это обходится обыкновенно благодаря уже готовому матеріалу, въ двѣ трети того, что стоило бы новое такое двудечное судно; затѣмъ, когда оно готово, то въ отчетъ о постройкѣ заносится лишняя графа — стоимость двудечнаго новаго судна, и изъ нея вычитается стоимость передѣлки, и разница или остатокъ выставляется какъ бы экономія или барышъ. Благодаря такой продѣлкѣ, будто бы, иногда избѣгаются непріятные запросы и объясненія въ парламентѣ и не менѣе непріятные толки въ газетахъ и публикѣ.

Примѣромъ такой операціи можетъ служить уже извѣстный намъ „Страшный“, превращенный изъ 74-хпушечнаго судна въ 50-типушечный фрегатъ. Новый фрегатъ такихъ же размѣровъ долженъ былъ бы стоить 45,167 ф. с., между тѣмъ, передѣлка „Страшнаго“ обошлась, какъ мы уже знаемъ, всего 14,034 ф. с., и вотъ въ разницѣ является 31,133 ф. с., какъ выигрышъ отъ выгодной передѣлки, согласно логикѣ адмиралтейства! Другой такой опытъ крупныхъ размѣровъ былъ произведенъ съ трехдечнымъ судномъ, по имени „Принцъ Регентъ“, которое было „срѣзано“ и превращено въ двудечное за сумму въ 53,815 ф. с., а такъ какъ стоимость новаго двудечнаго судна не менѣе 60,000 ф. с., то, значитъ, эта операція приноситъ новое пріобрѣтеніе отечеству въ цѣлыхъ семь тысячъ фунтовъ... Въ финансовомъ отношеніи, — добавляетъ трактатъ Ливерпульской ассоціаціи, — приходится сожалѣть о томъ (какъ это ни странно можетъ сначала показаться), что „Принцъ Регентъ“, послѣ этой цѣнной передѣлки, оказался лучшимъ судномъ, чѣмъ прежде: онъ вынесъ бурный переходъ въ Лиссабонъ въ январѣ 1849 года и заслужилъ похвальную аттестацію сэра Чарльза Непира о своемъ хорошемъ „поведеніи“, сравнительно съ дурнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ трехдечныхъ кораблей. Этого было достаточно, чтобы подлить масла въ огонь и подогрѣть усердіе адмиралтейства къ столь выгодной для казны и себя операціи. Новый способъ обогащать казну, доставляя ей посредствомъ „срѣзки“ (cutting down) дешевыя суда, получилъ примѣненіе на де-

вяти 42-пушечныхъ фрегатахъ, превращенныхъ въ корветы[1]. Передѣлка ихъ стоила сравнительно небольшую сумму, всего 68,955 ф. с., а такъ какъ постройка новаго корвета обошлась бы не менѣе 27,000 ф. с. каждый, 243,000 ф. с. вмѣстѣ, то значитъ, по ариѳметикѣ британскаго адмиралтейства, страна выигрываетъ на постройкѣ чистыхъ 174,045 фунтовъ стерлинговъ!..

Ливерпульское общество сильно громитъ эту перестройку судовъ военнаго флота, которая, съ одной стороны, маскируетъ постоянные промахи и несостоятельность адмиралтейства въ кораблестроительномъ дѣлѣ, съ другой стороны — въ противность ея бухгалтеріи — влечетъ за собой крупныя и серьезныя потери для казначейства и, слѣдовательно, лишнюю тягость для плательщиковъ налоговъ. Въ самомъ дѣлѣ, если свести счетъ передѣлки „Принца Регента“ какъ слѣдуетъ, то, разумѣется, въ результатѣ вмѣсто выигрыша получится весьма значительный убытокъ. Постройка трехдечнаго судна, какимъ былъ „Принцъ Регентъ“, стоитъ не менѣе 82,000 ф. с., „срѣзка“ его въ двудечное обошлась, какъ знаемъ, 53,815 ф. с., итого судно стоило 135,815 ф. с. Отсюда, если вычесть обыкновенную стоимость двудечнаго судна — 60,000 ф. с., въ остаткѣ получится 75,815 ф. с. — сумма, представляющая собой чистую потерю на этой операціи для казны и для народа[2].

Но „срѣзка“, по мнѣнію ливерпульскаго общества, представляетъ собой все-таки пустяки въ финансовомъ отношеніи сравнительно съ операціей „удлиненія“ (adding to the length) судовъ, съ цѣлью превращенія ихъ изъ парусныхъ въ паровыя. Эта передѣлка производилась надъ большимъ количествомъ судовъ, преимущественно изъ тѣхъ, которыя были неудачно выстроены, и притомъ велась такъ небрежно, безъ знанія дѣла и опредѣленной системы, что убытки казны, если бы можно было съ точностью разсчесть всѣ подобныя многочисленныя перестройки, навѣрное, составили бы милліоны фунтовъ

---

[1] Имена ихъ: „Кюрасао“, „Орелъ“, „Колдунья“, „Амазонка“, „Дедалъ“, „Брильянтъ“, „Гаванна“, „Тринкомале“, „Амфитрита“.
[2] Financial Reform Tracts. 1-st Series, № 10. Section V.

стерлинговъ. Для примѣра можно ограничиться приведеніемъ опытовъ, которые продѣлывались надъ четырьмя фрегатами: „Впередъ“, „Гиппопотамъ“, „Эвротасъ“ и „Гораціо“. Изъ этихъ судовъ только послѣднее было на службѣ, остальныя же три были настолько плохо выстроены, что хотя ихъ возрастъ равнялся отъ 15-ти до 19-ти лѣтъ, тѣмъ не менѣе, они лежали безъ назначенія, какъ неспособныя быть высланы въ море. По обыкновенію, надъ ними было совершено нѣсколько „починокъ“, стоимостью каждая по нѣскольку тысячъ фунтовъ, но безполезно; и вотъ лорды адмиралтейства надумались „удлинить“ ихъ и превратить въ пароходы. Съ этой цѣлью были немедленно заказаны машины и началась передѣлка: м-ръ Нэпиръ изъ Глазго, машиностроительный заводчикъ, которому предложено было поставить по 350 лошадиныхъ силъ на каждое судно, объявилъ, что такія большія машины слишкомъ велики по размѣрамъ этихъ судовъ и что онъ, Нэпиръ, желая сохранить репутацію своей фирмы, не можетъ взяться за этотъ заказъ. Конечно, нашлись заводчики менѣе щекотливые, и машины были сдѣланы, но оказались, какъ и предсказывалъ Нэпиръ, слишкомъ велики, почему вышло новое распоряженіе адмиралтейства — превратить передѣланныя суда опять обратно въ парусныя, что и было произведено. Въ результатѣ получилось: потрачено на двѣ передѣлки денегъ около 50,000 ф. с. и въ результатѣ четыре разснащенные фрегата лежатъ безъ употребленія, и изъ нихъ три — никогда не смогутъ выйти въ море, по крайней мѣрѣ, безъ новыхъ серьезныхъ передѣлокъ; сверхъ того, лежатъ также безъ дѣла и четыре паровыя машины, для нихъ спеціально сдѣланныя.

Отсутствіе опредѣленности, безпрестанныя перемѣны въ назначеніи тѣхъ или иныхъ работъ и, вообще, легкомысленное отношеніе къ интересамъ дѣла и тратѣ народныхъ денегъ составляютъ характерную черту британскаго адмиралтейства того времени. Эта черта бросается въ глаза, по словамъ ливерпульскаго общества, при бо́льшей части какъ передѣлокъ, такъ и построекъ судовъ. Такъ, напримѣръ, адмиралтейство, въ концѣ сороковыхъ годовъ, вздумало построить три большіе парохода: „Симунъ“ — съ машиной въ 780 лошадиныхъ

силъ, „Вулканъ“ — 700 силъ и „Мегера“ — 566 силъ. Машины были заказаны, сдѣланы и уже частью оплачены, когда адмиралтейство передумало и рѣшило эти машины употребить въ дѣло при передѣлкѣ трехъ линейныхъ кораблей въ паровыя суда. Для этого новаго назначенія помянутые корабли, съ большими для того расходами, были уже передѣланы и приспособлены для постановки машинъ, какъ адмиралтейство вновь передумало: большія и цѣнныя машины, точно также и остовы трехъ судовъ, лежатъ уже нѣсколько времени въ докахъ безъ всякаго назначенія...

Судно же „Симунъ“, предназначавшееся для машины въ 780 силъ, снабжено машиной въ 350 силъ, которая была первоначально сдѣлана для извѣстнаго намъ „Эвротаса“... Это безпрестанное перемѣщеніе машинъ, назначенныхъ для одного судна, на другое, является въ огромномъ большинствѣ случаевъ результатомъ невѣжества строителей и ведетъ иногда къ новымъ промахамъ, весьма накладнымъ для казны, хотя, къ сожалѣнію, въ большинствѣ безнаказаннымъ для самихъ гг. инженеровъ-строителей. Такой случай произошелъ, напримѣръ, со столь извѣстнымъ намъ сэромъ У. Симондсомъ при постройкѣ королевской яхты „Викторія и Альбертъ“. Этотъ знаменитый кораблестроитель успѣлъ уже испортить многія суда, „удлинняя“ и превращая ихъ въ пароходы, а также успѣлъ истратить задаромъ не одинъ милліонъ народныхъ денегъ прежде, нежели приступилъ къ постройкѣ королевской яхты. Можно было надѣяться поэтому, что онъ уже имѣетъ достаточно опыта для постройки одного хорошаго судна. Тѣмъ не менѣе, когда яхта была построена, что обошлось въ 69,941 ф. с., и спущена въ воду, судно оказалось такимъ упрямымъ, что не хотѣло двигаться, исключая развѣ съ рискомъ отправиться ко дну; и вотъ пришлось все начинать снова — машины были вынуты, судно разобрано, и, прежде чѣмъ все приведено въ надлежащій порядокъ, новая сумма въ 48,806 ф. с. была истрачена. Оказалась весьма простая вещь: машины „Викторіи и Альберта“ были гораздо легче, нежели онѣ должны были быть, такъ какъ онѣ предназначались и строились первоначально для другого судна меньшихъ размѣровъ и по-

пали сюда по случаю, потому что, по обычаю адмиралтейства, оно успѣло передумать и измѣнить ихъ первое назначеніе.

По показаніямъ извѣстнаго инженера Гордона передъ парламентской коммиссіей, одна изъ многихъ причинъ этой постоянной неудачи съ паровыми машинами, и особенно ихъ порчи, заключалась въ условіяхъ ихъ заказа адмиралтействомъ частнымъ заводчикамъ и отсутствіи практической сообразительности. Въ письменныхъ объявленіяхъ заказовъ, предлагаемыхъ на конкурсъ, обозначается обыкновенно ширина и глубина судна и пространство, которое должны занимать машины и ящики для храненія угля; при этомъ добавляется, что „всѣ такія заявленія машиностроителей, которые предложатъ помѣстить машины надлежащей силы въ пространство, меньшее обозначеннаго, и дадутъ наиболѣе мѣста для храненія угля — будутъ предпочитаемы всѣмъ инымъ“. Прямымъ результатомъ этихъ условій конкурса, по словамъ Гордона, было то явленіе, что машины въ 500 лошадиныхъ силъ доставлялись съ котлами для 400 силъ; котлы, благодаря этому, часто портились, шли въ починку и, вообще, служили далеко не такъ удовлетворительно, какъ служили бы при машинахъ съ одинаковымъ количествомъ силъ. Извѣстный уже намъ заводчикъ Нэпиръ изъ Глазго не разъ указывалъ адмиралтейству на непрактичность и несообразность такой системы заказовъ, нѣсколько разъ отказывался отъ нихъ и брался выполнять исключительно заказы, соотвѣтствующіе своему назначенію. Всѣ его указанія пропадали даромъ, а, между тѣмъ, въ отчетѣ самого адмиралтейства парламенту, напечатанномъ въ 1843 году, въ которомъ собираются статистическія свѣдѣнія о потери времени судами флота, вслѣдствіе починки машинъ, приводятся такія сравнительныя данныя: машины фабрикаціи Нэпира (т. е. съ надлежащими котлами) оказывались неспособными къ исполненію своего дѣла, по случаю починокъ, лишь одну одиннадцатую всего періода своего существованія; машины же другихъ заводчиковъ—одну пятую, одну четвертую и одну третью времени находились въ починкѣ. М-ръ Гордонъ передъ парламентской коммиссіей выставилъ на видъ для сравненія такіе факты: „Британія“, ком-

мерческій пароходъ, дѣлающій рейсы между Америкой и Ливерпулемъ, пробѣжалъ 68,000 миль въ свои первые два года безъ починокъ; другой коммерческій пароходъ „Каледонія“ сдѣлалъ 60,000 миль въ первые два года и цѣлые три — пробылъ безъ починокъ. Подобныхъ судовъ и машинъ не существуетъ въ военномъ флотѣ. „Циклопъ“, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ паровыхъ фрегатовъ, пробѣжалъ лишь 29,300 миль въ первые три года, и починка его машинъ уже стоила за это время 800 фунтовъ стерлинговъ, и 164 дня, или одну пятую часть времени, по случаю починокъ, онъ не былъ способенъ для плаванія“. Вообще, по мнѣнію Гордона, постройка судовъ на казенныхъ докахъ происходила настолько дурно, и вся организація ихъ велась до того небрежно и безъ знанія дѣла, что „неразсчетливая трата денегъ на безпрестанно мѣнявшіеся и никуда негодные планы постройки судовъ и машинъ давно бы успѣли обанкротить любую торговую компанію“ [1].

„Naval and Military Gazette“, органъ, спеціально посвященный интересамъ флота и арміи, и который, слѣдовательно, отнюдь нѣтъ основанія заподозрѣть въ пристрастіи, тѣмъ не менѣе, счелъ долгомъ указать на эту слабую сторону британскаго морского министерства, влекущую за собой безполезную для дѣла и вредную по существу трату денегъ, добываемыхъ тяжелымъ трудомъ плательщиковъ налоговъ. „Нельзя не сознаться, что не офицеры, не матросы, не смола и пенька и не дерево въ докахъ создаютъ главнымъ образомъ чрезмѣрность нашихъ расходовъ на флотъ, но фантастическія постройки и такого же рода машины судовъ нашего военнаго флота. Вмѣсто обыкновенныхъ словъ команды на нашихъ паровыхъ судахъ, въ родѣ „стопъ-машина“ и т. п., чаще всего раздаются возглазы: „укоротить судно!“, „удлинить судно“, „долой мачты“, „придать балласту“ и т. п., и т. п... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти „передѣлки“, фигурирующія нерѣдко за „починки“, стоютъ не малую толику денегъ. Если бы разсчесть даже ихъ потерю на всѣ эти безполезные эксперименты лишь за два, за

---

[1] Financial Reform Tracts. 1-st Series. № 10 Section I. The Navy Shipbuilding and Engine-Making.

три послѣдніе года, то навѣрное бы ихъ хватило на содержаніе добавочныхъ 10,000 моряковъ ... [1].

Какъ видно изъ изслѣдованій и допросовъ парламентскихъ коммиссій того времени, не въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ постройка и починка судовъ, является и другая важная отрасль дѣятельности адмиралтейства — заготовка дерева и иныхъ подобныхъ запасовъ для кораблестроенія. Эта операція совершалась обыкновенно черезъ поставщиковъ, которымъ доставленіе въ адмиралтейство извѣстнаго количества и качества лѣса сдавалось съ торговъ. Но при этомъ принципъ конкурренціи соблюдался весьма плохо, и сплошь и рядомъ поставка отдавалась вовсе не тѣмъ лицамъ, которыя предлагали казнѣ болѣе выгодныя условія или дешевыя цѣны. Существовали излюбленные поставщики (какъ нѣкто Моррисъ), которые получали предпочтительно передъ всѣми иными заказы, хотя они были даже далеко не изъ крупныхъ и болѣе надежныхъ лѣсныхъ торговцевъ. Нерѣдко у нихъ, напримѣръ, у того же Морриса, совсѣмъ не было нужнаго дерева въ запасѣ, и онъ немедленно закупалъ его у отвергнутыхъ казной поставщиковъ (напримѣръ, у весьма крупнаго лѣсоторговца „Нэшъ и Герней“), которые, естественно, брали съ него лишнюю цѣну, и, конечно, казна, въ концѣ-концовъ, отвѣчала за всѣ лишніе прибыли и проценты. Но еще болѣе невыгодная операція совершалась надъ казеннымъ британскимъ лѣсомъ: лѣса эти не велики, но, при правильной рубкѣ, нѣкоторыя породы деревьевъ (особенно дубъ) ежегодно въ небольшомъ количествѣ поступали для казеннаго кораблестроенія, но не прямымъ путемъ, а косвеннымъ. Именно: казенный лѣсъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ продавался съ аукціона, при чемъ его покупали почти цѣликомъ нѣкоторые крупные торговцы (напримѣръ, та же фирма Нэшъ и Герней), отъ которыхъ уже въ свою очередь пріобрѣтали его поставщики, доставлявшіе его той же казнѣ въ лицѣ адмиралтейства. Такимъ образомъ, казна пріобрѣтала свой собственный лѣсъ изъ третьихъ рукъ, переплачивая двойной барышъ двухъ торговцевъ — Нэша и поставщика Морриса!..

---

[1] Financial Reform Tracts, № 13. Section VIII.

Такова была неутѣшительная картина порядковъ британскаго министерства, какъ ихъ рисуетъ Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Безполезная трата большихъ денегъ и вредъ для задачъ и цѣлей самого флота являются результатомъ неустройства, которое господствовало въ адмиралтействѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Какъ мы уже упоминали, причину этого неустройства нельзя объяснить лишь присутствіемъ въ управленіи нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей въ родѣ сэра Уильяма Симондса: и до него, и вмѣстѣ съ нимъ существовали въ британскомъ адмиралтействѣ корабельные инженеры лучшаго качества, и, тѣмъ не менѣе, безпорядокъ и излишняя трата денегъ были весьма значительны. Очевидно, причина ихъ лежитъ глубже — въ общей неудовлетворительности всей организаціи морского вѣдомства, въ частности, и британскаго правительства того времени, вообще; слѣдовательно, и способы уничтожить сказанное неустройство и уменьшить непроизводительную трату народныхъ денегъ на главный и существеннѣйшій расходъ этого вѣдомства — постройку и починку судовъ, также должно искать тамъ же, гдѣ лежитъ его корень, т. е. въ соблюденіи того же безусловно важнаго правила всякой раціонально совершаемой финансовой реформы, которое Ливерпульская ассоціація имѣла уже случай примѣнить къ специальнымъ военнымъ расходамъ: „серьезное улучшеніе государственныхъ финансовъ не можетъ происходить безъ соотвѣтствующаго улучшенія цѣлаго государственнаго механизма, и чѣмъ болѣе финансы плачевны и разстроены, тѣмъ въ бòльшей степени требуется реформа государственной администраціи“. Другими словами, чтобы сокращеніе государственныхъ расходовъ въ какой-либо отрасли управленія привело къ мало-мальски важнымъ и прочнымъ результатамъ, а не поверхностнымъ и быстро преходящимъ, оно должно непремѣнно идти рука объ руку и опираться на одинаково важныя административныя реформы. Въ чемъ должны заключаться эти реформы и какъ должны совершаться — этому вопросу, какъ мы знаемъ, ливерпульское общество посвятило цѣлыхъ два трактата, въ которыхъ указываетъ и разъясняетъ необходимыя перемѣны въ цензѣ представительства и избирательныхъ правахъ, организаціи министерствъ

и всей администраціи, преобразованіи палаты общинъ, учрежденіи финансоваго комитета, измѣненіи порядка выборовъ и т. д. Вообще, весь этотъ обширный планъ административно-политическихъ преобразованій сводится къ ограниченію произвола и случайности въ назначеніи и смѣщеніи должностныхъ лицъ, ограниченію протекціи и всякихъ фамильныхъ и иного рода вліяній въ этомъ отношеніи, а главное, къ уменьшенію слишкомъ обширнаго значенія и власти въ управленіи страной аристократическаго класса и, наоборотъ — расширенію въ парламентѣ представительства со стороны средняго и рабочаго класса [1].

Но изо всѣхъ этихъ реформъ общаго характера нѣкоторыя имѣютъ собственно для морского вѣдомства особенно важное значеніе, и отъ правильной постановки ихъ въ значительной степени также зависитъ производительность расходовъ этой отрасли управленія и установленіе духа бережливости и экономіи, которыя были до сихъ поръ ей мало знакомы. Ливерпульская ассоціація не считаетъ возможнымъ входить въ подробное изложеніе сущности этихъ мѣръ и ограничивается общими указаніями, которыя, такъ сказать, лишь намѣчаютъ планъ этихъ необходимыхъ преобразованій и знакомятъ съ нѣкоторыми спеціальными недостатками организаціи британскаго морского вѣдомства.

Первое и важнѣйшее условіе существованія всякой благоустроенной системы государственныхъ финансовъ заключается въ полнѣйшей гласности и отчетности расходовъ каждаго фартинга казенныхъ денегъ. Государственные люди не должны забывать, что огромное большинство доходовъ казны собирается въ формѣ налоговъ, т. е. принудительнымъ образомъ и безъ вознагражденія подданнаго какимъ-нибудь личнымъ эквивалентомъ. Расходъ каждаго фартинга казенныхъ денегъ, поэтому, имѣетъ особое, чуть ли не священное значеніе и долженъ совершаться съ соблюденіемъ величайшей бережливости, осторожности и гласности. Если каждый благоразумный человѣкъ считаетъ долгомъ относиться бережливо къ своимъ собственнымъ

[1] См. Financial Reform Tracts. 2-d Series. Administrative Reform. What is wanted: how are we to get it? №№ X и XI.

деньгамъ и отдавать самому себѣ подробный и точный отчетъ въ своихъ расходахъ, то тѣмъ болѣе, конечно, исполнительная власть государства должна относиться съ строжайшей экономіей къ чужимъ деньгамъ и отдавать въ этихъ деньгахъ подробный отчетъ народу, который эти деньги лишь ввѣрилъ ея распоряженію. Такимъ образомъ, по мысли ливерпульскаго общества, власть должна производить расходы такъ, чтобы не только представители народа, но и всякій частный человѣкъ имѣлъ возможность прослѣдить и провѣрить, куда и какимъ путемъ ушелъ изъ рукъ правительства каждый фартингъ денегъ, ежегодно ассигнуемыхъ народомъ на нужды государства. Лишь при такомъ устройствѣ финансовой отчетности можно ожидать со стороны всѣхъ подданныхъ охотной и правильной уплаты налоговъ, безъ всякихъ утаекъ и желанія обмануть казну, уплативши сборщику податей меньшую сумму, нежели какая слѣдуетъ. Хотя въ смыслѣ гласности и отчетности, финансовое управленіе Великобританіи стоитъ выше другихъ государствъ Европы, но, тѣмъ не менѣе, ливерпульское общество находитъ ихъ недостаточными и ссылается, для примѣра, на отчеты адмиралтейства. Какъ мы видѣли выше изъ приведеннаго очерка, отчеты эти есть основаніе заподозрѣть не только въ неточности, но прямо даже въ недобросовѣстности, что и подтверждалось показаніями компетентныхъ лицъ на допросахъ парламентскихъ коммиссій. Какъ оказалось изъ нихъ, чтобы скрыть неудовлетворительную постройку судовъ, „передѣлки“ ихъ (alterations) очень нерѣдко въ отчетахъ замѣнялись болѣе мягкимъ и менѣе шокирующимъ словомъ „починки“ (repairs). До тѣхъ поръ, пока будутъ возможны такія продѣлки адмиралтейскихъ бухгалтеровъ, очевидно, Англія не можетъ считать состояніе финансовыхъ счетовъ своего правительства въ истинномъ смыслѣ гласными: вмѣсто фактической, здѣсь гласность будетъ фиктивной. Итакъ, вотъ первая сторона организаціи морского вѣдомства, которая настоятельно требуетъ измѣненія: улучшеніе отчетности и большой надзоръ за ней составляютъ важный вопросъ, на который Ливерпульская ассоціація рекомендуетъ представителямъ народа обратить свое вниманіе. Средствами для этого должны служить, между прочимъ, во-первыхъ, нѣкоторое

измѣненіе состава высшаго управленія морского вѣдомства: лорды адмиралтейства нерѣдко весьма хорошіе моряки, но очень часто весьма плохіе хозяева и бухгалтеры; во-вторыхъ — учрежденіе финансоваго комитета, съ характеромъ котораго мы нѣсколько ознакомились въ прошлой статьѣ; на обязанности его долженъ лежать высшій контроль отчетовъ всѣхъ управленій и составленіе, въ свою очередь, общаго отчета какъ для парламента, такъ и для народа, для всеобщей гласности. Этими двумя способами ливерпульское общество надѣется улучшить отчетность, усилить контроль и, вообще, устранить въ будущемъ возможность фальсификаціи отчетовъ, образцы которой обнаружены въ морскомъ вѣдомствѣ.

Второй важный недостатокъ, замѣчаемый въ этомъ послѣднемъ вѣдомствѣ, заключается въ отсутствіи опредѣленной и серьезно выработанной системы во всей дѣятельности британскаго адмиралтейства. Какъ мы это видѣли изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ матеріаловъ парламентскихъ коммиссій, всѣ свѣдущіе люди единогласно показывали, что при постройкѣ судовъ недостаетъ разумной системы, что она представляетъ собой лишь „рядъ всевозможныхъ экспериментовъ или опытовъ, не основанныхъ на опредѣленныхъ принципахъ", что послѣдніе успѣхи науки кораблестроенія мало принимаются во вниманіе и еще рѣже прилагаются къ дѣлу, и т. д. Понятно, что, пока такой порядокъ удержится, ожидать отъ адмиралтейства болѣе бережливаго отношенія къ народнымъ деньгамъ и лучшей постройки судовъ — совершенно невозможно. Лишь когда выполнится планъ административныхъ и политическихъ реформъ, предполагаемый ливерпульскимъ обществомъ, лишь когда ослабѣетъ вліяніе аристократіи въ правительствѣ, а съ нимъ и потеряетъ значеніе протекція и темныя лазейки къ полученію выгодныхъ мѣстечекъ, — лишь тогда можно ожидать вполнѣ хорошаго состава адмиралтейства и назначенія въ казенную службу знающихъ и опытныхъ строителей, дѣйствующихъ въ своихъ занятіяхъ по опредѣленному и выработанному плану. Ливерпульское общество, какъ мы знаемъ, предлагаетъ всякое поступленіе на службу непремѣнно совершать лишь послѣ основательнаго испытанія — обладаетъ ли лицо всѣми тѣми зна-

ніями и качествами, которыя требуются для исполненія обязанностей службы. Каждое повышеніе точно такъ же совершается лишь послѣ выслуги извѣстнаго числа лѣтъ и новаго, еще болѣе обширнаго и серьезнаго, экзамена, какъ уже и принято въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ. При такой градаціи испытаній, улучшенномъ составѣ адмиралтейства и болѣе строгомъ контролѣ можно надѣяться, что присутствіе тамъ такихъ строителей, какъ сэръ Симондсъ, сдѣлается невозможнымъ, и, въ свою очередь, постройка судовъ военнаго флота будетъ совершаться по строго обдуманной системѣ, не навлекая „опытами“ лишней тягости на шею плательщиковъ налоговъ. Что касается типа и характера построекъ, то онѣ должны производиться лишь по испытаннымъ и испробованнымъ практикой образцамъ. Опыты нововведеній въ этомъ дѣлѣ, дорого стоющіе, или слѣдуетъ предоставить предварительно частной иниціативѣ, или же опредѣлить на нихъ небольшую спеціальную ежегодную сумму, съ непремѣннымъ условіемъ ею ограничиваться. Деньги достаются народу слишкомъ тяжелымъ трудомъ, чтобы относиться къ нимъ легкомысленно, по примѣру адмиралтейства, истрачивая милліоны на одни безполезныя пробы и эксперименты!..

Третій недостатокъ адмиралтейства, который также выяснился, благодаря парламентскимъ слѣдственнымъ коммиссіямъ и агитаціи ливерпульскаго общества, не представляетъ собой, строго говоря, спеціальнаго недостатка морского вѣдомства и свойственъ болѣе или менѣе всякому казенному хозяйству. Онъ заключается въ централизаціи всѣхъ хозяйственныхъ распоряженій, формалистикѣ и волокитѣ по инстанціямъ, которая задерживаетъ, напримѣръ, на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ развитіе различныхъ мелкихъ техническихъ усовершенствованій и приспособленій и тѣмъ понижаетъ общій техническій уровень такихъ учрежденій. М-ръ Гордонъ, опытный инженеръ, много лѣтъ прослужившій на казенныхъ и частныхъ докахъ и построившій не одинъ десятокъ судовъ, сдѣлалъ по этому поводу такое важное показаніе передъ коммиссіей: „Хозяинъ или техникъ на фабрикѣ или въ мастерской отнюдь не является всегда изобрѣтателемъ или усовершенствователемъ разныхъ техническихъ пріемовъ и улучшеній, сберегающихъ время или

расходы, или возвышающихъ достоинство производства. Напротивъ, большая часть такихъ улучшенiй, въ отдѣльности, быть можетъ, мелкихъ, но въ сложности сберегающихъ много денегъ, внушается и исполняется въ частныхъ заведенiяхъ, по мысли простыхъ мастеровъ, мелкихъ руководителей рабочихъ (foreman) и, наконецъ, обыкновенныхъ рабочихъ. Рабочiй заявляетъ директору фабрики или прямо самому хозяину о возможности сдѣлать въ процессѣ этого производства такое-то выгодное приспособленiе; предложенiе испытывается, и затѣмъ, если оказывается практическимъ, немедленно примѣняется къ дѣлу. Не то происходитъ на казенныхъ докахъ: здѣсь длинная процедура переговоровъ устраняетъ всѣхъ ловкихъ изобрѣтательныхъ рабочихъ, и этимъ объясняется медленный прогрессъ техническаго знанiя въ мастерскихъ казенныхъ доковъ. Положимъ, въ самомъ дѣлѣ, что рабочiй, напримѣръ, въ Вульвичѣ на казенныхъ докахъ выдумалъ какое-нибудь улучшенiе: онъ сообщаетъ о немъ своему надсмотрщику, тотъ — ближайшему начальнику и главѣ всего учрежденiя въ Вульвичѣ. Этотъ послѣднiй ничего не можетъ предпринять самостоятельно и обязанъ донести коммодору-суперинтенданту, который препровождаетъ донесенiе далѣе въ Сомерсетъ-Гаузъ; оттуда оно пересылается въ Чарингъ-Кроссъ, въ адмиралтейство, чтобы лежать на столѣ и дожидаться своей очереди быть разсмотрѣннымъ лордами адмиралтейства. Эти послѣднiе могутъ не понять зачастую весьма мелкаго, но въ экономическомъ отношенiи важнаго прiема, отсюда — новые запросы черезъ всѣ инстанцiи или крайне неудачныя рѣшенiя. Но вотъ лорды дали отвѣтъ; онъ идетъ опять въ Сомерсетъ-Гаузъ, оттуда — къ суперинтенданту и т. д. по всей административной лѣстницѣ, и при этомъ, какъ показываетъ опытъ, отвѣтъ можетъ дорòгой даже затеряться. Эта длинная, утомительная процедура въ состоянiи, конечно, подрѣзать въ корнѣ самое лучшее усовершенствованiе и, во всякомъ случаѣ, отобьетъ охоту у изобрѣтателей дѣлать въ другой разъ предложенiе своихъ усовершенствованiй въ казенныхъ учрежденiяхъ[1]. Ливерпульское

[1] Financial Reform Tracts", № 10, № 13 и отдѣльныя части трактатовъ о военномъ вѣдомствѣ.

общество указываетъ на весь матеріальный вредъ отъ этой канцелярской волокиты и требуетъ настойчиво (въ двухъ трактатахъ) ея уничтоженія; средство для этого незамысловато и легко выполнимо: слѣдуетъ усилить лишь въ вопросѣ техническихъ улучшеній власть начальниковъ отдѣльныхъ казенныхъ учрежденій, въ родѣ доковъ; при улучшенномъ контролѣ и болѣе строгомъ выборѣ лицъ, эта мѣра не можетъ быть опасной. Затѣмъ, минуя всѣ остальныя инстанціи, эти начальники должны входить во всѣ нужныя объясненія прямо съ лордами адмиралтейства.

Мы изложили до сихъ поръ сущность воззрѣній ливерпульскаго общества на положеніе хозяйственной части морского вѣдомства и тѣ указанія на всѣ его недостатки въ этомъ отношеніи и частью способы, съ помощью которыхъ ихъ возможно устранить. Что касается до средствъ сокращенія государственныхъ расходовъ на самый составъ флота, преимущественно на офицеровъ и чиновниковъ, то они опредѣляются тѣми же самыми недостатками, о которыхъ мы говорили, спеціально излагая критику военныхъ расходовъ со стороны ливерпульскаго общества. Легкое отношеніе къ народнымъ деньгамъ создало въ морскомъ вѣдомствѣ, такъ же, какъ и въ военномъ, болѣе многочисленную администрацію, нежели та, которая требуется для исполненія дѣла, большое количество синекуръ или должностей безъ дѣла и, какъ непремѣнное послѣдствіе ихъ существованія, плюрализмъ или соединеніе нѣсколькихъ мѣстъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Какъ заявилъ м-ръ Вилльямсъ въ своемъ протестѣ въ палатѣ общинъ (11-го февраля 1856 г.), въ спискахъ флота, напримѣръ, числилось 314 адмираловъ, или чуть ли не по одному адміралу на каждое судно, находящееся въ плаваніи, хотя изъ нихъ единовременно было занято не болѣе восемнадцати человѣкъ. Очевидно, значительная часть адмираловъ оставалась безъ настоящаго дѣла и обременяла лишь бюджетъ издержками содержанія; ливерпульское общество, слѣдуя за протестомъ Вилльямса въ парламентѣ, требовало уменьшенія числа чиновъ высшаго ранга въ составѣ флота въ интересахъ сбереженія денегъ казначейства. Еще бо́льшую экономію можно сдѣлать, по его мнѣнію, тщательной

ревизіей и сокращеніемъ числа должностей на тѣхъ же самыхъ докахъ, навлекавшихъ и безъ того громадныя непроизводительныя траты своей неумѣлой постройкой судовъ. Составъ служащихъ и работающихъ на докахъ прежде всего поражалъ многочисленностью и безполезной спеціализаціей разнаго рода старшихъ рабочихъ, мастеровъ-надсмотрщиковъ (master-superintendant), хотя нерѣдко число надсматриваемыхъ было такъ ничтожно, что они и не нуждались въ особомъ для того надзирателѣ. Такіе мастера-надсмотрщики существовали для каждой малѣйшей отрасли дѣла: „мастеръ кузнечнаго дѣла", „мастеръ кирпичнаго дѣла", „мастеръ паруснаго дѣла" и т. д. Всѣ они получали двойную и тройную противъ обыкновенныхъ рабочихъ плату (250 ф. ст. въ годъ) и нерѣдко имѣли подъ своимъ надзоромъ всего три-четыре человѣка рабочихъ. Еще бо̀льшія суммы казенныхъ денегъ пропадали, благодаря чрезмѣрно обширному количеству на докахъ всякаго рода чиновниковъ. Это можно уже видѣть изъ крайней непропорціональности при сравненіи общей суммы жалованья чиновниковъ съ суммами заработной платы рабочихъ на тѣхъ же докахъ. Изъ общаго расхода на эти двѣ статьи на докахъ Чатама, напримѣръ, одна пятая шла на уплату жалованья и лишь четыре пятыхъ — на заработную плату; на докахъ Дептфорда даже цѣлая четверть (9,929 ф. ст. изъ 38,796) всего расхода поглощалась жалованьемъ чиновниковъ. Ничего подобнаго на частныхъ докахъ не замѣчается: надзоръ и контроль, гораздо болѣе дѣятельный, обходится въ нѣсколько разъ дешевле; жалованья въ общей сложности расходуется гораздо меньше, а заработной платы больше, и въ результатѣ получается лучшая работа за болѣе дешевую цѣну.

Итакъ, вотъ еще, слѣдовательно, сторона морского управленія, которая требуетъ реформированія и можетъ способствовать значительному сокращенію государственныхъ расходовъ: уменьшить численность администраціи, запретить закономъ соединеніе нѣсколькихъ мѣстъ въ одномъ лицѣ (плюрализмъ), уничтожить должности, имѣющія значеніе синекуръ, нѣкоторые штаты совсѣмъ сократить, другіе лишь ограничить содер-

жаніемъ, и въ результатѣ государство и на этихъ реформахъ морского вѣдомства выиграетъ, безъ ущерба дѣлу, не одну сотню тысячъ фунтовъ.

Изложенной оцѣнкой различныхъ сторонъ морского вѣдомства, указаніемъ ихъ недостатковъ и нѣкоторыми общими замѣчаніями о способахъ ихъ устраненія почти исчерпывается критическая дѣятельность ливерпульскаго общества относительно этой важной отрасли управленія. Во всѣхъ своихъ изданіяхъ, равно, какъ и на публичныхъ митингахъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ одинаково настойчиво, энергично и смѣло стремится къ поставленной ею цѣли— „употреблять всѣ законныя и конституціонныя средства, дабы создать самую строгую экономію въ расходахъ правительства“. Джонъ Россель замѣнялся во главѣ правительства лордомъ Дерби, этотъ—Абердиномъ, Дизраели—Гладстономъ, и т. д., и во все время, при всѣхъ перемѣнахъ политическихъ партій, ливерпульское общество безразлично и безпристрастно преслѣдовало свою цѣль, изобличая одинаково малѣйшіе финансовые промахи каждаго изъ быстро смѣнявшихся правительствъ, бичуя постоянныя и случайныя злоупотребленія политическихъ партій и отдѣльныхъ лицъ, и не стѣсняясь для того ни рангомъ, ни положеніемъ, ни политическимъ вліяніемъ лица, которое почему-либо являлось прикосновеннымъ къ непроизводительной тратѣ народныхъ денегъ. Всегда и повсюду людей и вещи ливерпульское общество называло ихъ именами, и стойко выдерживало борьбу съ немалымъ количествомъ противниковъ изъ лицъ, интересы которыхъ прямо или косвенно страдали вслѣдствіе его нападокъ и изобличеній. Такая настойчивая агитація не могла, разумѣется, пройти безслѣдно: въ 1866 году была назначена правительственная комиссія съ весьма широкими полномочіями для изслѣдованія управленія и контроля на казенныхъ докахъ; въ большомъ и обстоятельномъ донесеніи парламенту черезъ нѣкоторое время эта комиссія представила изложеніе порядковъ адмиралтейства и способовъ его измѣненія почти въ томъ самомъ видѣ и формахъ, какъ съ этимъ мы познакомились изъ матеріаловъ бывшихъ комиссій и трактатовъ Ливерпульской ассоціаціи. Общій вы-

водъ выразился въ тѣхъ же самыхъ словахъ: „контроль и управленіе доками весьма несовершенны, и настоятельно необходимы улучшенія, которыя бы могли гарантировать существованіе болѣе зрѣлой и бережливой администраціи учрежденія“. Въ слѣдующемъ году былъ назначенъ комитетъ, избранный изъ членовъ парламента по тому же вопросу; въ 1868 году — „постоянный комитетъ палаты общинъ“ для провѣрки отчетовъ и т. д. Вообще, разъ поднятый вопросъ, поддерживаемый агитаціей ливерпульскаго общества, уже не сходитъ болѣе со сцены: подъ этимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, указанные недостатки и злоупотребленія обратили, наконецъ, на себя серьезное вниманіе какъ правительства, такъ и народа. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и страна постепенно пришла къ цѣлому ряду важныхъ измѣненій и улучшеній во всей существующей системѣ морского вѣдомства и въ частности казенныхъ доковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лишь участію общественной самодѣятельности (однимъ изъ выраженій которой является Ливерпульская ассоціація) Англія обязана въ настоящемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, довольно быстро и удовлетворительно разрѣшенной реформой одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственной дѣятельности.

Расходы британскаго казначейства въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка на флотъ можно было класть среднимъ числомъ въ 10 милліоновъ фун. стерл., такъ какъ излишній расходъ (по 11 милл. фун. стерлинг.) обусловливался приготовленіемъ къ войнѣ и передвиженіемъ войскъ, что въ англійскомъ бюджетѣ заносится на счетъ морского вѣдомства. Такимъ образомъ, Великобританія расходовала тогда на свой флотъ менѣе, чѣмъ въ 1804 году (канунъ Трафальгарской битвы и 12 милл. расходовъ) на два милліона и менѣе, нежели въ 1815 году (16 милл.) — на цѣлыхъ шесть милліоновъ; но если даже выбросить изъ сравненія эти исключительно военные года, то расходы на англійскій флотъ въ 70 годахъ не превышаютъ двойного расхода на тотъ же предметъ въ началѣ XIX вѣка. Принимая во вниманіе страшную дороговизну построекъ настоящихъ броненосныхъ судовъ, сравнительно съ временами существованія паруснаго деревяннаго флота, а также конкурренцію,

которую Англіи приходится теперь одолѣвать въ поддержаніи силъ и размѣровъ флота, дабы сохранить свой старый престижъ „владычицы морей“ — принимая все это во вниманіе, такую прогрессію возростанія морскихъ расходовъ нельзя не признать довольно умѣренной и самый расходъ, сообразно съ качествомъ и количествомъ флота — весьма не великимъ.

Утверждать, что Великобританія имѣетъ теперь самый могущественный и наилучше организованный флотъ въ мірѣ — значитъ повторять старую истину, всѣмъ извѣстную. Но мало того: едва ли не существуетъ основаніе идти дальше и утверждать, что англичане имѣютъ уже давно, сравнительно со всѣми морскими державами, не только самый сильный, но сравнительно и самый дешевый флотъ. Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ Бриджъ сообщалъ въ журналѣ „Time“ въ 1879 году слѣдующія статистическія выкладки, основанныя на общеизвѣстныхъ, большею частью оффиціальныхъ данныхъ о стоимости и силахъ флотовъ важнѣйшихъ морскихъ государствъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ Америки. Онъ взялъ для сравненія слѣдующія государства: Францію, Германію, Австрію, Италію, Россію и Соединенные Штаты и приводитъ цифры ихъ морскихъ расходовъ въ переводѣ на англійскую денежную единицу; сумма расходовъ во всѣхъ шести государствахъ на этотъ предметъ въ то время составляла 20.414,000 фун. стерл. противъ 11 милліоновъ въ Англіи за предыдущій годъ или 10 милліоновъ, которые можно считать ея среднимъ нормальнымъ расходомъ на морское министерство. Далѣе, г. Бриджъ вычисляетъ морскія силы всѣхъ приводимыхъ государствъ, которыя оплачиваются означенными расходами. Въ виду важныхъ успѣховъ въ кораблестроеніи за послѣднее время, деревянныя панцырныя суда уже не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ военно-морского дѣла и не должны потому идти въ счетъ. Одинаково, не считаются суда: спеціально предназначенныя для береговой защиты и суда мелкихъ размѣровъ. Дѣйствительную силу военнаго флота настоящаго времени составляютъ лишь броненосцы, выстроенные изъ цѣльнаго желѣза или стали по послѣднимъ образцамъ и преимущественно доказавшіе свое достоинство

далекими морскими плаваніями, и только отъ большого или меньшаго количества такихъ судовъ зависитъ военное значеніе державы на морѣ. Такихъ судовъ, вполнѣ современныхъ по своей морской и боевой годности, по разсчету капитана Бриджа, Франція частью уже имѣла, частью приготовляла тогда восемь; Германія, тогда только-что выступившая на морѣ, уже приготовила по новѣйшимъ образцамъ двѣнадцать броненосцевъ; Австрія—шесть, Италія имѣла ихъ восемь, Россія — четыре, а Соединенные Штаты не имѣли еще ни одного судна - броненосца, которое, согласно современнымъ сребованіямъ, могло бы оказаться годнымъ въ Европѣ. Всего, тлѣдовательно, морская сила шести державъ опредѣлялась тридцатью-восемью броненосцами при общей сложности морскихъ расходовъ въ двадцать милл. фунт. стерл. Между тѣмъ, Великобританія затрачивала на свой военный флотъ десять милл. и имѣла сорокъ броненосцевъ, построенныхъ изъ желѣза и стали по послѣднимъ образцамъ, исключая всѣ такія суда, которыя не подходятъ къ мѣркѣ достоинства, выставленной Бриджемъ. (Однихъ броненосцевъ при этомъ исключается восемнадцать штукъ).

Итакъ, слѣдовательно, затрачивая 10 мил. противъ 20 мил., Великобританія владѣла броненоснымъ флотомъ, не только равнаго съ шестью державами достоинства, но даже высшаго въ количественномъ отношеніи, предполагая въ то же время равнымъ — качественное; говоря иначе, благодаря главнымъ образомъ благоразумному и бережливому расходованію казенныхъ денегъ, Великобританія (а за ней Германія) имѣетъ сравнительно самый дешевый флотъ въ матеріальномъ (material) отношеніи. Но если даже взять личный составъ флота (personnel), то, несмотря на всѣ невыгодныя для него условія, какъ-то: отсутствіе воинской повинности и пополненіе флота одной лишь вербовкой, исключеніе изъ списковъ моряковъ всѣхъ нестроевыхъ частей, чего не дѣлается во многихъ другихъ флотахъ, тѣмъ не менѣе, и тутъ, при сравненіи, окажется, что Англія сумѣла, при общемъ расходѣ въ 10 мил., составить военный флотъ изъ 60 тысячъ моряковъ, а шесть помянутыхъ державъ, при расходахъ въ 20 мил., имѣли ихъ

лишь 111 тысячъ, т. е., пропорціонально на девять тысячъ меньше. Вообще, положеніе британскаго флота уже давно настолько высоко и удовлетворительно почти во всѣхъ отношеніяхъ, что оно можетъ служить наилучшимъ образцомъ для каждаго государства, желающаго поднять значеніе и развитіе своего флота. „Англія, — объявлялъ въ сессіи французскаго національнаго собранія Ями (Lamy), президентъ комитета для изслѣдованія морскихъ расходовъ: — Англія не только владѣетъ теперь самымъ могущественнымъ флотомъ, но содержитъ самымъ бережливымъ образомъ свои морскія учрежденія, имѣетъ самую простую систему отчетовъ и наилучше содержимыхъ и наиболѣе довольныхъ моряковъ въ цѣломъ свѣтѣ“ [1].

Таковы плоды, въ періодъ какихъ-нибудь тридцати лѣтъ, широкаго совмѣстнаго участія частной инициативы, общественной самодѣятельности, и свободной прессы въ контролированіи государственныхъ расходовъ и въ рѣзкой, правдивой критикѣ всѣхъ золъ и недостатковъ общественнаго и государственнаго устройства.

---

[1] The Cost of the Navy by Captain Cyprian Bridge. R. N въ Time, a Monthly Magazine, for July 1879.

Глава V.

Критика расходовъ на министерство колоній.

Раздѣленіе колоній и колоніальныхъ расходовъ. — Критика управленія и желаемыя преобразованія. — Вліяніе самоуправленія на сокращеніе собственныхъ колоніальныхъ расходовъ. — Неудовлетворительность коронной администраціи прежняго времени и настоящее цвѣтущее состояніе колоній.

Весьма важнымъ видомъ государственныхъ расходовъ Англіи, если не въ финансовомъ, то въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ являются — расходы на колоніи. Этому вопросу ливерпульское общество посвящаетъ цѣлыхъ два трактата (№№ 11 и 12 первой серіи), составляющіе ничто иное, какъ парламентскую рѣчь члена общества сэра Уилльяма Мольсуорта, произнесенную въ палатѣ общинъ 25 іюля 1848 года[1].

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ обширныя владѣнія Великобританіи въ разныхъ частяхъ свѣта дѣлятся въ административномъ отношеніи на два вида: колоніи, которыя состоятъ во владѣніи министерства колоній, и такія, которыя имѣютъ особое управленіе; къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ остъ-индскія владѣнія, управленіе которыхъ въ то время (до 1859 года) принадлежало знаменитой остъ-индской компаніи. Трактаты ливерпульскаго общества, содержаніе которыхъ мы теперь будемъ излагать, имѣютъ въ виду исключительно

[1] F. R. T. 1-st Series №№ 11 and 12. Speech of sir William Molesworth Bart. M. R. in the House of Commons on Tuesday 25-th July 1848 on Colonial Expenditure and Government.

колоніи перваго рода, т. е. состоящія подъ управленіемъ министерства колоній.

Колоніальныя владѣнія Великобританіи, не считая Индіи, занимаютъ собой (въ 1848 году) громадное пространство отъ четырехъ до пяти милліоновъ квадратныхъ миль (англійскихъ), т. е. пространство, равное цѣлой Европѣ, вмѣстѣ сложенной съ Остъ-Индіей, и на этомъ пространствѣ насчитывается до сорока различныхъ колоній (каждая съ особымъ мѣстнымъ управленіемъ), разбросанныхъ неравномѣрно по всѣмъ частямъ свѣта: въ Европѣ — четыре, въ Сѣверной Америкѣ — пять, въ Вестъ-Индіи — пятнадцать, въ Южной Америкѣ — три, въ Африкѣ — пять, въ Азіи — три и въ Австраліи — пять. Всѣ эти владѣнія, населенныя самыми разнообразными племенами, управляются частью на свой собственный счетъ, частью на счетъ британскаго казначейства. Весь колоніальный расходъ на управленіе въ то время равнялся 8 мил. ф. ст., изъ которыхъ именно одна половина покрывалась самими колоніями, другая относилась на счетъ Великобританіи. Ливерпульское общество или сэръ Мольсуортъ — что въ настоящемъ случаѣ тоже самое — начинаетъ свою критику расходовъ именно съ той доли, которая уплачивается метрополіей. Колоніальные расходы Великобританіи состоятъ изъ издержекъ, которыя распредѣляются на четыре разряда: расходы военные, морскіе, гражданскіе и расходы чрезвычайные; изъ нихъ главную роль, конечно, играютъ первые: изъ общей суммы расходовъ на колоніальное управленіе, 2.500,000 ф. ст. приходится на содержаніе войска и вообще на военныя цѣли; на долю морского вѣдомства весь расходъ нужно считать не менѣе 1.000,000 ф. ст., затѣмъ 300,000 приходится на гражданское вѣдомство и 200,000 — на чрезвычайные расходы. Послѣдніе впрочемъ, весьма часто, вслѣдствіе возмущеній, войнъ съ дикарями и т. п., въ дѣйствительности гораздо выше и, бо̀льшею частью покрываются изъ собственныхъ же средствъ Великобританіи. Чтобы оцѣнить эти издержки на колоніи и опредѣлить, велики онѣ или малы, необходимо для того имѣть мѣрку; такой мѣркой, по мнѣнію сэра Мольсуорта, могутъ служить двѣ важнѣйшія цѣли, ради которыхъ Англія и пріобрѣла колоніи. Во-

первыхъ, онѣ нужны для британской промышленности и торговли, какъ рынки для сбыта товаровъ; во-вторыхъ, колоніи имѣютъ крупное значеніе для отлива излишка англійскаго населенія, т. е. въ качествѣ свободныхъ земель, куда можетъ эмигрировать избытокъ рабочихъ силъ, преимущественно изъ сельскаго рабочаго класса. Этими двумя цѣлями собственно и должно бы опредѣляться при правильной постановкѣ вопроса достоинство каждой колоніи для метрополіи и, слѣдовательно, размѣръ самыхъ издержекъ, которыя на эту колонію можно признать нормальными.

Но, кромѣ того, Великобританія имѣетъ значительное количество колоній, къ которымъ эта мѣрка не приходится: это — такія владѣнія, которыя имѣютъ для нея значеніе почти исключительно военное и называются „военными станціями“ (military stations), и съ обзора издержекъ этихъ колоній и начинается именно критика колоніальныхъ расходовъ ливерпульскаго общества. Къ этой категоріи колоній принадлежать слѣдующія: Гельголандъ (теперь отданный Германіи), Гибралтаръ, Мальта, Іоническіе острова (теперь отданные Греціи), Бермудскіе острова, рядъ станцій на восточномъ берегу Африки, островъ Св. Елены, Мысъ Доброй Надежды, островъ Св. Маврикія, Гонъ-Конгъ, Лебуанъ и Фалкландскіе острова. „Что всѣ эти военныя станціи стоятъ государству, — спрашиваетъ сэръ Мольсуортъ: — и какую выгоду и употребленіе можетъ извлечь изъ нихъ Англія? Онѣ называются аванпостами Британской имперіи и, полагается, полезны во время войны въ цѣляхъ нападенія. Но мнѣ кажется, — отвѣчаетъ онъ далѣе: — что бо̀льшая часть изъ нихъ такъ удалена отъ центра имперіи, что во время войны всѣ могутъ скорѣе оказаться источниками слабости, а вовсе не силы, такъ какъ эти станціи могутъ принудить насъ, противно всѣмъ здравымъ принципамъ военнаго дѣла, разсѣять, вмѣсто того, чтобы сконцентрировать, наши силы. Поэтому, въ случаѣ серьезности борьбы, по всей вѣроятности, многія изъ этихъ станцій, какъ и всякіе аванпосты, будутъ покинуты...“, слѣдовательно, и всѣ военныя издержки на такія владѣнія окажутся брошенными задаромъ. На основаніи этого соображенія, Мольсуортъ предлагаетъ нѣкото-

рыя станціи, напримѣръ, на западномъ берегу Африки, и протекторатъ надъ Іоническими островами — совсѣмъ уничтожить, Фалкландскіе острова уступить Буэносъ-Айресу, который имѣетъ на нихъ законныя права: относительно же другихъ станцій, допуская возможность нѣкоторой отъ нихъ пользы, по крайней мѣрѣ ограничить число содержащихся на нихъ войскъ и прекратить возведеніе новыхъ укрѣпленій: черезъ это государство можетъ сократить свои колоніальные расходы на нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ безъ всякаго ущерба достоинству и военнымъ силамъ имперіи.

Но одна военная станція, Мысъ Доброй Надежды, равно имѣетъ значеніе какъ военное, такъ и экономическое, а потому трактатъ г. Мольсуорта останавливается надъ ней нѣсколько дольше. Великобританія ежегодно сбываетъ въ эту колонію товаровъ на 458,000 ф. ст., и вывозитъ изъ нея на 258,000 ф. ст.; но въ то же время британское казначейство затрачиваетъ на нее также не мало, а именно 294,000 ф. ст., или 50% той выгоды Великобританіи, которую она получаетъ отъ сбыта туда своихъ товаровъ, поглощается военными (по преимуществу) расходами на колонію. Но въ дѣйствительности, если бы счесть всѣ экстраординарные расходы, вызываемые въ этой колоніи частыми войнами съ кафрами, то расходы оказались бы еще значительнѣе и перевѣсили бы съ избыткомъ выгоду, получаемую отъ нея всей вывозной и ввозной торговлей. Въ самомъ дѣлѣ, одна послѣдняя война, — говоритъ Мольсуортъ, — обошлась уже 1.100,000 и еще, вѣроятно, придется метрополіи заплатить отъ 800,000 до 900,000 ф. ст., чтобы заключить военные счеты. При отдаленности этой колоніи, плохомъ контролѣ министерства колоній за губернаторами, войны съ дикарями и мелкіе набѣги, разоряющіе страну, повторяются безпрестанно и большею частью возникаютъ изъ-за пустяковъ, благодаря легкомыслію администраціи. Обыкновенная причина возбужденія военныхъ дѣйствій противъ кафровъ заключается въ кражѣ десятка головъ скота, принадлежащаго колонистамъ; колонисты отплачиваютъ кафрамъ, дѣло доходитъ до драки, проливается кровь, и вотъ колоніальное правительство вмѣшивается, и начинается война съ кафрами.

стоимость которой почти цѣликомъ падаетъ на британское казначейство. Какъ легкомысленно администрація въ лицѣ губернаторовъ относится къ этимъ столкновеніямъ, можно судить по войнамъ съ кафрами. Поводомъ къ одной изъ нихъ послужила кража однимъ кафромъ топора у колониста. Кафръ былъ арестованъ и посланъ въ тюрьму; дорогой его товарищи напали на конвой и освободили арестованнаго; съ обѣихъ сторонъ были убитые; колоніальныя власти потребовали отъ кафровъ удовлетворенія и не получили его, что и послужило поводомъ къ войнѣ. Другая дорого стоившая война точно также произошла изъ-за пустяковъ: опять вслѣдствіе кражи, но на этотъ разъ четырнадцати козъ, изъ которыхъ притомъ кафры возвратили по первому требованію двѣнадцать штукъ, отказываясь отъ двухъ. И вотъ, изъ-за этихъ двухъ украденныхъ козъ и топора, Британія вынесла на плечахъ плательщиковъ своихъ налоговъ двѣ войны, стоившія вмѣстѣ милліона два фунтовъ.

Такъ какъ отъ всѣхъ этихъ частыхъ войнъ, главнѣйшую ихъ сторону, матеріальную, уплачиваетъ Великобританія, то для того, чтобы въ будущемъ уменьшить ихъ возможность, необходимо эту тягость перемѣстить на самихъ колонистовъ: именно отозвать отъ границы всѣ войска и предоставить колонистамъ самимъ себя защищать и оплачивать стоимость этой защиты. Тогда колонисты будутъ имѣть болѣе сильный личный интересъ избѣгать начинанія войнъ съ кафрами и торопиться ихъ окончаніемъ. Въ награду же за это, колонисты должны получить представительныя учрежденія и, слѣдовательно, ограниченіе власти губернаторовъ и всецѣлый контроль надъ своими расходами. Черезъ это одинаково выиграютъ какъ Велибританія, такъ и Капская земля: „первая можетъ ограничиться содержаніемъ тамъ ничтожнаго гарнизона вмѣсто цѣлой арміи, какъ теперь, и уменьшить свои военные расходы на 200,000 ф. ст.; вторая — подъ благотворнымъ вліяніемъ свободныхъ учрежденій навѣрное процвѣтетъ, лучше устроитъ свои мѣстныя дѣла и будетъ привлекать болѣе переселенцевъ изъ Европы. Если бы, вмѣсто лишняго тамъ войска, Англія начала соотвѣтственный расходъ употреблять для этой послѣд-

ней цѣли, т. е. на пособіе своимъ переселенцамъ на Мысъ Доброй Надежды, то нѣтъ сомнѣнія, быстрое увеличеніе тамъ населенія весьма скоро положило бы конецъ всѣмъ этимъ вздорнымъ пограничнымъ столкновеніямъ и сдѣлало бы колонистовъ достаточно сильными, чтобы справляться съ кафрами самимъ, безъ помощи британскаго войска".

Но несравненно важнѣе для интересовъ Великобританіи, по общему мнѣнію, значеніе чисто-торговыхъ колоній, каковы: Сѣверная Америка, Вестъ-Индія и Австралія. Ихъ значеніе для метрополіи двоякое: во-первыхъ, онѣ служатъ рынкомъ для сбыта британскихъ товаровъ, и во-вторыхъ, служатъ для переселенія и отлива излишняго рабочаго населенія. Прежде, при существованіи старыхъ навигаціонныхъ законовъ, эти колоніи должны были не только всѣ товары покупать исключительно у англійскихъ купцовъ, но и продавать лишь имъ однимъ; старая система пала, и теперь онѣ могутъ свободно вести торговлю съ какимъ государствомъ имъ угодно. Въ смыслѣ торговомъ, въ настоящее время, британскія колоніи — почти совсѣмъ независимыя государства, исключая лишь то, что онѣ не могутъ запретить своимъ жителямъ покупать британскіе товары и продавать имъ свои. Но очевидно, что если бы эти колоніи даже и сдѣлались самостоятельными государствами, онѣ не стали бы запрещать своимъ подданнымъ продавать свои произведенія кому угодно, и въ томъ числѣ англичанамъ, и „слѣдовательно, — говоритъ Мольсуортъ, — если Великобританія удерживаетъ свои колоніи и извлекаетъ изъ ихъ подданства выгоду, то эта выгода заключается во власти, которую мы имѣемъ, препятствовать колоніямъ установлять враждебные таможенные тарифы противъ нашихъ продуктовъ и мануфактуръ". Весь интересъ Британіи въ своихъ колоніяхъ зависитъ, значитъ, отъ размѣровъ вывозной туда торговли, почему конечно и размѣры расходовъ британскаго казначейства опредѣляются степенью выгоды, отсюда получаемой. Выгода эта въ то время, т. е. цифра вывозной торговли въ Сѣверную Америку, Вестъ-Индію и австралійскія колоніи, составляла примѣрно 6.000,000 ф. ст., а обыкновенные государственные расходы Великобританіи на эти колоніи были за то же время

2.000,000, т. е. чтобы обезпечить покупателей своимъ торговцамъ на четыре мил. ф. ст., Англія тратитъ два мил. денегъ, собираемыхъ со всего народа. Такимъ образомъ, представляется странное зрѣлище: цѣлый народъ, масса котораго состоитъ изъ рабочаго класса, платитъ налоги, идущіе на удовлетвореніе торговыхъ интересовъ, и Англію поэтому — замѣчаетъ трактатъ, — можно по справедливости назвать страной, если не лавочниковъ, то управляемой подъ вліяніемъ лавочниковъ! Во всякомъ случаѣ, такой государственный расходъ не соразмѣренъ съ выгодой отъ колоній, получаемой ради обезпеченія безпрепятственной свободной торговли, и если Англія была бы принуждена постоянно нести тягость настоящихъ расходовъ на колоніи, то ей гораздо выгоднѣе совсѣмъ отказаться отъ нихъ; если же она желаетъ сохранить ихъ за собой, то главное условіе для того должно заключаться въ возможно большемъ сокращеніи расходовъ. „Какую цѣль, напримѣръ, — разсуждаетъ Мольсуортъ, — имѣетъ содержаніе 9,000 человѣкъ войска въ Сѣверной Америкѣ, что и поглощаетъ значительную часть всей расходуемой суммы? „Защищать эти владѣнія отъ Соединенныхъ Штатовъ“, — отвѣтятъ одни; „держать ихъ въ подчиненіи метрополіи“, — отвѣтятъ другіе. Но если колонисты привязаны къ своей метрополіи, то они сами себя сумѣютъ защитить въ первомъ случаѣ, и британское войско безполезно — во-второмъ; если же они не питаютъ къ намъ вѣрноподданническихъ чувствъ, то конечно, не только 9,000 человѣкъ, но и трижды такое количество войска недостаточно для того, чтобы удержать ихъ за собой. Гораздо болѣе вѣрное средство, это — дать имъ бо̀льшее самоуправленіе, предоставить имъ самимъ заниматься ихъ внутренними дѣлами и тѣмъ привязать ихъ къ метрополіи“ [1].

Тѣ же самыя соображенія приложимы къ вестъ-индскимъ и австралійскимъ колоніямъ: особенно велики военные расходы въ Вестъ-Индіи, которые и должны быть уменьшены на половину. Всего вмѣстѣ съ военными станціями, Мольсуортъ пред-

---

[1] Financial Reform Tracts, 1-st Series, №№ 11 and 12.

полагалъ возможнымъ сократить расходы британскаго казначейства въ 2.000,000 ф. ст.; главнымъ образомъ, это сокращеніе могло бы быть произведено съ помощью уменьшенія военной силы, содержимой въ колоніяхъ, на 22,000 человѣкъ, частью съ помощью сокращенія тамъ же расходовъ морскихъ и гражданской администраціи, и наконецъ, частью уменьшеніемъ экстраординарныхъ расходовъ, устранивши, черезъ дарованіе широкаго самоуправленія, такіе къ нимъ поводы, какъ мѣстныя возмущенія и войны.

Разсмотрѣвши расходы на колоніи, покрываемые изъ средствъ британскаго казначейства. Мольсуортъ переходитъ къ обозрѣнію расходовъ, покрываемыхъ самими колонистами, налогами на нихъ и источниками мѣстнаго происхожденія. Сюда принадлежатъ преимущественно расходы на гражданскую администрацію. По послѣднимъ даннымъ того времени, колоніи имѣли собственныхъ расходовъ 3.350,000 ф. ст. или, сообразно съ тогдашнимъ числомъ жителей, приходилось по 19 шил. 8 пенс. ежегодныхъ колоніальныхъ издержекъ на душу населенія. Этотъ размѣръ расходовъ, однако же, чрезвычайно разнообразился въ различныхъ колоніяхъ, смотря по формѣ мѣстнаго самоуправленія. Это обстоятельство составляетъ вездѣ, по мнѣнію Мольсуорта, крайне важное условіе правильной организаціи расходовъ, почему онъ и сосредоточиваетъ на его постановкѣ наибольшее участіе во всемъ трактатѣ. Доказательствомъ могутъ служить даже общія цифры расходовъ на колоніи, смотря по формѣ ихъ управленія: колоніи съ представительными учрежденіями въ 1846 году имѣли 2.580,000 душъ населенія, и ихъ расходы составляли 1.930,000 ф. ст., или по 14 шил. 11 пенсовъ на душу населенія. Съ другой стороны, населеніе колоній безъ представительнаго правленія составляло 820,000 душъ, и ихъ расходы — 1 ф. 14 шил. на душу, или почти вдвое больше, нежели въ колоніяхъ съ свободными учрежденіями и сравнительной независимостью отъ коронной администраціи. „Я убѣжденъ поэтому, — заключаетъ отсюда Мольсуортъ, — что высокіе размѣры расходовъ въ коронныхъ колоніяхъ преимущественно зависятъ отъ недостатка общественной самодѣятельности, отъ

отсутствія представительныхъ учрежденій, что и постараюсь доказать на примѣрѣ отдѣльныхъ колоній“ [1].

Наибольшимъ самоуправленіемъ изъ всѣхъ британскихъ колоній въ то время обладали колоніи Сѣверной Америки, и въ то же самое время онѣ отличались и самымъ низкимъ размѣромъ государственныхъ расходовъ, оплачивавшихся изъ собственнаго кармана колонистовъ. Со времени своего послѣдняго возстанія, Канада, главнѣйшая изъ этихъ колоній, составляетъ почти независимое государство и, обладая представительными учрежденіями, за немногими исключеніями, почти совершенно свободными отъ вмѣшательства британскаго министерства колоній, отличается наибольшей бережливостью. Издержки всѣхъ сѣверо-американскихъ колоній за 1845 годъ составляли 1.134,000 ф. с., и, по раскладкѣ, на душу приходилось не болѣе 13 шил. 4 пенс. на человѣка; причемъ колонія съ отвѣтственнымъ правительствомъ (т. е. Канада) расходовала менѣе на 1 шил. 7 пенс. съ души, нежели тѣ, которыя его не имѣли. Но и этотъ сравнительно малый размѣръ расходовъ, обязанный широкому самоуправленію, въ дѣйствительности выше настоящаго нормальнаго расхода, ибо въ общую графу

[1] По формѣ управленія англійскія колоніи въ настоящее время раздѣляются на три вида: 1) Коронныя колоніи (Crown colonies), въ которыхъ великобританское правительство сохраняетъ полный всецѣлый законодательный контроль, и почти все управленіе ведется коронными чиновниками. Такова, напримѣръ, Индія и бо́льшая часть военныхъ станцій. 2) Колоніи съ представительными учрежденіями (Represantative Institutions), которыя управляются палатами, состоящими изъ избранныхъ представителей народа, но въ которыхъ британское правительство удерживаетъ за собой назначеніе и контроль губернатора и части администраціи; напримѣръ, Бермудскіе острова. 3) Колоніи съ отвѣтственнымъ правительствомъ (Responsable Government) — высшая форма самоуправленія, точно также управленіе посредствомъ представительныхъ учрежденій, но британское правительство здѣсь болѣе уже не имѣетъ почти никакого контроля надъ администраціей. Таковы: Канада и многія австралійскія колоніи. Въ сороковыхъ годахъ, къ которымъ относится настоящій трактатъ ливерпульскаго общества, огромная часть британскихъ колоніи не имѣли самоуправленія и были коронными колоніями; сравнительно, небольшая лишь часть (которая здѣсь и будетъ указана) имѣла представительныя учрежденія въ ихъ второй формѣ, и Канада — отвѣтственное правительство. Съ тѣхъ поръ произошли по настоящее время крупныя перемѣны въ управленіи колоній и особенно Австраліи.

расходовъ вошелъ заемъ въ 500,000 ф. с., затраченный Канадой на постройку различныхъ общественныхъ зданій; если же его исключить изъ счета, то придется всего лишь 9 шил. колоніальнаго расхода на душу населенія. Таково благодѣтельное вліяніе представительныхъ учрежденій на развитіе духа бережливости и экономіи.

Еще болѣе поразительное подтвержденіе этого положенія можно видѣть на вестъ-индскихъ колоніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, Ямайка, Багамскіе острова и проч.) имѣли представительныя учрежденія; другія же — не имѣли ихъ и составляли коронныя земли (Тринидадъ, Св. Люція, Британская Гвіана), и вотъ какіе сравнительные результаты въ финансовомъ отношеніи двухъ категорій этихъ колоній, изъ которыхъ притомъ многія весьма сходны между собой по физическимъ и экономическимъ условіямъ. Во всѣхъ вестъ-индскихъ колоніяхъ, имѣвшихъ представительныя учрежденія, насчитывалось въ то время 700,000 жителей и расходы управленія составляли 450,000 ф. с. или 12 шил. 10 пенс. на душу. Теперь, если ихъ сравнить съ тѣми изъ вестъ-индскихъ колоній, которыя не имѣли палатъ и управлялись коронными чиновниками, то окажется, что въ послѣднихъ было 190,000 душъ населенія и 284,000 ф. с. расходу, т. е. приходилось по 1 ф. 9 шил. на душу, или отсутствіе свободныхъ учрежденій стоило этимъ колоніямъ болѣе, нежели двойного государственнаго расхода на удовлетвореніе ихъ потребностей. Почти тотъ же высокій размѣръ расходовъ (1 ф. 7 шил. на душу) встрѣчается и въ коронныхъ колоніяхъ на Мысѣ Доброй Надежды и на островѣ Св. Маврикія.

Если обратиться далѣе къ австралійскимъ колоніямъ, то и тамъ замѣтимъ повтореніе того же самаго явленія. Единственная въ то время колонія, которая имѣла представительное правленіе, былъ Новый Южный Уэльсъ. Оно было установлено тамъ лишь въ 1843 году и немедленно оказало вліяніе на уменьшеніе расходовъ. Въ 1841 году свободное населеніе Новаго Южнаго Уэльса не превышало 102,000 человѣкъ и обыкновенные расходы, исключая издержекъ на переселенцевъ, составляли 350,000 ф. с., или — чрезвычайно большой раз-

мѣръ — 3 ф. 4 ш. на душу. Въ 1843 году представительное собраніе сразу уменьшило издержки слѣдующаго года на 60,000 ф. с., а въ 1846 году, когда населеніе уже увеличилось на цѣлыхъ 70% (178,000), расходы равнялись всего 254,000 ф. с. или 1 ф. 8 шил. на душу, т. е. уменьшились при новомъ управленіи, сообразно съ населеніемъ, въ два съ половиною раза. Совсѣмъ не то окажется, если взять для сравненія австралійскую же колонію безъ самоуправленія: въ Вандименовой Землѣ, напримѣръ, на 37,000 душъ населенія приходилось расходу 161,000 ф. с. или 4 ф. 6. ш. на человѣка, т. е. втрое больше, чѣмъ въ сосѣднемъ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Другая коронная колонія — Южная Австралія — имѣла нѣкоторые года расходъ въ невѣроятномъ размѣрѣ 10 ф. стер. на душу и въ управленіе губернатора Гоулера (Gawler) совсѣмъ обанкротились, такъ что центральное правительство вынуждено было за нее платить долги. То же самое и относительно другой колоніи, не имѣвшей представительства — Восточной Австраліи: расходы перевѣшивали доходы, и ежегодно британскому казначейству приходилось приплачивать отъ семи до восьми тысячъ фунтовъ.

Итакъ, можно считать доказаннымъ фактъ, что широкое развитіе самоуправленія является лучшимъ средствомъ противъ чрезмѣрности расходовъ и расточительности управленія. Способъ къ сокращенію расходовъ, поэтому, долженъ лежать въ формѣ управленія т. е. чтобы достигнуть солиднаго и значительнаго сокращенія своихъ колоніальныхъ расходовъ, — говоритъ Мольсуортъ, — Великобританія должна расширить самоуправленіе колоній; этимъ она сразу достигнетъ двухъ цѣлей: подниметъ внутреннее благосостояніе этихъ колоній и уменьшитъ собственные расходы. Нѣтъ сомнѣнія при этомъ, что, чѣмъ шире будетъ это самоуправленіе, т. е. чѣмъ менѣе и незначительнѣе будетъ составъ коронной администраціи въ колоніяхъ, тѣмъ для британскаго казначейства выгоднѣе и расходы меньше. Дѣло въ томъ, что всѣ высшіе чиновники Великобританіи въ ея колоніяхъ оплачивались чрезвычайно высокими окладами жалованья, которые, между тѣмъ, приходилось уплачивать колонистамъ собственными средствами. Размѣры этихъ жалова-

ній напримѣръ, въ Канадѣ были несравненно выше, нежели въ сосѣднихъ Соединенныхъ Штатахъ: губернаторъ Канады получалъ 7,000 ф. с. жалованья, тогда какъ даже президентъ американской республики получалъ всего 5,000 ф. с. въ годъ, а губернаторы ни одинъ — выше 1,200 ф. с.; даже губернаторъ Нью-Іорка имѣлъ всего лишь 800 ф. с. жалованья, а многіе гораздо меньше. То же самое и относительно судей: въ Америкѣ судьи получали отъ 200 до 800 ф. с., въ Канадѣ отъ 1,000 до 1,500 ф. с. и т. д. Одинаково почти высоки были размѣры жалованья британскихъ чиновниковъ и въ другихъ колоніяхъ, что возбуждало часто открытое неудовольствіе и даже протесты со стороны колонистовъ, какъ это было въ Британской Гвіанѣ, гдѣ колонисты захотѣли сами уменьшить жалованье администраціи на 25%. Лучше всего это можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія: губернаторы тридцати штатовъ Американской Республики получали 14,000 ф. с. въ годъ, или среднимъ числомъ только 460 ф. с., тогда какъ въ восемнадцати лишь колоніяхъ Великобританіи на тотъ же предметъ издерживалось 72,000 ф. с. ежегодно, или 4,000 ф. с. среднимъ числомъ на каждаго изъ губернаторовъ, т. е. въ десять разъ соотвѣтственно болѣе, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ. По мнѣнію Мольсуорта, этотъ порядокъ долженъ измѣниться одновременно съ расширеніемъ колоніальнаго самоуправленія, что уже и теперь замѣтно на тѣхъ колоніяхъ, которыя получили представительное правленіе: вмѣстѣ съ этимъ, произошло и сокращеніе коронной администраціи, а ея мѣсто заняли новыя лица, избранныя самими колонистами и съ гораздо низшими окладами, чѣмъ прежде. „Вообще, — говоритъ онъ, — если мы настаиваемъ, чтобы колонисты уплачивали жалованье губернаторамъ или другимъ чиновникамъ, которые ими управляютъ, то несправедливо назначать ихъ самимъ: пусть колонисты выбираютъ губернаторовъ и другихъ чиновниковъ и уплачиваютъ въ размѣрѣ, который сочтутъ нужнымъ".

Вотъ тѣ главнѣйшія преобразованія, которыя Великобританія, согласно воззрѣніямъ ливерпульскаго общества, должна была произвести въ устройствѣ своихъ колоній, чтобы значительно сократить колоніальные расходы. Но преобразованіе

это было бы далеко не полно, если бы не устранило и тѣхъ частныхъ недостатковъ, которые имѣетъ вся организація британскаго министерства колоній. Первый изъ нихъ заключается въ частой перемѣнѣ лицъ, стоящихъ во главѣ колоніальнаго управленія — такъ называемыхъ государственныхъ секретарей для колоній (Secretaries of the State for the Colonies) или, выражаясь иначе, министровъ колоній. Каждая перемѣна политической партіи приноситъ съ собой и назначеніе новаго министра. Многіе изъ занимавшихъ этотъ постъ были люди весьма способные и достойные, но едва ли одна треть ихъ имѣла какое-либо знакомство съ колоніями прежде занятія этого высокаго поста. Не зная ни нуждъ колоній, ни ихъ потребностей и интересовъ, они естественно не могли завѣдывать дѣлами колоній по выработанному и однообразному плану и системѣ; напротивъ, каждый изъ нихъ поступалъ на свой образецъ, находился подъ какимъ-либо случайнымъ вліяніемъ и лишь заботился не отступать слишкомъ рѣзко отъ принятыхъ традицій колоніальной политики. Отсюда — гибельный духъ рутины и отсутствіе живого, сознательнаго отношенія къ запросамъ жизни и времени въ британскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ.

Еще неудовлетворительнѣе составъ коронной администраціи въ самыхъ колоніяхъ: протекція и кумовство имѣютъ тутъ обширное вліяніе при назначеніяхъ на должность; здѣсь не требуется часто ни спеціальныхъ свѣдѣній, ни предварительнаго знанія и опытности въ дѣлѣ, а соображенія, совершенно чуждыя интересамъ колонистовъ. Лица самыхъ разнообразныхъ профессій, не имѣющихъ часто ничего общаго съ ихъ новымъ занятіемъ, лица, которымъ почему-либо не повезло на родинѣ, пользуясь связями родства и знакомства, легко пристраиваются въ составъ колоніальной администраціи и своею дѣятельностью не рѣдко вызываютъ лишь недовольство со стороны колонистовъ. Таковы главные недостатки колоніальнаго управленія, которые требуютъ устраненія и обусловливаютъ необходимость для парламента болѣе тщательнаго и разносторонняго знакомства съ положеніемъ этой отрасли государственной администраціи. Въ свою очередь, эти недостатки доставляютъ лишній аргументъ въ пользу главнаго положенія, доказываемаго трак-

татомъ ливерпульскаго общества, т. е. необходимости и важности для Англіи расширенія колоніальнаго самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, двѣ цѣли обусловливаютъ господство Великобританіи надъ колоніями — свободный доступъ британскихъ товаровъ къ колоніальному рынку и такой же доступъ для переселенцевъ: этими лишь двумя цѣлями и должна, конечно, опредѣляться и ограничиваться вся будущая колоніальная политика страны. Во всемъ остальномъ, Англія не имѣетъ никакого интереса къ вмѣшательству, и потому колоніи слѣдуетъ предоставить самимъ себѣ, собственному управленію, и для этого даровать имъ представительныя учрежденія. Великое значеніе послѣднихъ заключается не въ томъ только, что они приведутъ быстро къ сокращенію государственныхъ расходовъ и улучшенію финансовъ, но оно гораздо шире и общѣе: какъ живительная сила солнца вызываетъ изъ земли новыя произрастанія, способствуетъ созданію новыхъ организмовъ, точно также свободныя государственныя учрежденія вызываютъ къ жизни свѣжія народныя силы, создаютъ новые интересы, болѣе благопріятныя условія для дѣятельности и въ результатѣ усиливаютъ и ускоряютъ экономическое и духовное процвѣтаніе страны и тѣмъ самымъ приносятъ прямую выгоду и цѣлому человѣчеству [1].

Если, въ заключеніе, мы обратимся къ настоящему положенію британскихъ колоній, то увидимъ, что съ тѣхъ поръ многія изъ выставленныхъ на видъ ливерпульскимъ обществомъ преобразованій успѣли уже осуществиться и принести съ собой ожидаемые плоды т. е. замѣчательное благоустройство и процвѣтаніе колоніи и уменьшеніе, вмѣстѣ съ ходомъ развитія мѣстнаго самоуправленія, великобританскихъ государственныхъ расходовъ. Въ настоящее время колоніальныя владѣнія Великобританіи, всѣ вмѣстѣ взятыя, составляютъ огромное пространство, равное одной седьмой поверхности цѣлаго земного шара и около одной четвертой части всего его населенія. Особеннымъ процвѣтаніемъ изо всѣхъ колоній отличаются

---

[1] Financial Reform Tracts. 1-st. Series, Colonial Expenditure and Government, стр. 28—32.

австралійскія, которыя уже давно почти всѣ имѣютъ т. н. отвѣтственное правительство, или высшую форму свободныхъ учрежденій, которыхъ такъ добивалось ливерпульское общество. Насколько его предположенія оправдались и это обстоятельство повліяло полезно на сокращеніе расходовъ, можно заключить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1873 году Великобританія затрачивала напр. на Новую Зеландію—всего лишь 1,226 фун. стерл., на Новый Южный Уэльсъ — лишь ничтожную сумму въ 248 фун. ст., на Квинслэндъ—ничего, т. е. ни копѣйки, на Южную Австралію (прежде дорого стоившую) — также ничего.

Богатство и населеніе старыхъ колоній съ отвѣтственнымъ правительствомъ растетъ съ чрезвычайной быстротой: въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, напр., въ теченіе сорока лѣтъ (1840—1880) населеніе увеличилось въ шесть разъ и, имѣя въ 70-хъ годахъ 618 тысячъ жителей, эта колонія вывозила и ввозила тѣмъ не менѣе товаровъ ежегодно на крупную сумму среднимъ числомъ въ восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; доходы колоніи постоянно при этомъ превышали расходы и оставляли ежегодно свободный излишекъ на уменьшеніе налоговъ и разныя общеполезныя цѣли. Наилучшимъ мѣриломъ благосостоянія можетъ служить образованіе жителей, и мы ограничимся однимъ указаніемъ въ этомъ случаѣ на другую австралійскую колонію Англіи — Викторію. При обязательномъ школьномъ обученіи въ ней находимъ по даннымъ за 1877 г. не считая университета и коллегій, т. е. среднеучебныхъ заведеній, 1320 государственныхъ и 565 частныхъ школъ съ общимъ числомъ учащихся 131,000 человѣкъ на 731 тысячу всѣхъ жителей колоніи, или одна школа приходилась на 393 жителя, а одинъ учащійся — на 5 человѣкъ [1]. Ничего подобнаго не представляли, какъ извѣстно, тогда самыя образованныя страны Стараго Свѣта, напр., въ Англіи одна школа приходилась на 2000 человѣкъ, а одинъ ученикъ на 14 душъ, даже въ ученой Германіи одна школа — на 688 человѣкъ, а

[1] Handbook to Victoria (Australia), A short Description of the Colony Melbourne. 1877, стр. 86.

одинъ учащійся на 7 жителей! Такимъ образомъ колоніи благодаря широкому самоуправленію быстро перегнали во многихъ отношеніяхъ свою метрополію, столько же въ своихъ выгодахъ, какъ и для блага всего свѣта.

Глава VI.

Критика расходовъ на министерство двора.

Исторія происхожденія англійскаго цивиль-листа.— Расходы двора королевы Викторіи: а) уплата по счетамъ поставщиковъ; б) расходы на личный составъ придворнаго вѣдомства; критика всего управленія по четыремъ его департаментамъ.

Ни одна отрасль государственныхъ расходовъ въ исторіи англійскаго бюджета, вѣроятно, не подвергалась столь различнымъ преобразованіямъ въ сравнительно короткій періодъ времени и не вела за собой такой оживленной парламентской борьбы, какъ цивильлистъ или расходы на содержаніе двора. До конца XVII вѣка цивиль-листъ не существовалъ въ современномъ смыслѣ этого слова: всѣ доходы правительства прямо поступали къ королю, который и былъ отвѣтственъ уже за всѣ издержки правительства, какого бы рода онѣ ни были, т. е. уплачивалъ безразлично всѣ расходы государства. Послѣ революціи 1688 г., произошла первая важная въ этомъ отношеніи перемѣна: тяжесть расходовъ морскихъ и военныхъ и уплата по государственному долгу были настолько уже велики, что для покрытія ихъ были назначены спеціальные источники, исключенные изъ непосредственнаго распоряженія королевской власти, съ которой была снята обязанность ихъ уплачивать. Окончательно это начало было установлено въ царствованіе Анны, при которой прошелъ законъ о цивиль-листѣ (Civil List Act), ограничившій расходъ денегъ, ассигнуемыхъ парламентомъ королевѣ, исключительно расходами на гражданское управленіе (Civil Government). Такимъ образомъ, въ прежнее время, понятіе цивиль-листъ было весьма широко и включало въ себя,

кромѣ расходовъ двора, всѣ государственные расходы, исключая военныхъ, морскихъ и уплаты процентовъ и погашенія по займамъ. Лишь съ ходомъ времени это понятіе начинаетъ болѣе суживаться и ограничиваться вмѣстѣ съ постепеннымъ исключеніемъ изъ цивиль-листа различныхъ расходовъ гражданскаго управленія и образованіемъ изъ нихъ самостоятельныхъ рубрикъ бюджета. Еще при Георгѣ IV (въ 1820 году) къ цивиль-листу относились всѣ расходы на министерство иностранныхъ дѣлъ и бо́льшая часть расходовъ на юстицію, и не ранѣе царствованія королевы Викторіи цивиль-листъ въ бюджетѣ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ понимается въ континентальной Европѣ, т. е. исключительно росписью расходовъ на содержаніе главы государства съ его семействомъ и придворнаго вѣдомства, вмѣстѣ съ издержками, зависящими непосредственно отъ воли монарха.

Первая наиболѣе извѣстная и рѣшительная попытка критической оцѣнки этихъ расходовъ англійскаго бюджета принадлежитъ знаменитому оратору XVIII вѣка Борку, который, въ своей парламентской рѣчи „объ экономической реформѣ" 11-го февраля 1780 года, выступилъ съ планомъ преобразованія, между прочимъ, расходовъ придворнаго вѣдомства, которые онъ называлъ „оплотомъ расточительности и дѣвственной крѣпостью, которую никто еще не бралъ приступомъ" [1]. Рѣчь эта замѣчательна болѣе съ внѣшней стороны", какъ образецъ блестящаго краснорѣчія, нежели по богатству своего содержанія: сущность ея, по отношенію къ разбираемому вопросу, заключается въ нападкахъ на остатки феодализма въ формѣ различныхъ герцогскихъ и графскихъ владѣній (Честеръ, Ланкастеръ, Корнваллисъ и пр.) съ особыми для каждаго придворными штатами и безполезными для нихъ расходами. Боркъ требовалъ уничтоженія какъ этихъ штатовъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ должностей. Въ то же самое время другой членъ парламента Доннингъ предложилъ заявить, что „во-первыхъ, вліяніе короны увеличилось, увеличивается и должно быть уменьшено, и во-вторыхъ, что парламентъ имѣетъ

[1] Edmund Burke's Works 1867 Vol II. Speech on the Economical Reform, стр. 60.

право изслѣдовать и исправить недостатки цивиль-листа, какъ и всякой отрасли общественнаго расхода“. Это мнѣніе было принято большинствомъ 113 голосовъ, но привело за собой лишь незначительное сбереженіе. При воцареніи Георга IV (1820 г.), опять былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ и ограниченіи расходовъ двора по мысли извѣстнаго лорда Брума: онъ предложилъ перечислить въ государственное казначейство какъ тѣ доходы короны, на которые еще нападалъ Боркъ (т. е. отъ земельныхъ владѣній), такъ и доходы случайные, бо̀льшею частью феодальнаго происхожденія [1]. Кромѣ того, Брумъ предлагалъ исключить изъ цивиль-листа расходы на жалованье судебнаго вѣдомства, иностраннаго министерства и нѣкоторыя парламентскія издержки, которыя также входили въ счетъ цивиль-листа. Вмѣсто же отнятыхъ у короля доходовъ, по его мысли, слѣдовало назначить ежегодную дотацію изъ общихъ государственныхъ средствъ. Какъ извѣстно, это предложеніе, благодаря энергической оппозиціи со стороны министерской партіи и лично Каннинга, потерпѣло крушеніе и было отвергнуто большинствомъ голосовъ. Тѣмъ не менѣе справедливость его заявленія выразилась въ томъ фактѣ, что когда, черезъ одиннадцать лѣтъ, на престолъ Англіи вступилъ новый монархъ (Вилліамъ IV), то новое министерство 1831 года уже само рекомендовало парламенту принять въ настоящемъ случаѣ тѣ самыя мѣры, которыя были отвергнуты вслѣдствіе протеста Каннинга, и дѣйствительно нѣкоторыя изъ предложенныхъ Брумомъ измѣненій были немедленно приняты и цивиль-листъ съ 850,000 ф. с. при Георгѣ IV былъ пониженъ до 510,000 ф. с. при Вилліамѣ IV. Наконецъ, нѣсколько позднѣе, при вступленіи на престолъ королевы Викторіи, произошло даль-

[1] Сюда относятся по преимуществу такіе остатки среднихъ вѣковъ, которые практически потеряли въ финансовомъ отношеніи всякій смыслъ и значеніе. Приведемъ ради любопытства нѣкоторые: Royal fish — право собственности короля на всякаго кита и большихъ рыбъ, выброшенныхъ моремъ на берегъ; Wreckage — право короля на остатки кораблекрушенія, выброшенные на берегъ; Flotsam-Jotsam — тѣ же остатки, но еще плавающіе или потонувшіе въ морѣ; Waifs — право короля на всѣ вещи, брошенныя воромъ во время бѣгства его и на которыя не является претендента; Strays — право на заблудшихъ домашнихъ животныхъ, на которыхъ не находится хозяинъ, и т. д., и т. д.

нѣйшее пониженіе; одинъ изъ первыхъ же законодательныхъ актовъ, изданныхъ при ней, гласитъ, что королева отдаетъ, какъ и ея предшественники, всѣ свои наслѣдственные доходы въ распоряженіе парламента и что съ этихъ поръ эти доходы будутъ поступать прямо въ государственную казну. Съ своей стороны, для возмѣщенія потери этихъ доходовъ, парламентъ ежегодно назначаетъ сумму въ 385,000 ф. с., которая и идетъ „для поддержанія придворнаго вѣдомства ея величества, чести и достоинства короны“. Важное ограниченіе сверхъ того сдѣлано относительно пенсій: королева можетъ раздавать ихъ лишь на сумму не свыше 1,200 фун. стерл. въ годъ [1].

Такимъ образомъ, ливерпульское общество финансовыхъ реформъ имѣло передъ собой проторенный путь, по которому ему предстояло слѣдовать въ своей критикѣ расходовъ на содержаніе королевскаго двора. Оно видимо придавало этимъ расходамъ особенно важное значеніе, ибо критикой ихъ открывается и начинается печатная дѣятельность ассоціаціи. Первый трактатъ первой же серіи носитъ названіе „Цивиль-листъ“, и второй — „Цивиль-листъ и расходы на пенсіи“, и кромѣ того, тому же вопросу спеціально посвященъ особый трактатъ второй серіи (№ XIV), не говоря уже о томъ, что ливерпульскому обществу приходится касаться расходовъ на содержаніе двора и во многихъ иныхъ трактатахъ, посвященныхъ другимъ финансовымъ вопросамъ.

Первый трактатъ открывается бѣглымъ статистическимъ обзоромъ всѣхъ расходовъ мирнаго времени, начиная со временъ Георга I, за исключеніемъ платежей по государственнымъ долгамъ. При этомъ королѣ означенные расходы составляли по даннымъ ассоціаціи, около двухъ съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, при Георгѣ II — 2 милліон. 766 тыс. ф. с., при Георгѣ III — почти то же самое (въ 1792 году), но при Георгѣ IV—уже 21 милліонъ, при ВилліамѣIV (1835 г.) — 15 мил. и при королевѣ Викторіи (1848 г.) — уже 24 мил. ф. с. „Привычка къ расточительнымъ и опустошительнымъ издержкамъ, — замѣчаетъ при этомъ трактатъ, —

[1] См. Spencer Walpole: History of England from the Conclusion of the Great War in 1815. 1879 Vol II, стр. 5—12, 620—634.

никогда не уничтожалась, но въ продолженіе царствованія Вилліама IV были сдѣланы сильныя и успѣшныя попытки къ экономіи, благодаря всеобщему настойчивому народному требованію сокращенія расходовъ. Эти условія, однако, когда народное вниманіе было обращено на другіе предметы, ослабѣли, и каждый годъ издержки постоянно увеличивались. Настоящее правительство довело ихъ до небывалой и крайней высоты: издержки 1848 года превосходятъ 1835 годъ на цѣлую половину"! Но даже и безъ этихъ цифръ, по словамъ трактата, можно судить о непреложной необходимости финансовыхъ реформъ на основаніи нагляднаго печальнаго положенія всѣхъ классовъ народа въ Британскомъ королевствѣ. „Наши купцы, мануфактуристы и ремесленники, не имѣя болѣе надежды на прибыль, которая должна была бы вознаграждать ихъ трудолюбіе, уже цѣлые годы отчаянно борются, чтобы спастись отъ полнаго разрушенія, и многіе изъ нихъ, несмотря на всю опытность и искусство, пали въ этой борьбѣ. Наши рабочіе всякаго рода взамѣнъ своего крайне тяжелаго труда, едва могутъ заработать средства даже недостаточныя для голоднаго существованія; тысячи изъ нихъ, по недостатку спроса на трудъ, попали въ рабочіе дома, чтобы только спастись отъ голодной смерти".

Нарисовавъ такую печальную картину экономическаго положенія народа, трактатъ переходитъ къ указанію первыхъ и главнѣйшихъ мѣръ для его поправленія: „абсолютно необходимо, по его мнѣнію, экономизировать народный (т.-е. государственный) доходъ съ самой сильной бережливостью, почему правительственныя издержки должны быть ограничены строжайшими предѣлами одной непреложной необходимости". „Истинное предупредительное средство противъ излишнихъ издержекъ заключается въ уменьшеніи нашихъ военныхъ вооруженій, уничтоженіи всѣхъ синекуръ, незаслуженныхъ пенсій и ничѣмъ не заработанныхъ, а потому безчестныхъ и несправедливыхъ платежей всякаго рода, получаемыхъ отъ правительства. Со стороны канцлера казначейства и главъ отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія, при этомъ, требуется постоянное и усиленное наблюденіе надъ каждой статьей расхода. Но одно сокращеніе издержекъ еще далеко

не исчерпываетъ всего, что требуется: важное уменьшеніе существующаго чрезмѣрнаго обложенія, всецѣлая ревизія существующей системы взиманія налоговъ и, наконецъ, приступъ къ будущему постепенному уменьшенію государственныхъ долговъ — все это вмѣстѣ настоятельно вызывается простыми требованіями справедливости и здравой политики. Не не нужно забывать, однако, — добавляетъ трактатъ, — что къ этимъ мѣрамъ необходимымъ и первымъ шагомъ должно служить все-таки сокращеніе расходовъ, почему къ этой именно цѣли и направляются первоначальныя условія ассоціаціи финансовыхъ реформъ. Она убѣждена притомъ, что для того, чтобы данныя мѣры были дѣйствительны и послужили успѣшно хорошимъ примѣромъ, урѣзываніе расходовъ должно начаться съ высшихъ сферъ ... согласно чему ассоціація и указываетъ тотъ крайній предѣлъ, до котораго могутъ простираться издержки содержанія королевскаго семейства (Cost of Royalty) [1]. „Едва ли возможно отрицать послѣ всѣхъ въ разное время указанныхъ нами данныхъ, — утверждаетъ другой трактатъ ливерпульскаго общества, — что наше государственное хозяйство отличается крайней расточительностью: безполезныя, но дорого оплачиваемыя должности, жалованье чиновниковъ внѣ всякаго отношенія къ ихъ заслугамъ, синекурныя мѣста, съ которыми никакихъ обязанностей не связано, вознагражденія за уничтоженныя должности, которыя никогда бы не должны существовать, наконецъ соединеніе за бездѣльемъ нѣсколькихъ должностей въ одномъ и томъ же лицѣ, короче, всѣ признаки расточительности государственныхъ денегъ составляютъ господствующую черту англійскаго бюджета во всѣхъ отрасляхъ управленія; къ сожалѣнію, придворное вѣдомство въ этомъ отношеніи не только не составляетъ исключенія, но даже служитъ живымъ примѣромъ и нелестнымъ образцомъ всѣхъ указанныхъ недостатковъ, вліяющихъ вредно сначала на великихъ и сильныхъ людей земли сей, а черезъ нихъ и на весь народъ, на всѣ классы до самаго низшаго по общественной лѣстницѣ ... Но когда больна голова, — заключаетъ трактатъ

---

[1] Financial Reform Tracts. First Series, № 1, стр. 2.

метафорой, — то естественно и неизбѣжно, что и все тѣло и его члены должны быть не въ порядкѣ“ [1]. Затѣмъ, трактатъ Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ обращается къ подробному исчисленію расходовъ придворнаго вѣдомства съ цѣлью указать всѣ его недостатки и возможныя сокращенія издержекъ. Всѣ расходы по содержанію королевскаго двора, въ широкомъ смыслѣ, покрываются изъ трехъ источниковъ: цивиль-листомъ въ 385 тыс. ф. с., ассигнованныхъ парламентомъ еще въ 1837 году, доходами съ удѣльныхъ имѣній (Appanage) и различныхъ королевскихъ прерогативъ, сумма которыхъ не можетъ быть точно опредѣлена, и въ-третьихъ (что составляетъ исключительную особенность англійскаго бюджета) расходы на содержаніе королевскихъ дворцовъ и парковъ не включаются въ цивиль-листъ, а составляютъ особую статью бюджетныхъ назначеній на расходъ „по общественнымъ зданіямъ и работамъ“ (Public Works and Buildings). Главнѣйшимъ образомъ, ливерпульское общество разбираетъ первую категорію придворныхъ расходовъ, т.-е. цивиль-листъ въ его тѣсномъ значеніи — содержанія назначеннаго парламентомъ на придворное вѣдомство. Ежегодная сумма эта, 385 тыс., распредѣляется, согласно закону, слѣдующимъ образомъ: 60,000 ф. с.—на „личные, безконтрольные расходы королевы“ (Her Majesty's Privy Purse), 13,200 ф. с. — на „награды“, „спеціальныя услуги“ и „дѣла благотворительности“, 1,200 ф. с. — на „пенсіи по личному пожалованію королевы“ и 8,040 ф. с. безъ спеціальнаго назначенія (unapprorpriated money). За этими немногими исключеніями, вся остальная наибольшая часть цивиль-листа распредѣляется по четыремъ демартаментамъ или отдѣленіямъ придворнаго вѣдомства: департаментъ оберъ-каммергера (Lord Chamberlain) завѣдуетъ содержаніемъ и расходами двора, за исключеніемъ кухни и конюшенъ; департаментъ оберъ-гофмейстера (Lord Stewart) вѣдаетъ всѣ расходы по кухнѣ; департаментъ оберъ-штальмейстера — по королевскимъ конюшнямъ и охотѣ, и департаментъ оберъ-гардеробмейстера (въ то время Mistress of the Robes) за-

---

[1] Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV. The Royal Household a Model to Parliament and the Nation.

вѣдуетъ расходами на придворные костюмы. Всѣ расходы по этимъ четыремъ департаментамъ раздѣляются въ свою очередь на двѣ категоріи: a) уплата по счетамъ поставщиковъ — ремесленниковъ и торговцевъ и b) расходы на личный составъ придворнаго вѣдомства или жалованье придворнаго штата.

Первая категорія придворныхъ расходовъ поглощала изъ всего бюджетнаго назначенія около половины — до 174 тыс. фун. ст., и противъ нихъ трактаты ливерпульскаго общества почти не возражаютъ, ограничиваясь лишь указаніями нѣкоторыхъ выдающихся издержекъ. Дѣйствительно, въ большинствѣ ихъ нельзя не назвать весьма умѣренными, хотя иногда и встрѣчаются статьи расходовъ, своей высотой привлекающія вниманіе Ливерпульской ассоціаціи. Такъ, напримѣръ, въ первомъ департаментѣ дворцоваго управленія — оберъ-каммергера, означены всѣ ежегодные расходы на перчаточниковъ въ 97 фунтовъ стерл., на портныхъ — 25 ф. с., шляпочниковъ — 14 ф. с., но зато въ то же время на обойщиковъ, драпировщиковъ и рѣзчиковъ по дереву показана огромная сумма въ 11,381 ф. с.; таковой расходъ вполнѣ умѣстенъ и понятенъ, по мнѣнію трактата, однажды въ нѣсколько лѣтъ, при отдѣлкѣ дворцовъ, но повторяемый ежегодно уже является чрезмѣрно высокимъ. Тоже замѣчаніе относится и къ значительному расходу на оружейниковъ: на этихъ послѣднихъ ремесленниковъ, показанныхъ вмѣстѣ со слесарями и кузнецами, ежегодно затрачивается до 4,119 фун. стер.

Во второмъ департаментѣ — оберъ-гофмейстера, большинство счетовъ также отличается умѣренностью, хотя и тутъ нѣкоторыя цифры привлекаютъ вниманіе трактата: такъ, весь расходъ на путешествія королевы не превосходитъ 1,050 ф. стер. въ годъ, еще болѣе ничтоженъ расходъ по этому департаменту на королевскія яхты — всего лишь 45 фунт. стерл., но зато расходъ на пиво и эль составляетъ 2,811 фун. с., спиртные напитки — 1,843 ф. с., вина — 4,850 фунт. ст. молоко и сливки — 1,478 ф. с., хотя существуютъ для поставки послѣднихъ продуктовъ казенныя образцовыя фермы, и, наконецъ, даже на такой продуктъ, столь мало употребляе-

мый при дворѣ, какъ сальныя свѣчи, ежегодно расходуется сравнительно значительная сумма въ 679 ф. с.

Самый крупный расходъ, останавливающій вниманіе въ третьемъ департаментѣ — оберъ-шталмейстера, составляютъ издержки на ливреи: для этой цѣли расходуется 6,208 ф. с., вдвое болѣе нежели на самый существенный предметъ департаменга — лошадей (3,345 ф. с.), болѣе чѣмъ ихъ фуражъ (5,308 ф. с.) или чѣмъ на экипажи (4,215 ф. с.); остальные расходы бо́льшею частью крайне ничтожны (напр. на пріобрѣтеніе хлыстовъ и кнутовъ 46 ф. с., удилъ и шпоръ — 30 ф. с. и т. д.). Наибольшей же скромностью отличаются расходы по королевскому гардеробу; всѣ расходы (уплата по счетамъ) по четвертому департаменту — оберъ-гардеробмейстера не превосходятъ 5,000 ф. с. Очевидно, или этотъ важный (въ смыслѣ расходовъ) департаментъ отличался сравнительной бережливостью, благодаря свойствамъ личнаго характера королевы, или же большую часть его расходовъ королева принимала на свой счетъ, въ предѣлахъ ассигнуемыхъ ей парламентомъ карманныхъ денегъ [1].

Но если этотъ отдѣлъ расходовъ ассоціація оставляетъ почти безъ критики, то тѣмъ бо́льшей она подвергаетъ расходы на личный составъ придворнаго вѣдомства. Цѣлыхъ три трактата (№ I и II первой серіи и № XIV второй) посвящены подробному изслѣдованію этой важной отрасли расходовъ двора; трактаты перечисляютъ всѣ придворные чины, начиная отъ послѣдняго грума и пажей и до ближайшихъ родственниковъ королевы, занимающихъ какія-либо придворныя должности, знакомятъ съ ихъ обязанностями, взвѣшиваютъ и оцѣниваютъ эти обязанности сравнительно съ получаемымъ содержаніемъ и другими выгодами отъ должности, и дѣлаютъ приговоръ относительно необходимости и цѣлесообразности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даннаго государственнаго расхода.

Первое мѣсто въ бюджетѣ двора (по величинѣ расходовъ) занимаетъ департаментъ оберъ-каммергера, на личный

---

[1] Financial Reform Tracts. Civil List, № 1, стр. 16, 15.

составъ котораго ежегодно затрачивалось до 66,499 ф. с. Глава этого отдѣла дворцоваго вѣдомства — „оберъ-каммергеръ“, получавшій 2,000 ф. с. содержанія, и его помощникъ „вице-оберкаммергеръ“, съ жалованіемъ въ 924 ф. с. представляютъ собой дожности чисто политическія, т. е. лица, ихъ занимающія, мѣняются вмѣстѣ съ каждой перемѣной министерства. На обязанности „оберъ-каммергера“ лежитъ высшій надзоръ надъ всѣми чиновниками и служителями королевскихъ палатъ (Chambers), исключая королевской опочивальни, которою завѣдуетъ „первый лордъ постельничій“ — должность, которая вслѣдствіе того, что престолъ Великобританіи былъ занятъ тогда женщиной, временно была упразднена. „Оберъ-каммергеру“ принадлежитъ надзоръ за придворной медицинской частью, придворной музыкой, театрами, заботы объ убранствѣ дворцовъ и пріемныхъ аппартаментовъ и контроль надъ всѣми расходами при коронаціяхъ, королевскихъ свадьбахъ, похоронахъ, аудіенціяхъ и тому подобныхъ случаяхъ. Должность эта такимъ образомъ является повидимому весьма разносторонней и сложной, а потому и недорого оплачиваемой. Въ дѣйствительности, вслѣдствіе уже политическаго ея характера и частой перемѣны лицъ, ее занимающихъ, она является въ значительной степени синекурой, дается обыкновенно какому-либо аристократу, члену новой министерской партіи, который и получаетъ все значительное содержаніе почти задаромъ, а его обязанности исполняются низшими чиновниками, не смѣняющимися, а потому и ближе знакомыми со всѣмъ обиходомъ придворнаго хозяйства.

Кромѣ самого оберъ-каммергера и его помощника, въ томъ же департаментѣ, къ должностямъ съ политическимъ характеромъ и, слѣдовательно, частой смѣной, принадлежали слѣдующія: „каммергеры, состоящіе на дѣйствительной службѣ“ (Lords in Waiting), „капитанъ почетной лейбъ-гвардіи“ (Gentlemen at Arms) и „капитанъ йоменовъ-тѣлохранителей“ (Yeomen of the Body Guard). Всѣхъ каммергеровъ считалось восемь человѣкъ, и эти должности занимались обыкновенно приверженцами министерской партіи: „службу“ ихъ нельзя назвать ни продолжительной, ни обременительной: каждый

каммергеръ обязанъ былъ присутствовать во дворцѣ, по очереди, три раза въ годъ, каждый разъ по двѣ недѣли, или всего шесть недѣль въ годъ. Вся ихъ обязанность при этомъ состояла почти лишь въ томъ, что они обѣдали вмѣстѣ съ королевой, и-за это получали въ годъ по 702 ф. с. каждый (и, слѣдовательно, всѣ восемь — 5,616 ф. с.) „Честь обѣдать вмѣстѣ съ королевой“, — замѣчаетъ трактатъ, — должна бы быть уже достаточнымъ вознагражденіемъ аристократамъ, занимающимъ должности „каммергеровъ“, и при извѣстной долѣ рыцарскаго чувства, они должны бы были считать унизительнымъ для себя становиться наемниками, получая плату за такую „службу“ [1].

Другія двѣ высшія должности: капитановъ „почетной лейбъ-гвардіи и йоменовъ-тѣлохранителей“ въ томъ же департаментѣ требуютъ предварительно историческаго и фактическаго объясненія. Почетная лейбъ-гвардія (Honourable Corps of Gentlemen at Arms) первоначально учреждена Генрихомъ VIII; она состояла сначала исключительно изъ членовъ высшихъ фамилій и выбиралась для службы самимъ государемъ. Лордъ Гендсонъ, капитанъ этой лейбъ-гвардіи въ XVII вѣкѣ, въ письмѣ къ Якову II, при его восшествіи, описывалъ ее тогда состоящей изъ избранныхъ лучшихъ и древнѣйшихъ фамилій королевства и прибавляетъ далѣе, что „эта лейбъ-гвардія служила всегда разсадникомъ, въ которомъ джентльмены воспитывались и приготовлялись быть назначенными депутатами въ Ирландію, посланниками въ чужіе края, губернаторами и вообще государственными сановниками“. Злоупотребленія, которыя имѣли мѣсто, благодаря существованія такого аристократическаго питомника протекціи и личнаго произвола, не разъ вызывали общее неудовольствіе, и съ царствованія Вилліама IV въ организаціи этой лейбъ-гвардіи произошла значительная перемѣна: поступленіе въ нее на службу сдѣлано болѣе доступнымъ для лицъ не аристократическаго происхожденія, пожалованіе королемъ уничтожено и, вмѣсто того, установлена общая система британской военной службы, т. е. продажа

[1] F. R. T. The Royal Household a Model to Parliament and Nation, № XIV стр. 19.

чиновъ по весьма высокой цѣнѣ, начиная съ самаго низшаго: должность рядового въ этой почетной службѣ стоитъ свыше 1,400 ф. с., а лейтенанта — до 10,000 ф. с., или около 100,000 кредитныхъ рублей: всякій желающій служить при дворѣ, въ случаѣ, весьма рѣдкой, впрочемъ, вакансіи, можетъ купить себѣ мѣсто; единственное ограниченіе для поступающаго, это — чтобы кандидатъ не занимался торговлей или промышленностью. Рядовой почетной лейбъ-гвардіи считается въ одномъ рангѣ съ капитаномъ арміи, и его служба заключается въ присутствіи на разныхъ церемоніяхъ въ богатомъ костюмѣ, при чемъ, по очереди, каждый изъ нихъ свободенъ 6 мѣсяцевъ въ году. Начальникъ этой почетной лейбъ-гвардіи, капитанъ (1,000 ф. с. жалованья), составляетъ исключеніе въ продажной системѣ, и его должность не покупается, а замѣщается непремѣнно пэромъ, по назначенію правительства, но всегда мѣняется вмѣстѣ съ перемѣной министерства, т. е. имѣетъ характеръ строго-политическій. Тотъ же совершенно характеръ имѣетъ и должность капитана у „йоменовъ-тѣлохранителей“ [которымъ народъ далъ прозвище „мясоѣдовъ“ (beef-eater) за ихъ откормленную и сытую наружность], хотя самая ихъ служба и ея условія нѣсколько отличны: во-первыхъ, должности рядовыхъ въ этомъ отрядѣ уже болѣе не продажны, а на нихъ назначаются лица изъ отставныхъ и заслуженныхъ офицеровъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, и, во-вторыхъ, самая служба ихъ нѣсколько дѣятельнѣе: они содержатъ во дворцѣ постоянные караулы (лишь въ верхнихъ аппартаментахъ дворца), сорокъ человѣкъ днемъ и двадцать — ночью и, кромѣ того, исполняютъ тамъ же и всѣ полицейскія обязанности. Различаясь отъ „почетной лейбъ-гвардіи“ въ этомъ отношеніи, „йомены-тѣлохранители“, по мнѣнію ливерпульскаго общества, сходны съ ней во всемъ остальномъ, а главное — въ одинаковой же безполезности своего существованія: при цѣлыхъ трехъ уже полкахъ „дворцовой лейбъ-гвардіи“, которыхъ главная цѣль состоитъ въ охранѣ монархини (охранѣ совершенно излишней при любви подданныхъ), эти два маленькіе отряда, представляющіе собой пародію настоящихъ солдатъ въ своихъ фантастическихъ средневѣковыхъ уборахъ,

являются вполнѣ непроизводительной тратой государственныхъ денегъ и поощреніемъ мелочнаго тщеславія.

Непосредственно за „каммергерами", состоящими на дѣйствительной службѣ, слѣдуютъ ихъ помощники, каммеръ-юнкеры (Grooms in Waiting) также 8 человѣкъ, изъ которыхъ каждый получалъ свыше 335 ф. с. жалованья (а всѣ вмѣстѣ обходились казначейству 2,685 ф. с.). Насколько обязанности ихъ несложны, можно судить потому, что большинство изъ нихъ (пять лицъ) занимали другія должности и получали, слѣдовательно, отъ казны двойное содержаніе. Мало того, одинъ изъ нихъ „сверхъ-штатный камеръ-юнкеръ (Extra Groom in Waiting), достопочтенный Чарльзъ-Августъ Мюррей, жилъ даже далеко за предѣлами Англіи, а именно занималъ постъ посланника въ Персіи, гдѣ неблагоразумнымъ вмѣшательствомъ въ туземныя дрязги прервалъ-было всѣ дипломатическія сношенія. „Мы не знаемъ, — замѣчаетъ по этому поводу трактатъ, — получаетъ ли онъ жалованье за свою каммеръ-юнкерскую должность въ Англіи, вредя британскимъ интересамъ въ Персіи, или нѣтъ, но можно быть увѣреннымъ, что ея величество не потерпѣла бы ни малѣйшаго неудобства, если бы и всѣ его товарищи также проживали въ Тегеранѣ" [1].

Весьма однородныя должности въ томъ же департаментѣ представляютъ собой такъ-называемые „джентльмены-придверники" (Gentlemen Ushers), которые бываютъ трехъ родовъ („джентльмены-придверники тайной каммеры", „джентльмены-придверники, состоящіе на ежедневной службѣ", „джентльмены-придверники, чередующіеся по четвертямъ года" и, наконецъ, ихъ помощники). Всѣ эти мѣста — довольно выгодныя синекуры, доставляющія, кромѣ положенныхъ окладовъ (отъ 120 до 200 ф. с.), разныя добавочныя содержанія и протекцію при дворѣ; за рѣдкими исключеніями и въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обязанности ихъ исполняются или обыкновенными каммеръ-лакеями, или такъ называемыми „пажами черной лѣстницы" (Pages of the Back-Stairs). Старшій между придверниками занимаетъ также весьма доходную, хотя и

---

[1] F. R. T. № XIV второй серіи, стр. 19.

весьма странную должность „лорда-придверника черной трости“ въ палатѣ лордовъ; почти вся его обязанность заключается въ томъ, что разъ — не чаще — въ году онъ предшествуетъ королю или королевѣ (напр., при открытіи сессіи въ парламентѣ), при чемъ, вооруженный тростью, онъ идетъ изъ палаты лордовъ въ палату общинъ (обращенный къ первой лицомъ, т. е. непремѣнно пятясь задомъ), чтобы объявить о прибытіи короля и пригласить палату для выслушанія королевской рѣчи. Мѣсто это весьма цѣнится между англійской аристократіей.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателей перечисленіемъ всѣхъ многочисленныхъ должностей, принадлежащихъ къ департаменту „оберъ-каммергера“; изъ имѣющихъ бо́льшее значеніе заслуживаютъ упоминанія должности „церемоніймейстера“ и помощниковъ, „маршала“, трехъ „герольдовъ“, контролера отчетовъ“, „главнаго клерка“ и его помощниковъ и т. д. За исключеніемъ послѣднихъ, обязанности этихъ чиновниковъ ограничиваются большею частью только чрезвычайными случаями, хотя всѣ они состоятъ на постоянномъ жалованьи; самый почетный характеръ ихъ должностей могъ бы служить, по мнѣнію Ливерпульской ассоціаціи, достаточнымъ вознагражденіемъ ихъ несложнаго и нетруднаго дѣла. Почти единственное исключеніе составляютъ такъ называемые „джентльмены тайной каммеры“ (40 человѣкъ), которые исполняютъ однородныя же занятія, не получая никакого жалованья.

Къ вѣдѣнію „оберъ-каммергера“ причисляется также и департаментъ оберъ-гардеробмейстера, который, впрочемъ, въ царствованіе королевы имѣетъ своего самостоятельнаго начальника, въ лицѣ „гардеробмейстерины“ (Mistress of the Robes). Эта должность въ царствованіе королевы имѣетъ особенно важное значеніе, ибо съ ней соединяются также и обязанности временно-упраздняемой должности „перваго лорда-постельничьяго“ (Lord of the Bed Chamber, онъ же Groom of the Stole). Должность гардеробъ-мейстерины или главной статсъ-дамы занимается обыкновенно герцогиней изъ богатѣйшихъ фамилій королевства, которая, тѣмъ не менѣе, получаетъ 500 ф. с. жалованья; она — главная начальница королевской опо-

чивальни, имѣетъ высшій надзоръ за парадными костюмами и туалетомъ королевы при государственныхъ церемоніяхъ, съ которой вмѣстѣ и ѣдетъ въ одной каретѣ. Ей же подчинены всѣ придворныя дамы, для которыхъ она назначаетъ и сроки очередной службы; изъ этихъ дамъ первое мѣсто по рангу занимаютъ 8 статсъ-дамъ (тоже жалованье по 500 ф. с.), обязанность которыхъ поочередно три раза въ году, по двѣ недѣли каждый срокъ, служить королевѣ, т. е. присутствовать при ней и составлять ей общество. Мѣста эти занимались знатнѣйшими дамами Великобританіи (напр., герцогиня Норфолькъ, герцогиня Веллингтонъ и т. п.), для которыхъ получаемое жалованье составляетъ сущіе пустяки, почему эти почетныя должности и званія и слѣдуетъ, по мнѣнію ливерпульскаго общества, сдѣлать безвозмездными.

То же самое замѣчаніе относится въ равной степени и къ прочимъ женскимъ придворнымъ должностямъ, каковы обязанности „фрейлинъ“ и „каммерфрау“, нѣкогда, можетъ быть, имѣвшія значеніе и дѣйствительной службы, а теперь соединяющія съ собой представленіе лишь о почетномъ званіи, связанномъ съ легкими и пріятными занятіями. „Правила придворной администраціи ея величества королевы“, изданныя въ 1625 году, при Карлѣ I, вскорѣ послѣ его женитьбы на Генріеттѣ французской, такъ, напр., опредѣляютъ служебныя обязанности „фрейлины“ (Maid of Honour) того времени: фрейлины должны являться въ пріемную комнату королевы не позднѣе 11-ти часовъ утра и идти на молитву, а послѣ нея служить королевѣ вплоть до обѣда. Затѣмъ, въ два часа (очевидно, обѣдъ былъ ранній, не позднѣе часа), возвратиться въ ту же комнату и оставаться тамъ до ужина. Когда же фрейлины возвратятся къ себѣ въ комнаты, то ни одинъ мужчина отнюдь туда не допускается; если же онѣ пожелаютъ куда-либо отлучиться, то обязаны спросить дозволенія оберъ-камергера, вице-оберъ-камергера или ея величества. Надзирательница или мамка (Mother of the Maids) наблюдаетъ, чтобы всѣ правила, къ нимъ относящіяся, строго соблюдались, такъ какъ она сама отвѣчаетъ въ противномъ случаѣ. Если же она найдетъ, что какая-либо изъ фрейлинъ отступаетъ отъ правилъ,

которымъ обязана повиноваться, то немедленно доноситъ объ этомъ оберъ-каммергеру". Всѣ эти старыя правила уже нынѣ не примѣняются, и фрейлины (числомъ — 8), въ настоящее время, служатъ только украшеніемъ двора и не подчиняются строгимъ ограниченіямъ, имѣвшимъ мѣсто для ихъ прабабушекъ. Подобно „статсъ-дамамъ", онѣ являются компаньонками у ея величества, чередуясь по двѣ въ мѣсяцъ. Каждой фрейлинѣ лишь приходится, такимъ образомъ, пользоваться почетнымъ обществомъ королевы три мѣсяца въ году и за это вдобавокъ получать прекрасное жалованье (300 ф. с.). Одинаково съ фрейлинами сильно облегчены, сравнительно съ былымъ временемъ, обязанности „каммерфрау" (Bedchamber Women), а между тѣмъ остались значительные оклады жалованья, потерявшіе смыслъ (8 каммерфрау, съ окладомъ по 300 ф. с. каждая; вообще число восемь играетъ большую роль при англійскомъ дворѣ). Прежде „каммерфрау" исполняли назначеніе настоящихъ служанокъ, и обязанности ихъ были довольно унизительныя. Вотъ какъ ихъ, напримѣръ, описываетъ въ XVIII вѣкѣ Генріетта Суффолькъ въ своей корреспонденціи съ одной пріятельницей: „Каммерфрау" является въ спальню еще до молитвы королевы и пока та еще не одѣта. Королева часто по утрамъ переодѣвается. Если это происходитъ въ полдень, то здѣсь присутствуетъ статсъ-дама, „камерфрау" подаетъ ей перемѣну, а та уже одѣваетъ королеву ... Когда королева умываетъ руки, пажъ съ черной лѣстницы (Page of the Back Stairs) приноситъ тазъ и кувшинъ и ставитъ ихъ на столъ, „каммерфрау" становится на колѣни и подаетъ воду изъ кувшина, пока королева умоется; обязанность же „статсдамы" ограничивается тѣмъ, что она стоитъ около. Башмаки королевѣ надѣваетъ тотъ же пажъ, а перчатки, когда сама королева затруднится, надѣваетъ „каммерфрау"; точно также она приноситъ и шоколадъ". Все это въ настоящее время уже вышло изъ обычая, и должности „каммерфрау" исполняются аристократками (виконтесса Форбсъ, виконтесса Чьютонъ и пр.), составляющими утреннее общество королевы. Прежнія же ихъ обязанности, за которыя онѣ по старому получаютъ жалованье, исполнялись въ дѣйствительности при королевѣ

Викторіи одной и той же женщиной, сверхштатной „каммерфрау“ — мистрисъ Праттъ. Итакъ, и здѣсь повторяется одно и то же явленіе: старый смыслъ и значеніе извѣстной придворной должности утратился, и она превратилась въ синекуру, обременяя безполезно своимъ содержаніемъ государственное казначейство. Превращеніе этихъ должностей въ почетное званіе безъ всякаго денежнаго вознагражденія является поэтому, по словамъ ливерпульскаго общества, безусловно необходимымъ и желательнымъ, какъ въ интересахъ сбереженія народной казны, такъ и поднятія даже почетнаго значенія самыхъ должностей.

Еще бо̀льшее несоотвѣтствіе современнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ бережливости предста̀вляютъ собой въ томъ же департаментѣ придворнаго вѣдомства нѣкоторые любопытные остатки феодальнаго быта, въ родѣ должностей „поэта-лауреата“ и „главнаго живописца“. Странная придворная должность поэта, увѣнчаннаго лаврами, составляетъ живое воспоминаніе о томъ времени, когда при дворахъ держались обязательно шуты и карлики, ради забавы и развлеченія, но, во всякомъ случаѣ, — замѣчаетъ одинъ изъ трактатовъ ливерпульскаго общества, — должность придворнаго поэта гораздо обиднѣе для народнаго самолюбія, особенно, когда ее занимаетъ человѣкъ талантливый (въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка — Альфредъ Теннисонъ)... Обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы регулярно дважды въ годъ сочинять, по случаю какихъ-нибудь придворныхъ событій, похвальныя оды, которыя затѣмъ поются или читаются въ присутствіи королевы. Кромѣ того, то же самое онъ дѣлаетъ, конечно, и въ чрезвычайныхъ придворныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, по поводу недавно передъ тѣмъ происходившаго выбора принца Альберта, супруга королевы, въ канцлеры кембриджскаго университета и т. п. Жалованье поэту полагается крайне ничтожное — всего 100 ф. с., въ семь разъ меньше даже того, которое получаютъ многіе камеръ-лакеи и привратники. „Главный живописецъ“ — онъ же смотритель картинъ, находящихся во дворцахъ, — получаетъ немного бо̀льшее, хотя все-таки незначительное для умственной профессіи содержаніе (182 ф. с. въ годъ), и трак-

татъ справедливо замѣчаетъ, что „если эти двѣ должности заняты людьми талантливыми и извѣстными, то оклады жалованья оскорбительно низки, если же жалованье дается безъ всякой дѣйствительной заслуги, то эти мѣста и подавно должны быть уничтожены“ [1].

Въ другомъ родѣ, но не менѣе странными являлись въ то время еще три придворныя должности, оплачивавшіяся изъ цивиль-листа: это — „смотритель двора для игры въ мячъ“, „лодочникъ королевы“ и „смотритель лебедей“. Всѣ эти должности оплачивались лучше, нежели бѣдный увѣнчанный лаврами поэтъ, но, въ противоположность ему, ихъ дѣятельность не только не громка, но даже совсѣмъ никому неизвѣстна. Въ одномъ своемъ трактатѣ ливерпульское общество заявляетъ, что, несмотря на всѣ старанія, оно не могло нигдѣ найти указаній на характеръ дѣятельности этихъ придворныхъ должностей: извѣстно, напримѣръ, что никакого спеціальнаго двора для игры въ мячъ не существуетъ, и самая игра эта вовсе не употребительна. Еще менѣе имѣютъ практическаго смысла двѣ прочія должности. Въ другомъ трактатѣ должности эти прямо называются „апокрифическими“, хотя государственная роспись напоминаетъ объ ихъ реальномъ существованіи и указываетъ на сравнительно значительные оклады жалованья, идущіе на содержаніе этихъ странныхъ синекуръ: „смотритель двора для игры въ мячъ“ (Master of the Tenniscourt) получаетъ 132 ф. с., а „королевинъ лодочникъ“ (Bargemaster) и „смотритель лебедей“ (Keeper of the Swans) вмѣстѣ получаютъ 400 ф. с., т. е. каждый вдвое болѣе, чѣмъ придворный поэтъ! Очевидно, говоритъ трактатъ, что всѣ подобныя должности отжили свой вѣкъ и обременяютъ безъ пользы государственный бюджетъ, такъ какъ въ дѣйствительности королева не имѣетъ надобности ни въ особыхъ лодочникахъ, ни въ смотрителяхъ лебедей.

Къ вѣдомству того же департамента „оберъ-камергера“, сверхъ всѣхъ уже перечисленныхъ должностей, относится также медицинскій персоналъ и придворное духовенство, штатъ котораго отличается своей многочисленностью (всего около ста

---

[1] Financial Reform Tracts № 1-й первой серіи, стр. 6.

человѣкъ). Расходъ на духовенство собственно весьма незначителенъ (не болѣе 1,226 ф. с.), но зато многочисленность его представляетъ невыгодныя для интересовъ государства стороны въ другомъ отношеніи. Этотъ придворный штатъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: „настоятеля королевской капеллы“ (Dean of the Chapel Royal), всегда епископа лондонскаго (200 ф. с. жалованья), и его помощника; на первомъ лежитъ, между прочимъ, обязанность 12 праздничныхъ дней въ году раздавать королевскую милостыню; за ними по рангу слѣдуетъ „домашній капелланъ дворцовой церкви“ (Clerk of the Queen's Closet), который обязанъ произносить передобѣденную молитву за королевскимъ столомъ и во время божественной службы сидѣть близъ короля, „дабы разрѣшать немедленно всякія сомнѣнія, которыя у послѣдняго могутъ возникнуть по какимъ-либо духовнымъ вопросамъ“. Сверхъ того, при дворѣ состоитъ, не говоря о низшихъ церковныхъ служителяхъ, 48 капеллановъ и священниковъ, служащихъ, конечно, по очереди. Весьма немногія лица изъ этого многолюднаго штата получаютъ жалованье и, тѣмъ не менѣе, эти мѣста ищутся самымъ усерднымъ образомъ, и опроставшіяся вакансіи занимаются весьма быстро. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что служба при дворѣ является для духовенства вѣрной лѣстницей для полученія самыхъ выгодныхъ и доходныхъ приходовъ или епископствъ безъ особой на то заслуги, и, во-вторыхъ, что по общему правилу и эта придворная служба ведетъ къ созданію плюралистовъ и синекуристовъ. Изъ означенныхъ капеллановъ, напримѣръ, 24 человѣка плюралисты, т. е. занимаютъ единовременно по два и даже по три мѣста съ содержаніемъ. Любопытнымъ образчикомъ можетъ служить „досточтимый“ докторъ богословія Фляй, который имѣлъ постоянное жительство въ сенъ-джемскомъ дворцѣ по должности „исповѣдника фрейлинъ“, но это не мѣшало ему имѣть два прихода вдали отъ Лондона съ 1,759 человѣками прихожанъ; занятый не легкимъ наблюденіемъ надъ совѣстью придворныхъ красавицъ, „исповѣдникъ фрейлинъ“, конечно, никогда этихъ приходовъ не навѣщалъ и заботился о душахъ своихъ прихожанъ посредствомъ наемныхъ священниковъ за ничтожное воз-

награжданіе, оставляющее ему не менѣе 450 ф. с. чистаго барыша въ годъ безъ всякаго дѣла [1].

Послѣднюю (изъ болѣе важныхъ) отрасль управленія оберъ-камергера составляетъ медицинскій или санитарный штатъ, который также отличается своей многочисленностью, но организованъ нѣсколько на иныхъ началахъ. Всего при британскомъ дворѣ считалось въ то время 24 медика, различныхъ спеціальностей и названій, и 10 аптекарей, но жалованья они почти всѣ не получали, а пользовались за каждый визитъ особымъ гонораромъ, который бывалъ иногда весьма значителенъ; такъ, докторъ Лекокъ, старшій лейбъ-акушеръ, однажды получилъ огромный гонораръ въ 1,000 ф. ст. (около 9,000 бумажныхъ рублей). Поставка лѣкарствъ извѣстными аптеками совершалась по контракту, исключая аптекаря въ Виндзорѣ, который находился на жалованьи (800 ф. с.), за что обязанъ былъ снабжать медикаментами безвозмездно всѣхъ членовъ королевскаго дома, кромѣ, впрочемъ, ихъ семействъ.

За департаментомъ „оберъ-каммергера“, слѣдуетъ въ придворномъ управленіи департаментъ оберъ-гофмейстера, на личный составъ котораго тратилось ежегодно 36,381 ф. с. Собственно, по рангу „оберъ-гофмейстеръ“ считался выше „оберъ-камергера“, но самый департаментъ его въ обыкновенныхъ классификаціяхъ этого вѣдомства помѣщается вторымъ и трактуется послѣ, какъ дѣлаемъ это и мы [2]. Обязанности „оберъ-гофмейстера“ весьма важны; онѣ подходятъ подъ понятіе министра двора въ другихъ странахъ и такъ опредѣляются существующимъ закономъ: „Придворное вѣдомство всецѣло подчиняется оберъ-гофмейстеру (Lord Steward), который управляетъ имъ по своему усмотрѣнію. Всѣ его приказанія имѣютъ обязательную силу. Его власть распространяется на всѣхъ чиновниковъ и слугъ двора, исключая королевскихъ палатъ, конюшенъ и капеллы. Ему же принадлежитъ право суда

[1] F. R. T. „The Royal Household a Model to Parliament and the Nation“, № XIV, а также № 1 и 2 первой серіи, стр. 3.

[2] Извѣстный Гнейстъ, вѣроятно, по сказанному соображенію, департаментъ „оберъ-гофмейстера“ въ своей книгѣ помѣщаетъ первымъ. См.: „Das heutige englische Verfassungs und Verwaltungsrecht“ von Rudolph Gneist, Erster Theil, 1857, стр. 569.

и разрѣшенія всякихъ несогласій, возникающихъ между домашней прислугой королевы". Такимъ образомъ, должность этого сановника является весьма отвѣтственной и важной, хотя и не въ такой степени, какъ можно это подумать по первымъ строкамъ этого закона. На дѣлѣ она сводится къ надзору и распоряженію дворцовой прислугой, назначеніе которой зависитъ отъ „оберъ-гофмейстера", и завѣдыванію дворцовой кухней и всѣмъ къ ней относящимся, какъ-то: поставками и закупками всякаго провіанта, контролемъ счетовъ и расплатой съ многочисленными ремесленниками. Для этихъ послѣднихъ цѣлей, при департаментѣ состоитъ изъ пяти высшихъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ оберъ-гофмейстера, такъ называемое „управленіе зеленаго стола" (Board of Green Cloth), которое и завѣдуетъ собственно всей хозяйственной придворной частью. Въ дѣйствительности такъ называемый „гофмейстеръ" (Master of the Household) и „секретарь зеленаго стола" (Secretary of Green Cloth), замѣняя собой на практикѣ оберъ-гофмейстера, являются истинными господами и хозяевами въ его департаментѣ и низводятъ его по наружности сложную и разнообразную должность къ простому почетному званію политическаго характера, едва ли нуждающемуся, поэтому, въ томъ высокомъ окладѣ жалованья, которое онъ получаетъ (2,000 фун. стерл.). „Едва ли, — говоритъ трактатъ, — существуетъ въ Англіи городъ, въ которомъ не находились бы лица, желающія исполнять болѣе тяжелыя обязанности мэра безъ всякаго вознагражденія... тѣмъ болѣе возможно было бы уменьшить содержаніе „оберъ-гофмейстера", по крайней мѣрѣ, наполовину; лишнимъ для того доводомъ является то соображеніе, что нынѣшній „оберъ-гофмейстеръ" (графъ Спенсеръ) и безъ того получаетъ казенное содержаніе по званію отставного вице-адмирала, и что существуютъ же нѣкоторыя придворныя должностныя лица, къ сожалѣнію, немногія, какъ, напримѣръ, „графъ-маршалъ" (Earl Marshal), которыя совсѣмъ даже не получаютъ никакого жалованья, довольствуясь однимъ почетомъ".

Слѣдующее за „оберъ-гофмейстеромъ" мѣсто въ его департаментѣ, это — весьма важная по рангу, но несоотвѣтствующая по названію должность „казначея" (Treasurer — 904 фунт.

жалованья); она также имѣетъ политическій характеръ, т. е. мѣняется съ каждымъ министерствомъ, и также мало въ сущности связана съ какими-либо положительными обязанностями. „Казначей", по закону предполагается, замѣняетъ собой оберъ-гофмейстера въ его отсутствіе или служитъ ему помощникомъ. Но, какъ мы уже видѣли, послѣдній самъ почти не имѣетъ фактически никакого дѣла, и, слѣдовательно, эта должность существуетъ какъ будто для того, чтобы по временамъ что-нибудь дѣлать по должности, по которой нечего дѣлать. „Здѣсь вполнѣ примѣняется, — по словамъ трактата, — національная матросская острота въ формѣ слѣдующей трилогіи: Капитанъ: „Что ты здѣсь дѣлаешь, Томъ?" Томъ: „Ничего не дѣлаю, сэръ". Капитанъ: „А ты что дѣлаешь, Дикъ?" Дикъ: „Помогаю Тому, сэръ". Въ томъ же родѣ, по утвержденію трактата, и должность контролера придворнаго вѣдомства (Controller of the Household — 904 фунта стерлинговъ содержанія) [1].

Первая должность въ этомъ департаментѣ, которая дѣйствительно связана съ дѣломъ, это должность такъ называемаго „гофмейстера" (Master of the Household). Онъ имѣетъ полный контроль за всѣмъ придворнымъ хозяйствомъ и, вообще, дѣлаетъ все то, за что „оберъ-гофмейстеръ", „казначей" и „контролеръ" получаютъ жалованье. Въ свою очередь „гофмейстеръ" получаетъ весьма высокій окладъ содержанія — 1,158 фунтовъ стерлинговъ, квартиру и столъ во дворцѣ, и, кромѣ того, имѣетъ большое количество помощниковъ въ лицѣ двухъ „секретарей", „кассира", нѣсколько клерковъ и кучи другихъ служащихъ лицъ, между коими фигурируетъ даже должность „нужной женщины" (necessary woman). Правой рукой гофмейстера является „клеркъ кухни и надсмотрщикъ дворцоваго хозяйства" (Clerk of the Kitchen and Superintendant of the Household), получающій до 700 фунтовъ стерлинг. жалованья; вмѣстѣ съ своими четырьмя помощниками, онъ ведетъ всѣ счеты на кухнѣ, провѣряетъ вѣсъ и мѣру и даетъ распоряженія поставщикамъ. Собственно кухонный штатъ со-

---

[1] Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV, стр. 12.

стоитъ изъ „главнаго повара“ (700 фунтовъ стерлинговъ содержанія), четырехъ поваровъ и нѣсколькихъ помощниковъ и помощницъ, между прочимъ, двухъ кондитеровъ (старшій—300 ф. с. жалов.), пирожника, булочника и трехъ женщинъ для приготовленія кофе. Кромѣ того, въ связи съ кухней состоитъ немаловажная должность „ключника-погребщика“ (The Gentleman of the Wine and Beer Cellar), получающаго до 500 ф. с. жалованья и имѣющаго подъ своимъ начальствомъ трехъ служителей; его обязанность состоитъ въ выборѣ и покупкѣ винъ для двора, надзорѣ за сбереженіемъ и доставкѣ къ столу. За этимъ слѣдуетъ въ департаментѣ оберъ-гофмейстера длинная вереница придворныхъ служителей всевозможнаго наименованія и для различнаго назначенія; такъ, для накрытія королевскаго стола, сбереженія посуды, носки угля и т. д. существуетъ такое множество служителей, что остается лишь удивляться, какое дѣло они могутъ находить... Особенно многочисленъ штатъ носильщиковъ и привратниковъ: однихъ носильщиковъ угля при дворѣ считается 13 человѣкъ, не говоря о длинной фалангѣ прочихъ носильщиковъ.

Но помимо перечисленныхъ, при департаментѣ „оберъ-гофмейстера“ состоитъ еще нѣсколько наслѣдственныхъ почетныхъ должностей безъ вознагражденія и нѣсколько должностей, имѣющихъ исключительно назначеніе синекуръ — должностей уже ровно безъ всякаго дѣла, хотя и съ болѣе или менѣе значительнымъ содержаніемъ. Къ первымъ принадлежитъ должность „наслѣдственнаго великаго раздавателя милостыни“ (Hereditary Grand Almoner), которая переходитъ по наслѣдству въ родѣ маркизовъ Экзетеръ (Exeter); вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы при коронаціи государя раздавать народу милостыню съ серебрянаго блюда, которое потомъ дѣлается его собственностью и составляетъ единственное вознагражденіе его должности. Вторая, похожая на нее должность, это — „лорда высокаго раздавателя милостыни“ (Lord High Almoner), связанная всегда съ лицомъ, занимающимъ санъ епископа Оксфордскаго. На его обязанности лежитъ три раза въ году (и, между прочимъ, непремѣнно въ Страстной четвергъ), раздавать королевскую милостыню бѣднымъ.

Никакого за это вознагражденія не полагается, хотя въ то же время существуютъ нѣкоторыя придворныя должности, связанныя отнюдь не съ бо̀льшимъ количествомъ труда, и, тѣмъ не менѣе, дающія ихъ представителямъ хорошіе оклады. Такъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть, во-первыхъ, должность „придворнаго судьи“ Knight Marshal (500 фунтовъ стерлинговъ жалованья) и его восьми помощниковъ (по 100 фун. стерлинговъ каждый). Никакихъ почти судебныхъ дѣлъ въ области ихъ юрисдикціи не возникаетъ, и деньги получаются положительно задаромъ.

Одинаково чистый типъ синекуры представляетъ должность „смотрителя Виндзорскаго парка“ (Ranger of Windsor Home Park — 500 ф. с.), которую въ царствованіе королевы Викторіи занималъ принцъ Альбертъ, мужъ королевы, вдобавокъ ко многимъ инымъ синекурамъ, которыя ему принадлежали. Отдавая должную честь всѣмъ его достоинствамъ, ливерпульское общество неоднократно указываетъ на несообразность и вредъ соединенія въ его лицѣ цѣлой кучи должностей, изъ которыхъ большинство не связано фактически ни съ какими обязанностями. Въ самомъ дѣлѣ, принцъ Альбертъ, при заключеніи своего брака съ королевой, получилъ отъ парламента 30,000 ф. с. ежегоднаго содержанія, и, сверхъ того, онъ числился въ британской арміи фельдмаршаломъ, съ полнымъ окладомъ по должности, состоялъ полковникомъ двухъ полковъ, опять-таки съ жалованьемъ, занималъ должности двухъ смотрителей двухъ же Виндзорскихъ парковъ, завѣдывалъ казенной фермой со всѣми отъ нея доходами и т. д. Такимъ образомъ, онъ въ дѣйствительности получалъ гораздо больше денегъ, нежели сколько парламентъ предполагалъ ему давать; но этимъ вовсе не ограничивается невыгодная сторона дѣла. „Принцъ Альбертъ, — говоритъ одинъ изъ трактатовъ общества, — служитъ яркимъ примѣромъ неудовлетворительности нашихъ порядковъ: занимая съ окладами цѣлый рядъ должностей, которыхъ даже и физически выполнить не можетъ, онъ служитъ реальнымъ оправданіемъ, поддержкой всей системы синекуризма и плюрализма, системы дарового полученія государственныхъ денегъ. Пока такія высокія лица являются лично заинтересо-

ванными въ существованіи зла, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться отъ него скоро избавиться“ [1].

Третій и послѣдній департаментъ [2] „оберъ-шталмейстера“ (на него расходуется 27,650 ф. с.) немногочисленъ по составу, но зато самый счастливый по окладамъ жалованья, нѣсколько разъ подвергавшимся увеличенію въ послѣднее время. Глава его, „оберъ - шталмейстеръ“, по совершенно неизвѣстной причинѣ, получаетъ 2,500 ф. с. содержанія, т. е. на одну четверть больше, нежели его товарищи, оберъ - камергеръ и оберъ - гофмейстеръ, для чего нѣтъ оправданія ни въ размѣрахъ его дѣятельности, ни въ особой важности его поста. Обязанность его состоитъ въ высшемъ надзорѣ за королевскими конюшнями, экипажами, конскими заводами и частью за всѣмъ относящимся къ королевскимъ путешествіямъ и охотамъ. Въ сущности его должность есть такая же политическая синекура, переходящая изъ рукъ въ руки при всякой перемѣнѣ министерства, какъ награда со стороны политической партіи одному изъ своихъ крупныхъ приверженцевъ, однимъ словомъ, такъ же, какъ и должности его упомянутыхъ товарищей. Такой же совершенно характеръ должности безъ дѣйствительной службы имѣетъ и его ближайшій помощникъ „главный конюшій“ (Cheif Equerry) которому почему-то съ 1837 г. увеличили жалованье вдвое — съ 500 на 1,000 ф. с.

Кое - что дѣлаютъ такъ называемые „обыкновенные конюшіе“ (Equerries in Ordinary), которые большею частью назначаются изъ военныхъ генераловъ (четверо, съ жалованьемъ по 750 ф. с. каждый). Но и ихъ обязанность состоитъ, собственно, еще не въ надзорѣ и управленіи конюшнями, а чтобы состоять по очереди при королѣ и передавать его распоряженія насчетъ требуемыхъ экипажей и разныхъ удобствъ при путешествіяхъ, которыя и совершаются въ ихъ присутствіи. На-

---

[1] См. Financial Reform Tracts. Second Series, № VII. The Way the Public Money goes an Placeholders and Sinecurists, стр. 30. № XIII. Governmental Improvidence: its Causes, Results and only Effective Cure, стр. 7 и 8. № XIV. The Royal Household, стр. 15.

[2] Четвертый департаментъ оберъ - гардеробмейстера по высшему надзору примыкаетъ къ департаменту оберъ - камергера, гдѣ мы о немъ уже говорили.

сколько такая обязанность несложна—видно изъ того, что полковникъ Миддльтонъ Биддёльфъ, „гофмейстеръ“ и дѣйствительный глава цѣлаго департамента, находилъ время состоять здѣсь сверхштатнымъ конюшимъ (Extra Equerry). Одно изъ двухъ — или нѣтъ надобности въ этомъ сверхштатномъ назначенiи при четырехъ конюшихъ, или же, что очень вѣроятно, Биддёльфъ исполнялъ въ дѣйствительности вмѣстѣ съ своимъ дѣломъ и крайне немногосложную обязанность четырехъ своихъ товарищей по департаменту „оберъ-штальмейстера“, который, нося еще вдобавокъ титулъ „короннаго конюшаго“ (въ то время маiоръ Гревсъ — 800 ф. с. жалованья), исполняетъ всѣ обязанности своихъ болѣе титулованныхъ товарищей и завѣдуетъ всѣмъ дѣломъ вмѣстѣ съ нѣсколькими клерками и цѣлымъ штатомъ конюховъ, кучеровъ и форейтеровъ.

Но ни одна, можетъ быть, должность во всемъ цивиль-листѣ не напоминаетъ въ такой степени обычаи и понятiя среднихъ вѣковъ, какъ должность „наслѣдственнаго великаго сокольничьяго“ (Hereditary Grand Falkoner), передающаяся изъ рода въ родъ, въ фамилiи герцоговъ Сентъ-Альбанъ, и дающая имъ ежегодный доходъ въ 1,200 ф. с. Какъ всѣмъ извѣстно, этотъ родъ охоты уже давно вышелъ изъ употребленiя, и король великобританскiй не владѣетъ ни однимъ соколомъ и, тѣмъ не менѣе, какъ видимъ, существуетъ столь дорого оплачиваемый служащiй для этой охоты. Существованiе въ XIX вѣкѣ такой должности, — замѣчаетъ по этому поводу ливерпульское общество, — является такимъ же абсурдомъ, какъ если бы вздумали учредить должность „наслѣдственнаго великаго охотника на драконовъ“, „наслѣдственнаго великаго хранителя миѳическаго гриффона“ и т. п!.. Нелѣпость въ обоихъ случаяхъ была бы одинаковая и „платить его свѣтлости герцогу Сентъ-Альбанъ порядочныя деньги за право носить это смѣшное прозвище, значитъ, — заключаетъ трактатъ, — обирать народъ“ [2].

Не много болѣе основанiя имѣетъ въ настоящее время существованiе должности „оберъ-гофмейстера“ (Master of the

---

[1] Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV, стр. 30.

Buckhounds), завѣдывающаго королевской охотой, собаками и егерями, на что расходуется вмѣстѣ съ его жалованьемъ (1,700 ф. с.) свыше 8,000 ф. с. Царствовавшая въ то время, королева никогда не охотилась, и, слѣдовательно, деньги эти тратились задаромъ, увеличивая число государственныхъ синекуръ, служащихъ лишь приманкой для честолюбивыхъ членовъ аристократіи къ политическимъ интригамъ и махинаціямъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка личнаго состава придворнаго вѣдомства, необходимо упомянуть еще о двухъ наслѣдственныхъ должностяхъ, на этотъ разъ существующихъ безъ всякаго вознагражденія: во-первыхъ — „графъ-маршалъ Англіи“ (Earl Marshall), наслѣдственная должность въ фамиліи герцоговъ Норфолькъ, которая представляетъ собой соединеніе обязанностей оберъ-церемоніймейстера и оберъ-герольдмейстера. „Графъ маршалъ“ устанавливаетъ церемоніалъ и публикуетъ его при королевскихъ крестинахъ, свадьбахъ, коронаціяхъ и тому подобныхъ торжествахъ. Сверхъ того, онъ же завѣдуетъ департаментомъ герольдіи, видаетъ дипломы, заноситъ въ регистръ и подписываетъ королевскія пожалованія, ведетъ родословное древо и т. п.

Другая наслѣдственная, подобная же должность — „лорда великаго камергера“ (Lord Great Chamberlain), который въ то же время считается номинально почетнымъ губернаторомъ вестминстерскаго дворца, ключи коего и передаются ему въ парадные, торжественные дни. Въ такое время „джентльменъ-привратникъ черной трости“, о должности котораго мы уже говорили, состоитъ подъ его начальствомъ. При коронаціяхъ и тому подобныхъ торжествахъ онъ распоряжается убранствомъ парадныхъ залъ. Когда король въ процессіи отправляется въ парламентъ „лордъ великій каммергеръ“ вручаетъ государственный мечъ министру, который несетъ его впереди, а самъ онъ идетъ по правую сторону короля. Во время парламентскихъ засѣданій, наконецъ, онъ имѣетъ высшій надзоръ надъ извѣстнымъ распорядкомъ въ палатѣ лордовъ, а при открытіи или распущеніи парламента онъ выдаетъ входные билеты. Должность эта была издревле наслѣдственна въ фамиліи Виллогуби де-Кресби (Willougby d'Cresby), но фамилія раздѣ-

лилась нынче на двѣ вѣтви, и должность отправляется сообща или поочередно лордомъ Виллоугби и маркизомъ Чолмондели (Cholmondeley). Какъ и первая должность „лордъ великій каммергеръ“ не получаетъ никакого жалованья, но имѣетъ нѣкоторые установленные обычаемъ доходы въ видѣ пошлинъ при коронаціяхъ, пожалованіи кого-либо званіемъ „пэра“ и наконецъ при назначеніи епископовъ на кафедру. Послѣднее составляетъ крайне курьезный остатокъ среднихъ вѣковъ, уцѣлѣвшій до нашего времени при англійскомъ дворѣ. Каждый прелатъ, при назначеніи его куда-нибудь епископомъ или архіепископомъ, или даже переводѣ съ одной кафедры на другую, обязанъ уплатой извѣстныхъ пошлинъ или денежныхъ подарковъ, во-первыхъ, главнымъ государственнымъ людямъ, начиная съ лорда-канцлера и хранителя государственной печати, и, кромѣ того, значительной части придворнаго штата. Размѣръ этихъ подарковъ строго установленъ обычаемъ и собственно двору архіепископъ раздаетъ 224 ф. с. 10 шил. и 8 пенсовъ, а епископъ — 112 ф. 5 ш. 4 п. Сумма эта распредѣляется между множествомъ лицъ, изъ коихъ большинство никакого отношенія къ назначенію не имѣютъ: получаетъ „лордъ великій каммергеръ (10 ф. с.), получаетъ „графъ-маршалъ“ 5 ф. с. 13 ш. 4 п.), и получаетъ длинная вереница придворныхъ чиновниковъ и служителей, кончая королевскимъ поваромъ (1 ф. с. 5 ш.), барабанщиками (4 ф. с.), привратниками (1 ф. с.) и даже королевскимъ цирюльникомъ (1 ф. с.)!..[1].

---

[1] F. R. T. First Sereis, № II The Civil List, стр. 3.

Глава VII.

Продолженіе критики расходовъ на министерство двора.

Оцѣнка расходовъ по отношенію къ личнымъ интересамъ монарха. — Общіе выводы. — Уменьшеніе расходовъ двора за послѣднія тридцать лѣтъ (1848—1878 г.). — Критика пенсіонныхъ окладовъ въ вѣдомствахъ: придворномъ, судебномъ и иностранныхъ дѣлъ.—Общее заключеніе и важнѣйшіе выводы изъ всей критической дѣятельности Ливерпульской ассоціаціи.

Представленная въ предшествовавшей главѣ картина англійскаго придворнаго вѣдомства и перечень его расходовъ наводитъ невольно на весьма разнообразныя размышленія, во многомъ совпадающія съ тѣми результатами, къ которымъ приходитъ критика Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ.

Всякій непредубѣжденный читатель, просмотрѣвши приведенный списокъ чиновъ англійскаго придворнаго вѣдомства и его расходовъ, не можетъ не согласиться съ ливерпульскимъ обществомъ, что расходованіе на этотъ предметъ народныхъ денегъ въ британскомъ бюджетѣ совершается далеко безъ соблюденія должной бережливости и экономіи. Многія должности и обычаи, возникшіе въ средніе вѣка и имѣвшіе оправданіе въ тогдашнихъ понятіяхъ народа и положеніи власти, уже потеряли свой смыслъ и значеніе и давно безъ нужды и безъ пользы отягощаютъ государственный бюджетъ. Всѣ почти такъ называемыя должности съ политическимъ характеромъ, т. е. составъ которыхъ мѣняется вмѣстѣ съ министерствомъ, а также многія изъ должностей постоянныхъ, но отъ нихъ зависимыхъ

сдѣлались настоящими синекурами безъ всякаго дѣла и съ однимъ лишь значеніемъ дорогой игрушки въ рукахъ политической партіи, стоящей во главѣ управленія въ данную минуту: падаетъ министерство Гладстона, замѣняется министерствомъ Дизраели, или наоборотъ и вотъ происходитъ перетасовка и дѣлежка правительственныхъ и придворныхъ должностей между членами партіи. Послѣднія достаются почти исключительно въ руки аристократическаго класса и дѣлятся между своими, каждому по заслугамъ его! Итакъ, кромѣ вреда экономическаго — траты государственныхъ денегъ на безполезныя мѣста, — это обиліе придворныхъ должностей (около 1,000 при всемъ британскомъ дворѣ), съ хорошими окладами содержанія и съ ничтожнымъ размѣромъ дѣла, если не совсѣмъ безъ него, крайне вредно и въ политическомъ отношеніи: приманкой награды оно искажаетъ характеръ честной парламентской борьбы, поощряетъ косвенно алчность и плодитъ пустое, казовое честолюбіе. Но, кромѣ того, спрашивается, для какой полезной цѣли существуетъ вся эта помпа, эти безконечныя церемоніи, цѣлая армія придворныхъ и дворцовыхъ чиновниковъ? „На этотъ вопросъ, — говоритъ ливерпульское общество — можно отвѣчать двояко — во-первыхъ „все это существуетъ, чтобы поддержать честь и достоинство короны“, во-вторыхъ — „для личнаго комфорта и счастія монарха“. Но оба эти объясненія не выдерживаютъ даже слабой критики. Сказать, что паразиты, которые покрываютъ стволъ дуба, или ползучія растенія, которыя обвиваютъ его вѣтви, существенно нужны для его силы и красоты — было бы такъ же далеко отъ истины, какъ и утверждать, что описанная толпа синекуристовъ при британскомъ дворѣ способствуетъ чести и достоинству британской короны. Между варварскими націями Азіи и Африки, гдѣ жизнь и смерть, относительная свобода или полное рабство зависятъ отъ мановенія полудикаго владыки, тамъ, можетъ быть, такая толпа и внѣшнее великолѣпіе полезны и даже необходимы для поддержанія достоинства власти; но въ конституціонной монархіи, какъ Великобританія, между народомъ, просвѣщеннымъ и свободнымъ, гдѣ монархъ есть первый чиновникъ государства, связанный его законами — тамъ эта расточитель-

ность въ тратѣ народныхъ денегъ не только не нужна, но наоборотъ страшно вредна и опасна, ибо создаетъ недовольство въ массѣ и уваженіе къ власти превращаетъ въ презрѣніе и ненависть [1].

Еще болѣе несостоятельно положеніе, что будто бы личный комфортъ и счастіе монарха нуждаются въ настоящей организаціи британскаго придворнаго вѣдомства. Не говоря уже о высшихъ должностяхъ (политическаго характера), которыя замѣщаются и опрастываются иногда дважды или чаще въ теченіе одного года (вмѣстѣ съ перемѣною министерствъ), совершенно независимо отъ чувствъ и желаній королевы, она не можетъ почти наградить кого-либо самымъ ничтожнымъ знакомъ отличія, выбрать себѣ священника или даже назначить въ дворцовую кухню новую поломойку безъ того, чтобы для этого не спрашивалось дозволенія или согласія одного изъ многочисленныхъ чиновниковъ, отъ котораго это мѣсто зависитъ. „Многіе, вѣроятно, помнятъ, напримѣръ, — говоритъ трактатъ, — придворную бурю 1839 г., когда сэръ Робертъ Пиль, сдѣлавшись первымъ министромъ послѣ отставки министерства Мельбурна, самъ немедленно подалъ-было въ отставку лишь потому, что молодая королева захотѣла удержать при себѣ нѣсколько придворныхъ дамъ, къ которымъ она привыкла и любила и которыхъ Р. Пиль хотѣлъ отставить, желая замѣнить кандидатками своей партіи. Кончилось тѣмъ, что Пиль настоялъ на своемъ въ прямую противоположность ея желаніямъ. Весь этотъ переполохъ произошелъ изъ-за нѣсколькихъ дамъ, старыхъ и молодыхъ. Но что сказалъ бы министръ, если бы королева вздумала настаивать на выборѣ ея собственнаго „оберъ-гофмейстера“ или „оберъ-штальмейстера“ хоть съ нѣкоторыми ихъ подчиненными? Какое собственно дѣло народу до этихъ чисто ея домашнихъ назначеній? Тѣмъ не менѣе, это было бы названо полнымъ возмущеніемъ противъ законовъ; вся наша олигархія возстала бы какъ одинъ человѣкъ противъ такого нарушенія ея привилегій и, навѣрно, ни одного человѣка, вига или торія не нашлось бы въ цѣлой странѣ, который бы

---

[1] Financial Reform Tracts. Second Series. № XIV, стр. 31.

согласился служить королевѣ на этихъ условіяхъ". Итакъ, слѣдовательно, это обиліе придворныхъ чиновниковъ и огромная трата денегъ нужны не для счастья королевы, а для того класса, который въ своихъ интересахъ желаетъ этихъ тратъ. Конечно, королева не выражаетъ гласно своихъ желаній, но едва ли ихъ можно считать тайной. Украшенная всѣми семейными добродѣтелями, прекрасная супруга и мать, она, разумѣется, сердцемъ живетъ въ своемъ мужѣ и дѣтяхъ, и, окруженная вѣчно толпой придворныхъ, не имѣя возможности почти никогда остаться одной съ своимъ семействомъ, госпожей своего времени, королева, конечно, ничего такъ не жаждетъ искренно, какъ удалиться подальше отъ тягостной придворной сутолоки и лести, отъ этой праздной толпы, которая не хочетъ ни на минуту предоставить ее самой себѣ... Доказательствомъ того можетъ служить, что она такъ любитъ уединяться въ свои частные замки Осборнъ и Бальмораль [1], гдѣ хоть частью можетъ отдѣлаться отъ тоски придворной выставки этикета"...[2]

Но если этотъ многочисленный придворный штатъ не нуженъ ни „для поддержанія чести и достоинства короны", ни „для комфорта и счастья королевы" и существуетъ исключительно для удовлетворенія мелочныхъ экономическихъ поползновеній правящихъ классовъ, то, конечно, нѣтъ никакого резона, въ интересахъ цѣлаго народа, удерживать этотъ порядокъ. „Эта комбинація безполезныхъ должностей, основанныхъ на стародавнихъ обычаяхъ и правахъ, утратившихъ въ большинствѣ свой raison d'étre, эти высокіе оклады за службу, нерѣдко номинальную, должны быть подвергнуты серьезной коренной реформѣ. Обиліе придворныхъ синекуръ не потому только вредно, что кладетъ лишнюю тяжесть на шею плательщиковъ налоговъ, но оно вредитъ странѣ, какъ первый примѣръ, видный образецъ неустройства такой отрасли управленія, которая наиболѣе въ глазахъ у всѣхъ и должна бы служить лишь

[1] Оба эти замка куплены королевой и содержатся на счетъ ея собственныхъ сбереженій, безъ всякой особой помощи государства. Во все ея царствованіе ни одного новаго дворца не было выстроено на государственныя деньги.

[2] Financial Reform Tracts, № XIV стр. 32, 33.

образцомъ порядка и уваженія къ тратѣ денегъ, добываемыхъ тяжелымъ трудомъ народа". Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ убѣждена, по зрѣлымъ соображеніямъ, что трудъ экономическихъ или финансовыхъ реформъ долженъ начинаться непремѣнно съ преобразованія главной части всей системы: „ничто такъ не заслуживаетъ осмѣянія, какъ стремленіе сберегать свѣчные огарки и крошки хлѣба въ формѣ урѣзыванія жалкаго содержанія какихъ-нибудь несчастныхъ канцелярскихъ служителей (clerks) и въ то же время оставлять нетронутыми (или даже увеличивать) крупные оклады жалованья, добавочныя, наградныя и другихъ наименованій деньги, получаемыя нерѣдко высшими чинами безъ всякой заслуги". „Какъ горячая защитница всѣхъ мѣръ экономіи, согласной съ должнымъ выполненіемъ государственной службы, какъ непримиримая противница гнилой системы чрезмѣрныхъ окладовъ жалованья, синекурныхъ мѣстечекъ, незаработанныхъ пенсій и проч., Ливерпульская ассоціація убѣдилась, что никакія мѣры и реформы не могутъ быть дѣйствительны или успѣшны, пока подается заразительный примѣръ всѣхъ этихъ золъ самой короной: до тѣхъ поръ всѣ синекуристы, плюралисты и вообще всѣ лица, живущія казеннымъ жалованьемъ, могутъ указывать на первыхъ лицъ королевства, если не для оправданія себя, то, по крайней мѣрѣ, для извиненія. Какъ друзья и приверженцы конституціонной монархіи и вѣрноподданные королевской леди, такъ достойно занимающей нашъ престолъ, члены ливерпульскаго общества протестуютъ нынѣ и будутъ всегда протестовать противъ системы, которая, подъ лживымъ предлогомъ „поддержанія чести и достоинства короны" и доставленія „комфорта и счастья монарху", не удовлетворяетъ ни одной изъ этихъ задачъ, даже враждебна имъ и, напротивъ, выгодна лишь для англійской олигархіи, преслѣдующей здѣсь исключительно свои цѣли съ одинаковымъ неуваженіемъ къ истиннымъ интересамъ, какъ народа, такъ и самой короны"[1].

Общій выводъ заключается въ принятіи слѣдующихъ мѣръ

---

[1] Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV стр. 4, 33 и 34.

относительно существующей организаціи придворнаго вѣдомства (трактатъ № 1): 1) въ уничтоженіи всѣхъ должностей, имѣющихъ значеніе синекуръ, 2) въ уменьшеніи содержанія нѣкоторыхъ должностей, выше заслуги и 3) въ превращеніи всѣхъ почетныхъ должностей, напримѣръ, „оберъ-каммергера", „оберъ-шталмейстера" въ мѣста безденежныя или въ почетныя званія, какими эти должности и являются въ дѣйствительности при англійскомъ дворѣ. Такая мѣра тѣмъ болѣе возможна, что уже не будетъ новой и имѣетъ прецедентъ въ нѣсколькихъ наслѣдственныхъ придворныхъ должностяхъ (напримѣръ, лорда великаго раздавателя милостыни), которыя прежде были также соединены съ извѣстнымъ содержаніемъ, а нынѣ безвозмездны. Соединеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ должностей также должно быть тщательно избѣгаемо. Съ помощью помянутыхъ мѣръ, ливерпульское общество исчисляетъ возможнымъ сокращеніе цивиль-листа до 200,000 ф. ст. въ настоящее царствованіе и до 150,000 ф. ст. для будущаго монарха, что, по мнѣнію общества, вполнѣ достаточно, „дабы поддержать достоинство короны и честь націи". „Ассоціація финансовыхъ реформъ, — такъ заключаетъ этотъ любопытный трактатъ, — весьма далека при этомъ отъ желанія посягать на уваженіе, должное высшей власти королевства, или сдѣлать въ глазахъ чужихъ народовъ презрительнымъ ея положеніе, столь достойно занимаемое ея настоящей представительницею; напротивъ, ассоціація желаетъ поднять ее еще выше въ народномъ уваженіи, освободить ее отъ безобразныхъ наростовъ, созданныхъ себялюбіемъ и хищничествомъ былыхъ временъ, такъ чтобы эта власть заслуживала еще бо̀льшее почтеніе довольнаго и лойяльнаго народа и сдѣлалась источникомъ всякаго достоинства, воплощеніемъ всего наилучшаго" (F. R. T. First Series, № I, стр. 16).

Весьма замѣчательна господствующая черта англійскаго характера, которая находитъ себѣ проявленіе и въ дѣятельности ливерпульскаго общества. Это — нѣкоторая радужность, стойкая увѣренность въ исполненіи своихъ идеаловъ будущаго, какъ бы они съ перваго взгляда ни казались несбыточны: англичанинъ, обыкновенно съ рѣзкой, зачастую безпощадной, крити-

кой относится къ недостаткамъ своихъ учрежденій, но это не лишаетъ его спокойной увѣренности, что съ доброй волей и энергической дѣятельностью онъ достигнетъ когда-нибудь ихъ исправленія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: строя весьма широкіе планы передѣлки финансовой системы своей страны, ливерпульское общество, повидимому, вовсе не отчаивается въ полной реальности и выполнимости своихъ смѣлыхъ проектовъ экономическихъ преобразованій. Напротивъ, оно свѣтло смотритъ въ будущее и высказываетъ увѣренность, что раньше или позже настанетъ время, когда всѣ эти планы осуществятся. „Не нужно особой силы воображенія, — говоритъ въ одномъ изъ своихъ изданій общество, — чтобы предположить, что наступитъ, наконецъ, минута, когда ея величество пойметъ тотъ постыдный способъ, съ которымъ третируется ея народъ въ финансовомъ отношеніи въ олигархическихъ цѣляхъ; тогда королева явится въ парламентъ и произнесетъ слѣдующую тронную рѣчь, подобной которой не встрѣчается въ лѣтописяхъ". Эта *фантастическая рѣчь* настолько ярко знакомитъ съ наиболѣе существенными пунктами административно-финансовыхъ реформъ Ливерпульской ассоціаціи, что мы рѣшаемся привести ее въ нѣкоторомъ сокращеніи. Сначала королева, по заведенному порядку, обращается къ лордамъ совмѣстно съ членами палаты общинъ:

„Милорды и джентльмены!

„Я созвала васъ, чтобы попросить вашего совѣта и помощи въ дѣлахъ высочайшей важности, какъ для меня лично, такъ и для васъ и всей націи, благосостояніе и интересы которой Провидѣніе призвало меня блюсти. Недавнія событія, которыя я считаю излишнимъ называть по имени (крымская война), показали внѣ всякаго сомнѣнія, что *цѣлая система*, по которой установлена наша государственная служба гражданская, морская и военная, *до крайности ошибочна*. Нѣкоторыя палліативныя мѣры были предприняты съ цѣлью улучшить ее и получить лучшій классъ государственныхъ слугъ, но онѣ не тронули истиннаго корня всего зла, который заключается *въ пользованіи правительственными средствами и*

назначеніями, безъ отношенія къ заслугѣ или качествамъ протежируемыхъ лицъ. Наконецъ, мой народъ открылъ истинныя противъ зла средства, и мои министры, я надѣюсь, приведутъ въ дѣйствіе народную поговорку, которая гласитъ, что лишь „надлежащіе люди должны быть на надлежащихъ мѣстахъ", мудрость и справедливость чего, вы, конечно, вполнѣ признаете вмѣстѣ со мной.

„Между злоупотребленіями, играющими важнѣйшую роль, занимаютъ синекурныя должности, плюрализмъ и такія мѣста, которыя удерживаются лишь подъ разными предлогами для выгоды тѣхъ лицъ, которыя ихъ занимаютъ. Изъ нихъ мое собственное придворное хозяйство представляетъ поразительные образцы, которые могутъ быть приводимы въ свое оправданіе всѣми подобными же лицами въ иныхъ отрасляхъ управленія. Я не вѣрю, чтобы такое его устройство удовлетворяло чести и достоинству короны; я убѣждена, что оно противно моему комфорту и счастью такъ же, какъ вредно народу, представляя дурной примѣръ управленія, якобы съ моего личнаго согласія. Поэтому, съ помощью моихъ министровъ, я уже распорядилась о принятіи такихъ мѣръ и реформъ, которыя увеличатъ достоинство этого учрежденія, уменьшивши существенно его расходы, и сдѣлаютъ его тѣмъ, чѣмъ оно и должно быть — образцомъ для всей націи. Мнѣ доставляетъ также величайшее удовольствіе передать вамъ, что мой супругъ, столь же высокій по своему общественному положенію, сколько и достоинствамъ, желая подать добрый примѣръ всѣмъ государственнымъ людямъ, отказывается отъ всѣхъ синекурныхъ должностей и рѣшается съ этихъ поръ нести на себѣ всѣ налоги и повинности, которыя до сихъ поръ его не касались".

„Героическое мужество моей арміи и моихъ моряковъ извѣстно всему свѣту, но вслѣдствіе дурной администраціи и организаціи, мои солдаты и офицеры, хотя и храбры, какъ львы на полѣ битвы, вообще оказывались безпомощны, какъ дѣти, во многихъ весьма обыкновенныхъ случайностяхъ, имѣющихъ мѣсто въ военной службѣ. Мѣры для дѣйствительнаго преобразованія арміи и флота будутъ повергнуты на ваше обсужденіе. На первомъ планѣ стоитъ уничтоженіе вредной и постыдной

системы продажи офицерскихъ чиновъ. Заслуги и личныя качества будутъ непремѣнными условіями при назначеніяхъ и повышеніяхъ офицеровъ; что же касается до солдатъ, то будутъ приняты мѣры, чтобы улучшить ихъ состояніе физическое, умственное и моральное настолько, чтобы лучшіе изъ нихъ могли возвышаться съ самаго низшаго и до самаго высшаго ранга. Относительно флота будетъ положено за правило, что лица сухопутнаго вѣдомства не будутъ засѣдать въ адмиралтействѣ, а команда судовъ и цѣлыхъ эскадръ не будетъ болѣе поручаться лицамъ, имѣющимъ хорошую протекцію, а лишь такимъ, которыя доказали свои морскія качества и знанія и имѣютъ за собой заслуги".

Затѣмъ, королева обращается къ палатѣ общинъ:

„Джентльмены палаты общинъ!

„Я замѣтила, къ моему глубокому прискорбію, что вы исполняли свою должность управителей страны далеко неудовлетворительно. На вашей обязанности лежитъ строго изслѣдовать сущность налоговъ, взимаемыхъ съ моего народа, и способы распредѣленія денегъ для удовлетворенія потребностей государства. Въ послѣднемъ отношеніи вы предоставляли слишкомъ много власти министрамъ и ихъ подчиненнымъ. Въ виду этого я предлагаю вамъ немедленно назначить постоянный комитетъ изъ вашихъ лучшихъ и способнѣйшихъ товарищей для изслѣдованія всѣхъ финансовыхъ дѣлъ государства"...

„Рекомендую вашему наисерьезнѣйшему обсужденію весь вопросъ полученія матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія государства. Весьма вѣроятно, что система прямыхъ налоговъ, единовременно съ уничтоженіемъ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ, крайне тягостныхъ пропорціонально съ суммами, отъ нихъ получаемыми, будетъ въ равной степени производительна для казначейства и въ то же время менѣе тягостна и болѣе полезна для расширенія нашей торговли и промышленности. Налоги на доходъ и на собственность имѣютъ, конечно, свои слабыя стороны, но здравы въ самомъ принципѣ, а потому подумайте, не окажется ли возможности распространить ихъ настолько, чтобы замѣнить ими всѣ прочіе

налоги. Въ заключеніе мнѣ остается высказать мое полное довѣріе къ вашей честности и патріотизму и молить Провидѣніе, чтобы оно благословило ваши соединенные труды на общее благо“ [1].

Конечно, эта рѣчь до сихъ поръ еще не огласила парламентскихъ стѣнъ; но увѣренность Ливерпульской ассоціаціи въ цѣлесообразности поставленныхъ ею задачъ прибавляла энергіи ея членамъ для широкаго распространенія въ народѣ экономическихъ и финансовыхъ воззрѣній общества. Многое, какъ мы знаемъ, относительно расходовъ и организаціи военнаго и морского вѣдомства уже перешло въ дѣйствительность и сдѣлалось давно закономъ. Что касается собственно расходовъ на содержаніе королевскаго двора, то въ суммѣ цивиль-листа не только не произошло уменьшенія, но даже небольшое увеличеніе (вмѣсто 385 тыс. ф. ст. 406 тыс. ф. ст.), вслѣдствіе прироста и расширенія королевскаго семейства, изъ котораго каждый членъ, сверхъ того, достигши совершеннолѣтія и вступленія въ бракъ, получилъ особую дотацію, которая помѣщается особо въ отдѣлѣ пенсіонеровъ. Конечно, эти дотаціи при общемъ разсчетѣ расходовъ двора необходимо принимать во вниманіе, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, несмотря на значительное возрастаніе королевскаго семейства, не только не произошло увеличенія, но наоборотъ даже значительное уменьшеніе или сбереженіе издержекъ. Въ 1848 г. (когда были изданы въ свѣтъ два первыхъ трактата ливерпульскаго общества о цивиль-листѣ), расходы на дотаціи и пенсіи лицамъ королевской фимиліи простирались до 274 тыс. ф. ст., въ 70-хъ годахъ XIX вѣка — только 142 тыс. ф. ст.; самая крупная въ то время дотація наслѣднаго принца Уэльскаго не превосходила 40 тыс. ф. с., тогда какъ въ сороковыхъ годахъ принцъ Саксенъ-Кобургскій получалъ 50 т., а вдовствующая королева Аделаида 100,000. Такимъ образомъ, сумма денегъ, отпускаемыхъ для этой цѣли за 30 лѣтъ (1848—1878) уменьшилась на цѣлыхъ 132,000 ф. с.

---

[1] F. R. T. The Royal Household a Model to Parliament and the Nation, стр. 35, 36.

Если отсюда вычесть 21,000 ф. с., на которые увеличился англійскій цивиль-листъ (406 тыс. противъ 385 т.), то получится чистое сбереженіе на общей суммѣ расходовъ на королевскій домъ въ крупномъ размѣрѣ — 121,000 ф. с. (т. е. до 70-хъ годовъ XIX в.). Но мало того, за тотъ же періодъ времени произошла и другая крупная экономія въ расходахъ на „королевскіе дворцы и парки“, которые, какъ мы уже упоминали, въ англійскомъ бюджетѣ составляютъ особую отъ цивиль-листа статью. Въ 1856 году (время, къ которому относятся позднѣйшіе изъ разобранныхъ трактатовъ), расходъ на этотъ предметъ составлялъ слишкомъ 234 тыс. ф. с., а въ 70-хъ годахъ всѣ издержки на дворцы и парки не превосходили 140 тыс. ф. с, т. е. сбереженіе въ расходахъ 94 тыс. ф. с., а вмѣстѣ съ экономіей отъ королевскихъ дотацій это составитъ 211 тыс. ф. с. разницы въ пользу тогдашнихъ расходовъ въ сравненіи съ временемъ, къ которому относится изданіе трактатовъ ливерпульскаго общества. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе такой благопріятный результатъ бережливости, а также настоящую многочисленность королевскаго семейства, сравнительно съ сороковыми и пятидесятыми годами, размѣры британскихъ расходовъ двора, несмотря на всѣ недостатки его организаціи, нельзя назвать особенно высокими: вся ихъ совокупность, считая цивиль-листъ, сложенный съ доходами отъ удѣльныхъ имѣній (герцогство Ланкастеръ и Корнваллисъ) и особую ассигновку на дворцы и парки не превосходили въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія 704 тыс. ф. с. или менѣе 1% всѣхъ государственныхъ расходовъ (тогда какъ въ Австріи $1^1/_2$% и въ Пруссіи 2%).

Такой выводъ, послѣ описанной рѣзкой критики ливерпульскаго общества, отнюдь не долженъ казаться страннымъ, если только обратить вниманіе на нѣкоторыя особыя условія постановки этого вопроса. Нигдѣ не представляется такихъ удобствъ и столько матеріала для финансовыхъ изслѣдованій и критики, какъ въ Англіи. Общедоступность всякаго рода данныхъ и свобода ихъ обсужденія облегчаютъ критическое отношеніе къ разнымъ сторонамъ ея общественной и государственной жизни и выставляютъ ихъ недостатки рѣзче и рельефнѣе.

Поэтому сужденія объ явленіяхъ англійской жизни при отсутствіи аналогичныхъ условій для сужденія о другихъ странахъ, могутъ легко привести къ шаржировкѣ и представленію дѣла въ темномъ свѣтѣ; послѣднее вполнѣ примѣнимо и къ данному случаю. Если ограничиться поэтому для сравненія лишь огульными цифрами, то изъ нихъ окажется, что „между всѣми великими державами Великобританія того времени имѣла самый низшій размѣръ цивиль-листа“. Она была ниже въ этомъ отношеніи даже Италіи на 370 тыс. нѣмецкихъ марокъ, ниже Пруссіи почти на 2 милл. марокъ, въ полтора раза меньше Австро-Венгріи и два раза — Франціи временъ Наполеоновскаго режима [1].

Въ заключеніе, мы должны упомянуть объ одномъ родственномъ предметѣ, а именно, дотаціяхъ и пенсіяхъ, чему ливерпульское общество финансовыхъ реформъ посвятило спеціальный трактатъ (№ 3, первой серіи, по хронологическому порядку). Объ этомъ вопросѣ уже не мало говорилось прежде, при разборѣ военнаго бюджета, а въ настоящемъ случаѣ намѣтимъ лишь главнѣйшіе пункты возраженій, которыя ливерпульское общество дѣлаетъ противъ существовавшей въ Англіи системы пенсіонеровъ („Pension List“). Въ спискѣ пенсій, уплачиваемыхъ въ то время англійскимъ казначействомъ, первыми помѣщены члены королевскаго дома и между прочимъ герцогъ Кумберландскій (король Ганноверскій) — 21 тыс. ф. с. и князь Саксенъ-Кобургскій (король Бельгійскій) — 50 т. ф. с. „Ассоціація, — говоритъ трактатъ, — считаетъ своею серьезною обязанностью протестовать противъ всѣхъ такихъ выдачъ изъ народнаго дохода иностраннымъ монархамъ, находя, что эти двѣ пенсіи нарушаютъ важнѣйшіе принципы справедливости и политики. Во-первыхъ, несправедливо облагать налогами народъ одной страны для поддержанія правительства, или части правительства другой; но точно также неполитично помѣщать часть народныхъ средствъ въ распоряженіе иностраннаго правителя, такъ какъ можетъ настать время, что его интересомъ (и обязанностью относительно управляемаго

[1] См. Eduard Pfeiffer. Vergleichende Zusammenstellung der Europäischen-Staatsausgaben, 1877, стр. 69 и далѣе.

народа) сдѣлается употребить эти деньги ко вреду нашей страны. Выдача такихъ пенсій иногда защищается подъ тѣмъ предлогомъ, что этимъ способомъ пріобрѣтается для Англіи благопріятное вліяніе при этомъ дворѣ... Но, конечно, — заключаетъ трактатъ, — было бы противно чести высокихъ пенсіонеровъ предполагать, что они могутъ прямо или косвенно быть подкупаемы къ пожертвованію интересами управляемыхъ ими странъ... По этимъ соображеніямъ, ассоціація считаетъ необходимымъ уничтожить пенсіи обоихъ королей“ [1]. Вдобавокъ къ этому, ассоціація рекомендуетъ въ пенсіяхъ королевской фамиліи и другое измѣненіе: Альбертъ, принцъ-супругъ королевы Викторіи получалъ 30 тыс. ф. с. и въ то же время пользовался пятью различными званіями и должностями вмѣстѣ съ присвоеннымъ каждой изъ нихъ содержаніемъ (фельдмаршалъ арміи, полковникъ 3-го полка пѣшей гвардіи, констэбль Виндзорскаго замка, Ranger of Windsor Park и Lord Warden of the Stannaries). Всѣ эти должности прибавляли къ его пенсіи, по крайней мѣрѣ, еще одну четвертую часть. То же самое можно сказать и о герцогѣ Кэмбриджскомъ. „Ассоціація держится того мнѣнія, что это крайне вредная система — оказывать такое необыкновенное покровительство и давать власть немногимъ индивидамъ, награждая ихъ нѣсколькими должностями съ содержаніемъ въ одно и то же время. Если обязанности, связанныя съ этими должностями, такъ легки, что дозволяютъ ихъ соединеніе въ одномъ лицѣ, то въ такомъ случаѣ это служитъ лучшимъ доказатель-

---

[1] Любопытно, что обѣ эти страны (Бельгія и Ганноверъ), какъ бы удовлетворяя англійскимъ интересамъ, уже рано отличались своей либеральной торговой политикой. Бельгія, какъ извѣстно, начиная съ 1849 г., почти ежегодными реформами таможеннаго тарифа первая послѣдовала за Англіей въ политикѣ свободной торговли. Ганноверъ, точно также подъ англійскимъ вліяніемъ, образовалъ въ 1829 г. (съ Брауншвейгомъ и Ольденбургомъ) Steuerverein съ низкимъ таможеннымъ тарифомъ почти исключительно фискальнаго характера. Ганноверъ долго не хотѣлъ вступать въ германскій таможенный союзъ (Zollverein), требуя отъ него пониженія пошлинъ и высокаго вознагражденія. Онъ вступилъ въ него, наконецъ, не раньше 1853 г., съ условіемъ полученія на 75% дохода болѣе, чѣмъ тотъ, который долженъ былъ приходиться по количеству населенія. См. Thompson: Social Science, 337. Levy History of British Commerce, 409.

ствомъ, что онѣ составляютъ вредныя синекуры, требующія немедленнаго уничтоженія; если же эти должности необходимы, то тогда лучше всего ихъ поручать заслуженнымъ чиновникамъ, теперь награждаемымъ особыми пенсіями изъ народнаго кармана...“

Еще менѣе цѣлесообразными и справедливыми слѣдуетъ считать категорію вѣчныхъ пенсій, имѣющую мѣсто въ англійскомъ бюджетѣ. Сюда прежде всего относятся пенсіоны, уплачиваемые пяти лицамъ изъ доходовъ съ акциза и почты: герцогу Грефтонъ — 10,598 ф. с., герц. Марльборо — 4,000 ф. с., наслѣдникамъ герц. Шомберга — 2,900 ф. с. (прежде — 4,000), графу Кауперъ — 1,595 и наслѣдникамъ Чарльса Буна (Boone) и гр. Батса — 1,200 ф. с. Происхожденіе этихъ пенсій довольно старое и весьма любопытное. Нѣкогда англійскіе монархи имѣли неограниченное право раздачи наградъ и пенсій изъ такъ-называемыхъ наслѣдственныхъ государственныхъ доходовъ, шедшихъ въ прямое распоряженіе королей, и куда относятся два указанные источника государственнаго дохода (акцизъ и почта). Карлъ II, имѣя многихъ незаконныхъ дѣтей, возвелъ троихъ въ герцогское достоинство и далъ, напр., означенную пенсію Грефтону съ его наслѣдниками навсегда (for ever), почему его потомокъ и пользуется ею до настоящаго времени. Королевская грамота, выданная по этому случаю предку Грефтона — лорду Фицрой съ характерной наивностью того времени гласитъ: „Все это мы жалуемъ вслѣдствіе нашей сильной любви и расположенія къ лорду Джорджу Фицрой, нѣкогда называвшемуся лордомъ Пальмеръ — одному изъ нашихъ натуральныхъ дѣтей отъ герцогини Варвары Клевелендъ“. Трудно было выдумать, замѣчаетъ одинъ трактатъ, болѣе горькую сатиру, какъ девизъ данный теперь этому новому герцогскому роду: „Et decus et pretium recti!“ [1]. Такимъ образомъ всѣ указанныя пенсіи существуютъ сотни лѣтъ и поглотили сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ государственныхъ средствъ, безъ всякой на то заслуги со стороны самихъ пенсіонеровъ, почему трактатъ справедливо требуетъ ихъ немедленнаго уничтоженія.

---

[1] Financial Reform Tracts. № VII, стр. 27.

То же самое рекомендуется и относительно многихъ другихъ наслѣдственныхъ пенсій, дарованныхъ и перешедшихъ къ дѣтямъ, внукамъ и племянникамъ разныхъ лицъ, отличившихся преимущественно въ морской и военной службѣ (напр., внуки адмирала Роднея, Нельсона и т. п.). При этомъ ассоціація финансовыхъ реформъ выставляетъ на видъ слѣдующее общее правило: выдавать пенсіи только лицамъ, оказавшимъ чрезвычайныя заслуги странѣ, такъ какъ жалованье должно быть настолько приличныхъ размѣровъ, чтобы дать возможность всякому служащему позаботиться лично о собственномъ обезпеченіи въ будущемъ. Поэтому же можетъ быть удобнѣе при отставкѣ награждать чиновника единовременно болѣе или менѣе значительной суммой денегъ. Переходить къ дѣтямъ пенсія можетъ только въ томъ случаѣ, если лицо, заслужившее пенсію, лишилось жизни при исполненіи своихъ обязанностей, или, получивши пенсію, не успѣло ею воспользоваться и оставило свою семью въ положительной бѣдности, (принципъ, который теперь совершенно не соблюдается). Во всякомъ случаѣ, далѣе дѣтей пенсія не переходитъ.

Кромѣ того, власть правительства въ назначеніи пенсіи (помимо парламента) ограничена, какъ мы знаемъ, максимумомъ въ 1,200 ф. с. всего ежегоднаго расхода. Ассоціація финансовыхъ реформъ совѣтуетъ настоятельно сократить это право еще болѣе, въ видахъ экономіи народныхъ денегъ, и, сверхъ того, лишить права отдѣльныя отрасли государственнаго управленія назначать пенсіи своимъ чиновникамъ въ извѣстныхъ размѣрахъ. Такъ, адмиралтейство назначаетъ 6 пенсій въ годъ до 3,000 ф. с. размѣромъ, также и нѣкоторыя другія учрежденія. По мнѣнію общества, такая привилегія отдѣльныхъ учрежденій крайне несправедлива и вредна для народныхъ интересовъ: право раздавать пенсіоны за изъятіемъ, сдѣланнымъ въ пользу правительства, или точнѣе, королевы (на сумму 1,200 ф. с.), должно исключительно принадлежать одному парламенту.

Затѣмъ ливерпульское общество разбираетъ категорію личныхъ пенсіоновъ, получаемыхъ за заслуги на юридическомъ и дипломатическомъ поприщѣ. Признавая справедливымъ и необходимымъ награждать пенсіями лицъ судебнаго вѣдомства,

ливерпульское общество сильно возстаетъ противъ пенсій дипломатамъ. „Дипломатическіе пенсіоны,—говоритъ цитированный трактатъ — почти всѣ не заслужены. Дипломаты получаютъ, во-первыхъ, очень большое жалованье и слѣдовательно имѣютъ полную возможность сбереженія и, во-вторыхъ, почти никто изъ нихъ, кажется, не оказалъ странѣ особыхъ заслугъ: напротивъ, во многихъ случаяхъ они оказались хуже, нежели безполезными, ибо лишали націю возможности пользоваться ея изолированнымъ островнымъ положеніемъ и втягивали Англію въ круговоротъ европейской политики, стоившій нашему народу не мало денегъ“ [1]. По этимъ соображеніямъ, трактатъ предлагаетъ оставить пенсіи дипломатическихъ чиновниковъ всего на десять лѣтъ, ежегодно уменьшая ихъ на одну десятую, а также уничтожить и многочисленныя, а въ совокупности дорого стоющія пенсіи всевозможныхъ заштатныхъ чиновъ, занимавшихъ безполезныя должности, нынѣ уничтоженныя и прежде большею частью вознаграждаемыя изъ цивильлиста.

Всѣ сокращенія, предлагаемыя обществомъ, въ издержкахъ на пенсіи должны сберечь странѣ нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, съ тѣхъ поръ въ этомъ отдѣлѣ государственныхъ расходовъ сдѣланы значительныя сбереженія: вѣчныя пенсіи, если не уничтожены, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ уменьшены въ размѣрахъ и на однѣхъ только дотаціяхъ и пенсіяхъ королевскаго семейства сдѣлано въ послѣднія 30 лѣтъ сбереженіе на сумму не менѣе 132 тыс. ф с. въ годъ.

Въ заключеніе, Ливерпульская ассоціація сочла нужнымъ объяснить, что перемѣны, ею предлагаемыя, защищаются не изъ какихъ-нибудь личныхъ интересовъ, а для того лишь, „чтобы предупредить возможность народнаго бѣдствія и по тому, что нація вызывается къ реформамъ непреложной необходимостью: промышленность и торговля страны парализованы и производительные классы народа вслѣдствіе того обѣднѣли. При такихъ-то условіяхъ, съ государственнымъ долгомъ

[1] Financial Reform Tracts: The Penson List, стр. 5.

свыше 700 мил., тягость налоговъ превышаетъ то, что народъ можетъ свободно нести. Непосильное бремя это должно быть немедленно облегчено, иначе это грозитъ большими несчастіями"...

До сихъ поръ мы познакомили читателей съ критикой ливерпульскаго общества, относящейся къ четыремъ министерствамъ: военному, морскому, министерству колоній, двора и, наконецъ, вопросу о пенсіяхъ, который имѣетъ отношеніе ко всѣмъ отраслямъ государственной службы. Въ заключеніе намъ слѣдовало бы перейти къ расходамъ другихъ министерствъ, но мы не считаемъ удобнымъ это сдѣлать по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, распредѣленіе предметовъ вѣдомства по отдѣльнымъ правительственнымъ органамъ въ Англіи настолько оригинально, что не укладывается въ обыкновенныя мѣрки раздѣленій министерствъ, принятыхъ въ остальной Европѣ, и не всегда подходитъ подъ континентальныя понятія о размѣрахъ дѣятельности государства. Достаточно указать для примѣра расходы на народное просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ: въ этомъ послѣднемъ отношеніи Англія, за тридцать лѣтъ, (1850—1880) сдѣлала огромный прогрессъ и увеличила расходы въ двѣнадцать разъ; но было бы ошибочно, по примѣру другихъ странъ, только по этой цифрѣ ($2^1/_3$ мил. ф. с.) судить о заботахъ англійскаго народа о своемъ просвѣщеніи. Дѣло въ томъ, что въ противоположность остальной Европѣ, весьма значительная доля расходовъ тамъ на потребности образовательныя и научныя покрывается изъ частныхъ, общественныхъ и благотворительныхъ источниковъ помимо казны, почему всякія сравненія съ другими странами и расчеты дѣлаются весьма затруднительными. Во-вторыхъ, ливерпульское общество сосредоточило свою критическую дѣятельность преимущественно на четырехъ разобранныхъ уже нами отрасляхъ управленія; о другихъ она трактуетъ лишь частью, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, такъ что, слѣдовательно, полной картины порядковъ и недостатковъ остальныхъ министерствъ нарисовать невозможно. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы и ограничиваемся сдѣланнымъ, т. е. лишь четырьмя описанными министерствами.

Въ заключеніе же нашего этюда подведемъ итогъ его главнѣйшимъ и важнѣйшимъ выводамъ въ области критики англійскихъ государственныхъ расходовъ.

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ критической дѣятельностью Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ, заключается, нѣтъ сомнѣнія, въ самой широкой свободѣ обсужденія всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ ея изслѣдованій. Касается ли дѣло недостатковъ какого-либо учрежденія или личныхъ качествъ какого-либо чиновника, хотя бы онъ занималъ самый высокій постъ, ливерпульское общество вещи и людей называетъ ихъ именами, не прибѣгая къ обинякамъ и не стѣсняясь ничѣмъ рѣшительно, кромѣ общепринятыхъ правилъ литературнаго приличія. Но, несмотря, однако, на всю свою откровенность въ сужденіяхъ и критикѣ общественнаго и государственнаго устройства Англіи, общество ни разу во всѣхъ своихъ многочисленныхъ трактатахъ не упоминаетъ, тѣмъ не менѣе, о положительныхъ злоупотребленіяхъ съ криминальнымъ характеромъ, въ родѣ, напримѣръ, преступленій противъ казеннаго имущества. Въ первомъ отдѣлѣ военныхъ расходовъ, припомнимъ, много говорилось о синекуризмѣ, о плюрализмѣ, о незаслуженныхъ пенсіяхъ, вообще о расточительныхъ тратахъ казенныхъ денегъ, обусловленныхъ неправильнымъ строемъ администраціи, протекціей и кумовствомъ: все это недостатки, конечно, весьма крупные и вредные, но которые въ обыкновенномъ смыслѣ нельзя подвести подъ понятіе криминала. Далѣе тамъ много говорилось о негодности англійскихъ военачальниковъ, крайне дурной организаціи въ крымскую войну военнаго хозяйства, транспортныхъ и санитарныхъ средствъ, вслѣдствіе чего солдаты то голодали, то умирали безъ помощи, хотя недалеко находились изобильные склады провизіи и медикаментовъ и т. д., но нигдѣ въ то же время не говорилось тамъ, чтобы эти склады, напримѣръ, исчезали неизвѣстно куда, чтобы комиссаріатъ наживался на счетъ казны, начальники частей наживались на счетъ солдатъ, поставщики насчетъ обѣихъ сторонъ и о тому подобныхъ преступленіяхъ противъ казенной и частной собственности. Точно также въ отдѣлѣ о морскомъ министерствѣ приводится длинный

рядъ примѣровъ дурного строительства военнаго адмиралтейства, но нигдѣ не упоминается ни полъ слова о наживѣ строителей, о счетахъ за постройку судовъ выше ея дѣйствительной стоимости, о взяткахъ и т. д. Единственное правонарушеніе: это — замѣна слова „передѣлка“ въ отчетахъ адмиралтейства словомъ „починка“; но и этотъ маневръ употребляется лишь съ цѣлью менѣе шокировать общественное мнѣніе неудачной постройкой. При рѣзкой критикѣ зачастую мелкихъ недостатковъ дѣятельности или промаховъ лицъ самыхъ высокопоставленныхъ (начиная съ супруга королевы) объяснить это молчаніе нежеланіемъ или опасеніемъ невозможно, и единственно вѣроятное объясненіе можетъ заключается лишь въ томъ, что эти злоупотребленія въ англійской администраціи сравнительно рѣдки, единичны, почему ливерпульскому обществу и приходится толковать почти исключительно о слабыхъ лишь сторонахъ самой организаціи управленія. Эта относительная рѣдкость злоупотребленій противъ казенной собственности служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что несмотря на нѣкоторые недостатки правительственной системы, ядро всего англійскаго государственнаго устройства вполнѣ здорово и способно къ постоянному и прочному совершенствованію. Общественная самодѣятельность и свободная пресса—вотъ тѣ два могучіе фактора, благодаря зоркому наблюденію которыхъ затрудняется и ограничивается появленіе и развитіе всевозможныхъ злоупотребленій.

Второй выводъ, который получается изъ знакомства съ трудами ливерпульскаго общества, состоитъ въ тѣсной и неразрывной связи всѣхъ финансовыхъ преобразованій вообще, и сокращенія государственныхъ расходовъ въ особенности, съ измѣненіемъ административной системы. Какъ мы знаемъ, слабые пункты организаціи англійскаго управленія заключаются въ существованіи множества синекуръ, т. е. должностей безъ дѣла, или съ весьма малымъ количествомъ его и непропорціонально высокимъ окладомъ жалованья; затѣмъ, какъ частое послѣдствіе этого зла—плюрализмъ, т. е. соединеніе нѣсколькихъ должностей вмѣстѣ съ нѣсколькими окладами въ лицѣ одного служащаго и, наконецъ, полученіе чиновниками раз-

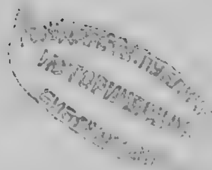
народныхъ добавочныхъ казенныхъ содержаній всевозможнаго наименованія въ различныхъ случаяхъ и подъ разными предлогами. Вредъ этой системы важенъ, какъ мы доказывали, въ двухъ направленіяхъ: въ административномъ и финансовомъ. Во-первыхъ, такъ какъ всѣ эти прибавки и синекуры непремѣнно раздаются и распредѣляются произвольно, то мѣсто законныхъ нормъ, опредѣляющихъ вознагражденіе служащихъ, сообразно ихъ заслугамъ и качествамъ, занимаетъ протекція, кумовство и вообще личная прихоть, и чиновникъ становится не слугою своихъ обязанностей, а своего ближайшаго начальства, отъ воли котораго зависитъ, съ помощью всѣхъ этихъ прибавокъ, значительно улучшить его матеріальное положеніе. Финансовый вредъ такой системы не менѣе важенъ, чѣмъ административный: огромныя суммы, какъ мы видѣли, затрачиваются во всѣхъ вѣдомствахъ на безполезныя должности и разныя прибавки къ окладамъ; деньги, которыя могли бы быть сбережены для плательщиковъ налоговъ или употреблены производительно, уходятъ на безполезно многочисленный штатъ чиновниковъ, изъ которыхъ многіе въ свою очередь могли бы дать своему труду болѣе плодотворное для страны назначеніе. Но какъ ни великъ этотъ вредъ, бороться противъ него нельзя, иначе какъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ тѣхъ причинъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе самаго зла. Одной изъ ближайшихъ — являются существующія формы администраціи, и съ преобразованія ихъ, слѣдовательно, должна начинаться всякая серьезная реформа сокращенія расходовъ. Насколько это положеніе вѣрно, мы могли судить на основаніи неподкупнаго свидѣтельства цифровыхъ данныхъ о финансовомъ положеніи британскихъ колоній. Государственные расходы строго сообразуются и идутъ тамъ рука объ руку съ формой самоуправленія и расширеніе послѣдняго немедленно всегда отражается на уменьшеніи расходовъ (Новый Южный Уэльсъ).

Третій и послѣдній выводъ относится по существу не къ содержанію нашего этюда, а къ самой внѣшней дѣятельности ливерпульскаго общества и той роли, которую оно играетъ въ усовершенствованіи и правильномъ развитіи законодательства своей страны. Основанное немногими единомышленниками, въ са-

мыхъ скромныхъ размѣрахъ, но съ весьма широкой задачей преобразовать финансовую систему Англіи, общество это весьма скоро привлекаетъ къ себѣ вниманіе народа, находитъ многочисленныхъ сторонниковъ и видимо оказываетъ воздѣйствіе на государственную жизнь, осуществляя свои планы и стремленія въ видѣ различныхъ административныхъ и финансовыхъ преобразованій, благодѣтельныхъ для народа. При свободной прессѣ и иныхъ благопріятныхъ условіяхъ англійской жизни все это происходитъ, какъ мы видѣли, весьма просто и естественно: удачная мысль какого-нибудь частнаго человѣка находитъ себѣ сочувствіе въ нѣсколькихъ лицахъ и затѣмъ ихъ совмѣстная дѣятельность продолжается въ разъ данномъ направленіи, и въ результатѣ она можетъ получить, если совпадаетъ съ потребностями своего времени, значеніе крупнаго историческаго событія, оказывающаго (какъ, напримѣръ, лига противъ хлѣбныхъ законовъ) сильное вліяніе на всю страну и на все ея будущее. Такимъ образомъ, никакая оригинальная мысль частнаго лица въ Англіи по вопросу общественнаго благоустройства, если только она способна вызвать сочувствіе и имѣетъ современный практическій смыслъ, не остается безъ приложенія и отнюдь не пропадаетъ даромъ, но приноситъ свою долю пользы общему благу. Но подобный результатъ частной иниціативы возможенъ лишь при одномъ непремѣнномъ условіи: широкомъ развитіи общественной самодѣятельности, которая придаетъ всей исторіи англійскаго управленія такую устойчивость, крѣпость, нѣсколько медленное, но въ тоже время вѣрное и постоянное движеніе къ прогрессу и усовершенствованію всѣхъ государственныхъ учрежденій. Англія не знаетъ скачковъ въ исторіи своего развитія, но зато не ставитъ и точекъ въ ходѣ своихъ реформъ и преобразованій. Этимъ, вѣроятно, объясняется и тотъ странный фактъ, что нѣкоторыми изъ своихъ наиболѣе замѣчательныхъ реформъ послѣдняго времени, коренныхъ въ принципіальномъ смыслѣ (напримѣръ, введеніе походнаго налога, расширеніе правъ представительства въ 1867—1868 гг., новые фабричные законы и т. д.), Англія обязана консервативнымъ министерствамъ, отъ которыхъ естественно было бы ждать противодѣйствій этимъ реформамъ, направленнымъ противъ интересовъ

правящихъ классовъ, а никакъ ни проведенія, ни поддержки такихъ мѣръ. Очевидно, прогрессивныя стремленія англійскаго народа настолько сильны, несмотря на многія архаическія черты его общественной жизни, что передъ ними становятся ничтожны личныя воззрѣнія того или иного министра и членовъ его партіи, временно стоящей во главѣ правительства.

Итакъ, лишь общественная самодѣятельность и частный законодательный починъ, въ связи съ свободной печатью, какъ доказываютъ всѣ данныя, привели Англію къ цвѣтущему положенію ея финансовъ и тѣмъ самымъ указываютъ единственный вѣрный путь, по которому должна слѣдовать каждая страна, желающая достигнуть той же цѣли съ наименьшей потерей народныхъ средствъ и силъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Библіотека „Просвѣщенія“.

№ 1. **Карлъ Марксъ.** Нищета философіи. Отвѣтъ на „Философію нищеты“ Прудона. Съ предисловіемъ Фр. Энгельса. Цѣна 39 коп.

№ 2. **В. Зомбартъ.** Рабочій вопросъ. Цѣна 27 коп.

№ 3. **Н. Сувировъ.** Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Цѣна 49 коп.

№ 4. **Большіе города,** ихъ общественное, политическое и экономическое значеніе.
Сборникъ статей проф. К. Бюхера, проф. Г. Майера, Г. Зиммеля, Г. Бентига, Т. Петермана и Д. Шефера. Цѣна 44 коп.

№ 5. **А. Менгеръ.** Право на полный продуктъ труда. Цѣна 30 коп.

№ 6. **Францъ Мерингъ.** Объ историческомъ матеріализмѣ. Цѣна 15 коп.

№ 7. **П. Гере.** Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ. Цѣна 6 коп.

№ 8. **Т. Курти.** Всенародное голосованіе въ Швейцаріи. Цѣна 7 коп.

№ 9. **Грейлихъ.** Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Цѣна 8 коп.

№ 10. **Э. Зелигманъ.** Экономическое пониманіе исторіи. Цѣна 17 коп.

№ 11. **А. Менгеръ.** Гражданское право и неимущіе классы. Цѣна 45 коп.

№ 12. **А. Бебель.** Шарль Фурье, его жизнь и ученіе. Цѣна 42 коп.

№ 13—14. **Ш. Боржо.** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. I—II. Цѣна по 35 коп.

№ 15. **П. Стрѣльскій.** Самоорганизація рабочаго класса. Цѣна 50 коп.

№ 16. 32, 47—52. **Фр. Мерингъ.** Исторія германской соц.-дем. 8 том. Цѣна по подпискѣ 3 руб.

№ 17. **Э. Виллей.** Какъ производятся въ Западной Европѣ выборы въ парламентъ. Цѣна 15 коп.

№ 18. **К. Марксъ.** Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 г. Цѣна 25 коп.

№ 19. **В. Вейтлингъ.** Человѣчество, какого оно есть и какимъ оно должно быть. Цѣна 12 коп.

№ 20. **Л. Мовичъ.** Великое Учредительное Собраніе 1789 года. Цѣна 45 коп.

№ 21. **А. Шеффле.** Квинтъ-эссенція соціализма. Цѣна 18 коп.

№ 22—23. **Лиссагарэ.** Исторія Коммуны; вып. I. Цѣна 60 к. Вып. II. Цѣна 65 коп.

№ 24. **Г. Роландъ-Гольстъ.** Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Цѣна 45 коп.

№ 25—26. **В. Либкнехтъ.** Робертъ Блюмъ и революція 48 г. въ Германіи; вып. I—II. Цѣна по 40 коп.

№ 27. **В. Зомбартъ.** Политическая экономія промышленности. Цѣна 50 коп.

№ 28. **А. Менгеръ.** Новое ученіе о нравственности. Цѣна 20 коп.

№ 29. **Шарль Жидъ.** Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія. Цѣна 55 коп.

№ 30. **Г. Грейлихъ.** О матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Цѣна 7 к.

№ 31. **В. Либкнехтъ.** Обоснованіе Эрфуртской программы. Цѣна 10 коп.

№ 33. **П. Гере.** Записки рабочаго. Цѣна 55 коп.

№ 34. **Г. Мохъ.** Постоянная армія и милиція. Цѣна 55 коп.

№ 35. **К. Фроме.** Монархія или республика? Цѣна 1 рубль.

№ 36. **В. Зомбартъ.** Пролетаріатъ въ Америкѣ. Цѣна 30 коп.

№ 37. **Эм. Калеръ.** Вильгельмъ Вейтлингъ. Цѣна 35 коп.

№ 38 **Д-ръ Г. Люксъ.** Этьенъ Кабэ и Икарійскій коммунизмъ. Цѣна 65 коп.

№ 39. **Н. Г. Помяловскій.** Очерки бурсы. Цѣна 75 коп.

№ 40. **Н. Г. Помяловскій.** Вуколъ. Цѣна 10 коп.

№ 41. **Н. Г. Помяловскій.** Мѣщанское счастье. Цѣна 50 коп.

№ 42. **Н. Г. Помяловскій.** Молотовъ. Цѣна 75 коп.

№ 43. **К. Марксъ.** Восемнадцатое Брюмера Людовика Наполеона. Цѣна 30 к.

№ 44. **Фр. Энгельсъ.** Анти-Дюрингъ. Цѣна 1 рубль.

№ 45. **Роза Люксембургъ.** Соціальная реформа или революція? Цѣна 30 коп.

№ 46. **Г. Іеккъ.** Интернаціоналъ. Цѣна 80 коп.

№ 53. **Эд. Доллеанъ.** Робертъ Оуэнъ. Цѣна 50 коп.

№ 54. **Ахиллъ Лоріа.** Соціализмъ и соціальный дарвинизмъ. Цѣна 15 коп.

№ 55. **Э. Виллей.** Избирательное законодательство въ Европѣ. Цѣна 75 коп.

№ 56. **П. Фальбекъ.** Современный парламентаризмъ. Цѣна 40 коп.

№ 57. **Фр. Мерингъ.** Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго. Цѣна 60 коп.

№ 58. **І. Губеръ.** Философія соціалъ-демократіи. Цѣна 20 коп.

№ 59. **Павелъ Гере.** Три мѣсяца на фабрикѣ. Цѣна 1 рубль.

№ 60. **Гартманъ.** Народныя движенія въ Германіи въ 1848 году. Цѣна 1 руб. 25 коп.

№ 61. **Каутскій.** Анти-Бернштейнъ. Цѣна 1 рубль.

№ 62—63. **Г. Кохъ.** Очерки по исторіи политическихъ идей и системъ государственнаго управленія, 2 вып., каждый по 1 руб.

Въ прочныхъ изящныхъ переплетахъ на 12 коп. за книгу дороже.

Каталогъ изданій Т-ва „Просвѣщеніе“ высылается, по требованію, безплатно.